Индекс 70544

ВЫПИСЫВАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

«Молодая гвардия» — это бескомпромиссный разговор с читателем о судьбах народа, нашей многострадальной, ныне порушенной «демократами» России, об истории и будущем нашего Отечества. Возрождение государственности, духовности и культуры русского народа и всех народов нашего многонационального Союза, прекращение спада и новый подъем многоукладной экономики, социальная защита и защита всех прав человека-труженика, человека-творца — вот основная тема и боль наших авторов.

В 1993 году журнал «Молодая гвардия» предполагает опубликовать следующие произведения:

роман **Михаила АЛЕКСЕЕВА «Мой Сталинград»**, в котором ярко выражен взгляд писателя-фронтовика на грандиозную битву на Волге;

роман **Валерия БАРАБАШОВА «Высшая мера»**, в нем исследуется история предательства майора Советской Армии, научного сотрудника НИИ, расценившего приход рынка как возможность продать все, что прежде для офицера было свято: честь, Родину, верность присяге;

криминальный роман **Александра КРОТОВА «Охота на Президента»**. Время действия — 1992 год. Место действия — Россия;

роман **Ивана СТАДНЮКА «Меч над Москвой»**, раскрывающий мотивы катастрофических событий в октябре 1941 года в районе Вязьмы, где были окружены и наполовину разбиты немцами десятки советских дивизий;

остросюжетную повесть **Юрия СЕРГЕЕВА «Княжий остров»**;

из серии «Зарубежный детектив. Публикуется впервые» — **Эд. МАКБЛЕЙН. «Ищем глухого террориста»** (будни 87-го полицейского участка г. Изола, США);

повести и рассказы **Сергея Алексеева, Юрия Бондарева, Александра Баркова, Геннадия Воробьева, Николая Коняева, Владимира Кононова, Сергея Михеенкова, Анатолия Ткаченко, Вячеслава Фадеева, Сергея Шумского**;

стихи и поэмы **Сергея Викулова, Владимира Цыбина, Виктора Смирнова, Валентина Сорокина, Бориса Примерова, Ивана Савельева, Ольги Фокиной, Нины Карташевой, Станислава Куняева, Игоря Ляпина, Татьяны Глушковой, Владимира Фирсова, Феликса Чуева, Льва Котюкова** и других хорошо известных и молодых поэтов;

публицистические исследования доцента Академии МВФ **Станислава Кузьмина «Правда о ГУЛАГе»**, основанные на подлинных документах и действительных фактах; **продолжение новой рубрики «Русская идея»**, где будет дано философское осмысление третьего, национального пути развития России;

статьи публицистов и критиков **В. Бушина, Ф. Бирюкова, М. Лобанова, Э. Володина, С. Жарикова, Д. Жукова, В. Васильева, Ю. Калабухова, А. Кузьмина, В. Канашкина, Н. Федя, И. Ланина, А. Василенко, В. Якушева** и других.

Как всегда, читатель познакомится с материалами, которые могут быть опубликованы сегодня только в «Молодой гвардии» и нигде больше.

Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы приближаете день спасения Отечества от интервенции иностранного капитала, от коррумпированных предателей Родины, вы способствуете возрождению духовности и национального достоинства всех народов, проживающих на территории СССР.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1993
1
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Александр ИГОШЕВ

ВИДЕНИЕ

В урочную полночь на Спасской часы
пробьют и сурово, и строго.
И в жгучих накрапах
кровавой росы
откроется в пропасть дорога.

Вверху — воронье
и внизу — воронье.
Час татя и хищного зверя.
Мы сами избрали такое житье,
в обманную прелесть поверя.

Непроглядь и лживость.
Так было, когда
лихое на подкуп боярство
кричало — не эхо ль домчало сюда? —
— Желаем Бориса на царство! *

Во мгле и кремлевских святынь терема,
и дали от Охи до Прута.
Холодной змеею
вползает в дома
людей поделившая смута.

И орден Мальтийский
в Московском Кремле
уже восседает по-свойски.
За чуждою верой
на Русской земле
чужое объявится войско.

И этот всемирный расхристанный сброд
командовать станет по-барски...
Но вижу я:
Минин сзывает народ,
полки собирает Пожарский.

Я вижу:
в тревоге большой господа
и сыплют запреты со страхом.
Им будет не легче, чем было тогда
в Кремле затворившимся ляхам.

* Имеется в виду Борис Годунов.

ПАТРИОТЫ, НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ!

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

*Москва, акционерное общество
«Молодая гвардия»*

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: художник Мстислав Боровский. «Россия и ее сердце».

«Молодая гвардия», 1993, № 1, 1—256

НАШ АДРЕС:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, телефоны редакции: для справок: 285-88-58, 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15, отдел поэзии — 285-88-40, отдел очерка и публицистики — 285-80-26, отдел критики — 285-80-14, отдел распространения, реализации и пропаганды — 285-80-16.

ИОАНН,
митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

ТАЙНА БЕЗЗАКОНИЯ*

Мы смело обличаем... безверие и безумство, это современное бешенство. Господь видит все совершающееся в нашем Отечестве и уже скоро изречет праведный суд Свой на дерзких и вероломных, дышащих злобою и убийством... Господи! Да возопиет кровь Твоя против всех крамольников, и да воздаст им Господь праведным отмщением!

Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский

Недавно на страницах «Советской России» один известный публицист посетовал: перевелись-де на Руси церковные пастыри, ревнующие о благе Отечества, способные обличить продажность и бесстыдство современных политиканов. Намереваясь ныне по силам моим сказать слово обличения злобам и страстям обезумевшего, обезверившегося мира, считаю необходимым пояснить: Церковь ревнует лишь о славе Божией, о Вечной Истине, а не о сиюминутной политической выгоде. Русская Православная Церковь равно любит всех: и верных своих чад, и заблудших, непримиримо воинствуя лишь с подлым, расчетливым и злонамеренным богоборчеством, неотступно стремящимся сокрушить Русскую Державу, в каких бы государственных формах она ни существовала, ибо под покровом российской государственности — ответственной и национально осознанной — всегда будет живо и действенно Русское Православие.

* * *

Отечество наше, народ наш переживают сегодня лютые, тяжелейшие времена смуты и безначалия. Святыни попраны и оплеваны, государство предано и брошено на разграбление бессовестных и алчных стяжателей, жрецов новой официальной религии — культа духовного и физического разврата, культа безудержной наживы, — любой ценой. Процесс апостасии, разложения живого и цельного христианского мироощущения, предсказанный Господом Иисусом Христом почти два тысячелетия назад, близок к завершению. По всей видимости, Бог судил нам стать современниками «последних времен». Антихрист как ре-

* Перепечатано из «Советской России» от 10 октября 1992 г.

альная политическая возможность наших дней уже не вызывает сомнений.

В этих условиях, когда делается все, «чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24, 24), необходимо вернуть человеку понимание истинного смысла его существования. Но одного этого мало: нужно вернуть смысл и нашему соборному, народному бытию. Вопросы религиозного осмысления истории русского народа приобретают в этой связи особую злободневность. Тем более что события русской истории ни по своим масштабам, ни по нравственному значению не укладываются в рамки рационалистического познания.

Христианское мировоззрение давно подметило в череде исторических событий некую необъяснимую на первый взгляд странность. Походы и войны, мятежи и революции, смены династий и свержения престолов, экономические кризисы и политические интриги — эти внешне бессвязные и хаотические явления соединены между собой удивительным единством последствий. Их конечным результатом всегда является разгром национальной государственности и попрание христианских святынь. Неизбежно встает вопрос: почему? Что это — случайность или «объективная закономерность», столь любезная сердцу историков-материалистов? Особое звучание приобретают в этой связи многочисленные христианские пророчества, предсказывавшие именно такой ход истории.

«Молим вас, братия, — обращался апостол Павел к народу церковному на заре христианской эры, — да не обольстит вас никто никак... Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не взят от среды удерживающий теперь» (2 Сол., 2, 1; 7). В этом апостольском призыве — ключ к пониманию многих загадок истории и наших сегодняшних недоумений.

Истоки «тайны беззакония» коренятся в седой древности. Ее отправной точкой являются события внешне малозначительные — в VIII и VII веках до Р. Х. под ударами Ассирии и Вавилона пали маленькие ближневосточные царства — Израильское (в 727 г. до Р. Х.) и Иудейское (606 г. до Р. Х.). Лишившись независимости и превратно истолковав свои священные книги, часть религиозных сект Израиля и Иудеи связали свои надежды на восстановление государственности с пришествием Мессии — царя Израильского, который сделает их господами мира. Считая себя народом, который Бог избрал якобы для господства, они ревниво оберегали свою национально-религиозную «исключительность». Закоснев в ожидании Мессии как политического и военного лидера, эти люди отвергли истинного Мессию — Иисуса Христа, пришедшего в мир с проповедью покаяния и любви. Особую ненависть вызывал у них тот факт, что, обличив заблуждения иудейских «законников» — книжников и фарисеев, Христос разрушил миф об их «богоизбранности», приобщив к Своему спасительному учению все окружающие народы. Обличая сатанинские истоки безмерной гордыни самозваных претендентов на мировое владычество, «Иисус сказал им... Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Иоанн, 8, 42; 44).

Простить ему этой правды «сионские мудрецы» не могли. Христос был оклеветан и по лжесвидетельству осужден на смерть. Но распятым Он оказался для богоборцев еще страшнее. Христианство стремительно завоевывало мир, отодвигая мечту о господстве все дальше и дальше. Тогда христианской Церкви была объявлена война. Вести ее открыто христоненавистники не могли — не хватало сил. Их оружием в этой войне стали тайные общества и организации, скрывавшие за внешне благовидной деятельностью свою главную цель: низвергнуть христианство, разрушить национальные государства и подготовить таким образом «добровольное» объединение мира в рамках единой международной политической структуры под властью единого мирового правительства. Его глава и должен, по замыслу «архитекторов» этого «общемирового дома», воплотить в жизнь многовековую мечту о господстве над миром. Христиане назвали этого грядущего мирового диктатора антихристом.

Под какими только личинами не скрывались «предтечи антихриста» — строители «единого мирового сообщества», основатели экуменических движений, приверженцы «всеобщих мировых вероучений» и тому подобных богоборческих начинаний. Все шло в дело — еретические секты средневековья, псевдомонашеские ордены времен крестовых походов, литературные течения и философские кружки эпохи Просвещения, научные ассоциации и масонские ложи нашего космического века с удивительным единодушием выполняли кропотливую работу по разрушению христианского мироощущения и национальной государственности.

Отпавший от благодати Божией, капиталистический Запад первым испытал на себе всю мощь этого натиска. «Vexilla regis prodeunt inferni» — «знамена властителя ада продвигаются вперед» — так писал в 1884 году в своей энциклике папа римский Лев XIII, предупреждая западный мир об опасности. Ныне на наших глазах завершается один из последних актов этой грандиозной исторической драмы. Западный мир, хвастливо именующий себя «цивилизованным» и кичащийся многовековой христианской культурой, на деле являет собой жуткое зрелище тупого, животного равнодушия к вопросам истинно духовной жизни.

Стоило поднять «железный занавес», чтобы русский человек на собственном опыте убедился, каковы «блага цивилизации»: беспредельный цинизм и разнузданное бесстыдство хваленого «свободного мира» сегодня очевидны для любого наблюдателя, сохранившего хоть малую толику нравственной чуткости. На развалинах некогда христианских национальных государств с помощью бесчисленных международных банков, фондов, комитетов, совещаний и организаций лихорадочно возводится уродливая вавилонская башня «нового мирового порядка».

Ее строителям давно не давала покоя Россия. Длительное время именно русская держава являлась тем «удерживающим» (вспомним слова апостола Павла!), само существование которого не позволяло осуществляться «тайне беззакония». Крепкая вера Руси и ее мощная православная государственность служили гарантиями того, что разрушительные социальные и религиозные движения не смогут достичь своих страшных целей. К XIX веку тем не менее влияние тайных международных богоборческих сил достигло такой величины, что на повестку дня был поставлен вопрос об уничтожении России.

«Когда самодержавная Россия останется последней цитаделью христианства, мы спустим с цепи революционеров-нигилистов и безбожников и вызовем сокрушительную социальную катастрофу,

которая покажет всему миру во всем его ужасе абсолютный атеизм как причину одичания и самого кровавого беспорядка... Тогда все бесчисленное множество разочарованных в христианстве, жаждущее в душе своей божественного идеала, примет просвещение через всемирную проповедь чистейшего люциферианского (т. е. сатанинского. — Прим. авт.) учения, к тому времени уже открытую и всенародную». Похоже, «то время» уже настало: волны откровенного или наспех замаскированного сатанизма заливают русскую землю, губя и калеча человеческие души. А мы все спим?

Неужели ошибки прошлого ничему не учат? Документ, содержащий вышеприведенные страшные строки, подписан 15 августа 1871 года Альбертом Пайком, духовным вождем международного масонства того времени. Обнародованный во Франции задолго до революции 1917 года, он был вскоре переведен на русский язык и опубликован в России, но... остался незамеченным. Уверенное в несокрушимой мощи Российского государства, русское общество беспечно взирало на набиравший силу процесс «расцерковления» народного сознания.

Напрасно Православная Церковь взывала устами своих святых подвижников: «Западом и наказывал и накажет нас Господь, а нам в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас!.. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня...» Слова эти принадлежат русскому подвижнику епископу Феофану, затворнику Вышенскому. Не горько ли, что и сегодня звучат они как нельзя более современно?

К предостерегающему голосу пастырей Церкви присоединяли свои тревожные призывы и патриоты-государственники. В докладной записке Департамента Полиции, датированной 10-м февраля 1895 года, отмечается: «Ныне боевой аппарат масонства усовершенствован и формы грядущего натиска откристаллизовались. Испытанным боевым оружием масонства уже послужил экономический фактор — капитализм... Разжигание бессознательной ненависти в народной толпе против всех и вся — таков второй и главный наступательный ход, выдвинутый ныне масонством в России. Этой мутной волной намечено потопить царя не только как Самодержца, но и как Помазанника Божия, а тем самым забрызгать грязью и последний нравственный устой народной души — Православного Бога... Пройдет всего каких-нибудь десять-двадцать лет, спохватятся, да будет поздно: революционный тлен уже всего коснется. Самые корни векового государственного уклада окажутся подточенными».

Катастрофа 1917 года и последовавшая за ней братоубийственная бойня иллюстрируют приведенные выше цитаты лучше всяких слов. Религиозный смысл этих исторических событий не вызывает сомнений. Стремились уничтожить Россию как Престол Божий, русский народ — как народ-богоносец. Символический смысл некоторых деяний «строителей светлого будущего» просто бросается в глаза.

В 1918 году при странных, таинственных обстоятельствах совершено зверское убийство царской семьи и их ближайших слуг. Зачем? Ведь никакой политической опасности царственные узники к тому времени уже не представляли — это ясно любому непредвзятому исследователю. Убивая Русского Православного Царя, символически убивали законную, христианскую, национальную власть. Убивая Наследника, — убивали и будущее России. Убивая вместе с Августейшей Семьей их верных слуг, — убивали всесословное общенародное единение, к которому так стремилась всегда русская жизнь.

В 1921 году русские архиереи взывали: «Народы Европы! Народы мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против наших детей и внуков! Помогите изгнать культ убийства, грабежа и богохульства из России и всего мира». Напрасный труд — «цивилизованный мир» равнодушно взирал на русские муки.

Но Русская Церковь не сдавалась. В России она благословляла своих верных чад на подвиг исповедничества и мученичества перед лицом торжествующего зла. Из-за рубежа доносился обличительный глас ее архипастырей, окормлявших многомиллионное русское рассеяние. «Наше смутное время весьма скудно пророками, но очень богато лжепророками, — предупреждал православный Собор Архиереев, собравшийся в 1932 году в Сербии. — Мир оскудел «духом Божиим», но очень богат «духом заблуждения». Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство. Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с Церковью, с национальной государственностью и особенно с государственностью христианскою...

Под знаком масонской звезды работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые применяют большевики для разрушения России, очень близки масонским. 15-летнее наблюдение над разрушением нашей Родины воочию показало всему миру... как поработители русского народа верны программе масонских лож по борьбе с Богом, с Церковью, с христианской нравственностью, с семьей, с христианским государством, с христианской культурой и со всем тем, что создало и возвеличило нашу Родину».

В 1990 году еженедельник «Аргументы и факты» опубликовал статистические данные, согласно которым общие потери народонаселения России за период с 1917 по 1959 год составили 110,7 миллиона человек. Так явила себя миру тайна беззакония в России — во всем ужасе и безобразии своей дьявольской личины.

Итак, что же мы на сегодня имеем? Разрушенное государство, над трупом которого вовсю пирует воронье «суверенных» князьков, растаскивая остатки по своим «уделам». Плохо, но это еще полбеды. Налицо также гонения на Церковь, принявшие скрытые, а потому более изощренные формы. Жутко глядеть, с каким упорством и остервенением пытаются лишить Церковь ее главной спасительной силы — Божественной Истины, содержащейся в церковных недрах во всей полноте и определенности.

Ко мне многие обращаются с вопросами о деятельности о. Глеба Якунина. Не имея возможности ответить всем лично, отвечу, пользуясь представившимся случаем, через печать. Я, как архиерей Божий и митрополит Русской Православной Церкви, свидетельствую своей совестью, что о. Глеб Якунин к Православной

Церкви уже не принадлежит. Вся его деятельность вопиет о разрыве с Православием и не может восприниматься как деятельность церковного пастыря. Он остается в сане лишь потому, что крик и шум, которые, несомненно, сопровождали бы его низвержение из сана, претит чувству церковной чинности и благолепия.
«Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть» (Мф., 24, 6), — предупреждает нас Священное писание. «Ибо восстанет народ на народ и царство на царство» (Мф., 24, 7). Это пророчество не о мировых войнах, как думают некоторые. В них участвовали многие народы и царства, здесь же говорится лишь о двух. Оно — о той последней, страшной брани, которую поведет в последние времена НАРОД БОЖИЙ — православные христиане, вписанные в Книгу Жизни и приналежащие Царству Божию, против НАРОДА БЕЗЗАКОННОГО — богоборцев и лжеучителей, предтеч антихристовых, участников и ревнителей — «тайны беззакония», принадлежащих по духу своему царству тьмы и сатане — возглавителю этого царства.
Восстанем же, братия! Будем бдительны. Облечемся в святую ревность, отринем уныние и робость! Приведем жизнь свою в соответствие со спасительным вероучением Православной Церкви. Се, ныне Господь призывает нас поработать на ниве Своей, да не услышим осуждающий глас Его. «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч, и не холоден, то извергну тебя из уст Моих... Итак, будь ревностен и покайся» (Апок., 3, 15—19).
Покаемся же в нерадении своем и поревнуем святому делу Божию — возрождению Дома Пресвятой Богородицы, Православной России!
Сие и буди, буди! Амин.

Анатолий ЯКОВЕНКО

НА ВЕРНОСТЬ

Заметки писателя

ЗАЗЫВАЛЫ

В годовщину путча — у кинотеатра «Октябрьский» на Ново-Арбатской. Несколько зазывал с пригласительными билетами в руках снуют туда-сюда, останавливают прохожих и всячески пытаются заманить их в зал.
— Чего еще тебе? — не дали они пройти мимо и мужчине с двумя круглыми буханками хлеба в сетке. — Бесплатно же... заходи! Там будут поздравления, а затем и артисты покажут свое.
— Какие поздравления? — насупился недовольно мужчина. — Все это ваши игры... развалили целую страну! А теперь вот никто к вам и не идет.
— Ладно, чего там, — не сдавались зазывалы. — Демократия просто не дается. Надо ее только не потерять... коль уж удалось вырвать такой ценой.
— А как же с этим? — Мужчина вдруг приподнял сетку. — Опять подорожание... пишут уже, что буханка будет стоить сорок рубчиков.
Зазывалы переглянулись и, ни слова больше не говоря, как-то нехотя пожали плечами и отошли в сторону. А мужчина постоял еще немного и, словно предаваясь прежним гнетущим чувствам, тут же раздумчиво качнул своей кудлатой головой, повернулся и зашагал дальше по такому же, как и у большинства на сегодня, неведомому тернистому пути.

НА ВЕРНОСТЬ

На последнем казачьем сходе московского землячества было очень горячо. Спорили не столько о происхождении тех или иных казаков («Я казак с родовой шашкой!»), сколько о самом высоком во всем этом движении. Казачьем братстве, долге, чести... Казак — равно Россия! Вот та точка, по которой мерится все уже непреложное.
И вместе с тем в душе осталась тревога. Потому как именно тут пробивалось много путаного. Что же конкретно подразумевается под нынешней Россией? Каковы ее идейные, национальные и территориальные пределы? «Будем насмерть стоять за веру... За свой русский народ! И за его веками собиравшиеся воедино земли...» Но при всем при том отчего-то идут многие на попятный. Ведь по только что вышедшему указу Ельцина за президентом остается право утверждать наказных атаманов! Значит,

будут создаваться казачьи самоуправления и верстаться в казаки все пожелавшие. А затем на основе этого сформируются и воинские подразделения. Но куда их повернут, чьи интересы они станут защищать? Если президент на сегодня отнюдь не монарх и даже некрещеный. Он же в угоду некой «мировой закулисе» развалил нашу державу.

Бросил он и миллионы оставшихся за кордоном русских. После своего же признания уничижительных суверенизаций! Вот и хочется спросить у особо ретивых казачьих голов:

— Братья казаки! Неужто любо вам продавать душу? И присягать на верность мировой закулисе.

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

С национального Собора пошли к памятнику Минину и Пожарскому. Возложили цветы, а уж оттуда направились в Останкино. Поддержать там митингующих... И вот, возле палаточного городка, к соборянам подходит один из «Трудовой Москвы» и как бы переспрашивает:

— Вы у Минина и Пожарского были... цветы возлагали?

— Да, — подтвердили те.

— А к Ленину?

Соборяне переглянулись и, сменившись с лица, отошли от него. Будто от проказы... А удивительного в этом ничего не было, потому как тут сказалась вся разница нашего национального самосознания. С одной стороны: желающие вернуть свою историю, веру и все то, благодаря чему была создана Святая Русь и ее духовность. Нация, могущество... и как символ защитников всего уже Отечества — Минин и Пожарский! А что же в лице пролетарского вождя? Разрушение и утверждение власти на крови миллионов собственных сограждан.

И, как следствие сего, вся нынешняя смута. С ее расколом, развалом и дележом. И опять белые да красные? И казаки готовы уже вновь рубить головы «коммунякам»! История нас ничему не учит... и пока не сломаем гордыню, не откажемся от взаимных претензий и обвинений, не придем к чему-то единому и примиряющему, нам еще долго придется скрещивать копья.

ЕВРАЗИЯ

На съезде писателей сзади нас сидел иудей. Из Нижнего Новгорода... Он все молчал, пока к нему не подсела какая-то дамочка.

— И вам тут интересно? — обронила она.

— Ну как бы вам, — вальяжно откинулся тот. — Тут такое зрелище... идет объединение русского национализма в Азии.

— И вы считаете, это плохо?

— Весь этот съезд, — снова послышалось так же напыщенно. — Это уже слитая вода... и чего же от них всех можно ждать!

А в зале были Белов, Распутин, Бондарев, Сорокин, Кузнецов Юрий. И от Азии: Гамзатов, Пулатов, Мустай Карим... А разлад вносили все те же арро, нуйкины, оскоцкие. Лица прозападной ориентации, или, как принято сейчас говорить, атлантисты. Они

же пытаются вбить клин между Россией и Украиной с Белоруссией. Разодрать нас на части и вернуть к тому времени, когда на востоке от Москвы простиралась еще Золотая Орда, а на западе, помимо тевтонцев, были нашими супостатами шляхтичи.

И что же? Ведь ордынцы при всем при том никогда не покушались на нашу веру. И не уничтожали нашу культуру... а вот хваленая Европа только и делала, что на протяжении веков всячески старалась подрубить нас под самый корень. То есть искромсать веру нашу православную, лишить письменных свидетельств, храмов и всей чисто славянской глубинной исконности. А теперь вот решила накинуть при помощи «пятой колонны» (этих обрядившихся под демократов иезуитов) и экономическую удавку. И отсюда совместные предприятия, кабальные займы и пр.

— Вот и натягивайте теперь тюбетейки, — съязвил в перерыве все тот же иудей.

— Ничего, — отпарировал тут же кто-то из наших. — Как-нибудь найдем общий язык... а вот ваших ермолок с нас хватит!

ИЗМЕНА

На открытии памятника Кириллу и Мефодию случилась заминка. Во время речи Станкевича вдруг раздались звуки колоколов! С выстроенной еще в XVII веке церквушки Всех святых на Кулишках. И в рядах высших иерархов всполошились. Они только что прошествовали сюда во главе крестного хода по Кремлю. И, конечно же, не хотели упасть в грязь лицом перед представителем городской верхушки. Один из них выбежал сразу вперед, вскинул руки и принялся махать ими. Пока уж кто-то из звонарей не заметил его и, будто идя на какую-то уступку, не прекратил свой перезвон. Такой внезапный, тревожный и явно как бы чем-то недовольствующий.

А когда на другой день уже в академии к трибуне вышел сербский профессор и выразил протест российскому правительству, то тот же Станкевич вскочил и поспешно покинул переполненный зал. Он, казалось, попросту перепугался такого неожиданного поворота (ведь у них было все расписано и не допускалось каких-то срывов), а тут новая накладка. Но все это наверняка вскоре бы стушевалось в общем потоке выступлений. Тем паче, что вслед за уходом Станкевича послышались даже голоса «браво» и аплодисменты. А поразило тут уж совсем иное! В возникшей сутолоке стали вдруг покидать зал и несколько священников.

— А вы-то куда? — не выдержал кто-то из гостей. — Это же наши братья... такие же православные. В двадцатые годы сколько они русского духовенства спасли! А когда теперь вся Европа на них... вы тоже их предаете?!

Священники внезапно остановились, повернулись к залу и принялись оправдываться. Но на лицах их было по-прежнему замешательство, что-то вроде вины и некоторого даже раскаяния.

— Мы просто не можем присутствовать, — ответил один из них, — когда здесь такое... споры, крик!

И они все-таки протиснулись к двери. А у всех видевших это остался какой-то осадок. И как-то даже не верилось в то, что и

русская Патриархия готова продать наши национальные интересы. И что у России нынче нет ни царя, ни веры, которые бы могли поддержать не только нас, но и встать на защиту всего Православного мира.

ПАМЯТЬ

В начале перестройки самым грозным, конечно, было появление «Памяти». Демократы сознавали, что с коммунизмом они теперь справятся. А у «Памяти» нечто совсем иное! Совсем далекое от интернационала и всего того, что давно уже иссушает весь наш народ. Делает его каким-то безликим и остылым. Тут же, напротив, вся опора на национальное. Сугубо исконное и православное.

И к сионистам совсем уж иной подход! Без всяких этаких увертох и заигрываний. Потому как именно они главные погубители России! Разрушители ее храмов, обычаев. Ее идейные враги... И тут «Память» била, что называется, в десятку.

А отсюда уж и такой общий навал. Шовинисты, фашисты, антисемиты! Газеты кричали об этом буквально взахлеб. И молчали же только русские писатели. Чего-то все побаивались и даже как бы сторонились. Хотя за столиками ЦДЛ и в разных патриотических журналах была общая симпатия.

И так вот оставили «Память» саму по себе. Не дали ей широкого поясненного движения. В то время как в Литве появился «Саюдис», на Украине «Рух», в Казахстане «Азат». И вся национальная интеллигенция была с ними. И никого почему-то не отпугивали ни шовинизмом, ни национализмом. А теперь вот уже и пришли к власти. Вместо рухнувшего повсюду коммунизма. И только «Память» одна по-прежнему втуне. И уже какая-то совсем бескрылая. Выступает в кинотеатрах, размахивает черно-бело-золотистыми стягами и призывает к духовности. И все вроде бы верно... даже трогают и берут за сердце иные их постулаты!

А вместе с тем уходишь после всего этого без особого заряда. Потому как сейчас уже мало одних речей. Нужны действия... Сергий Радонежский тоже укреплял дух молитвами. Но именно он же благословлял все русское воинство и на нещадную спасительную сечу.

ВЕЛИКИ СКОРБИ

Они двигались по Пушкинской... матери погибших в армии сыновей. В темных траурных платьях, платках! В руках некоторых из них были транспаранты. Впереди несли три пустых гроба, обитых красной материей с черными длинными лентами. Сбоку раздавался в мегафон голос с их требованиями. А сзади же всю эту небольшую скорбную колонну замыкали несколько мужчин.

И пока эта столь необычная процессия уносила себя дальше, всюду вдоль тротуаров выстраивались прохожие. И в лицах их не было уже того праздного любопытства, кое бывает при виде всяких других шествий. А лишь такое же глухое молчание, стылость и какая-то настороженность.

Остановились напротив верховной прокуратуры России. Прислонили гробы к железным и запертым воротам и, не сумев проникнуть поближе к раскрытым окнам, сместились с проезжей части улицы сюда же, ко двору, и принялись поочередно высказывать все свое самое безысходное.

— Верните голову сына! — взывала громче всех одна из матерей. — Мне прислали лишь тело... и, может быть, это совсем не он! Я не успокоюсь, пока вы не расследуете все и не скажете мне правду.

Сзади к ним подошли несколько милиционеров и попробовали было что-то разъяснить.

— Этот митинг незаконный? — внезапно прервала их какая-то из матерей. — А скрывать от нас убийства наших сыновей законно? И кто ответит за то, что сейчас уже повсюду льется кровь наша русская! Карабах, Приднестровье, Сербия... кто их туда посылает? И чьи интересы они там защищают?

Затем берут гробы, разворачиваются и медленно идут назад по той же улице. И долго еще слышится и доносится также в мегафон их тревожный взывающий голос. Как будто они все уже прозрели в этом своем безмерном неутешном горе и хотели бы, чтобы через сие открылся и для других весь наш еще более разросшийся нынешний беспредел.

КЛЫКОВ

Несколько дней назад в ЦДЛ заглянул скульптор Клыков.

— Ну что? — бросил лишь нам. — Как у вас тут... держитесь?

— Ничего, — протянули мы. — Дюжим пока... хоть и сам премьер Гайдар решил все наше имущество конфисковать.

Постояли немного, помолчали и вышли на улицу.

— Сейчас с нами так, — заключил своим ровным глуховатым голосом Клыков. — Только через удавку... Мы же для них идейный форпост!

ПРОЩЕНЫЙ КОЛОДЕЦ

Как только мы подъехали к Куликову полю, то сразу отправились к храму, где перед входом собралась огромная толпа и где уже шла панихида по всем убиенным на этом святом месте. Все церковные иерархи стояли в праздничных раззолоченных ризах, образуя довольно длинный коридор до самого крыльца. А по обе стороны от них высились древки и развевались знамена с ликами ратных воителей.

Воинам православным,
На поле брани
Живот свой положившим,
И сотвори им вечную память! —

вытягивал пуще всех высокий чернобородый протодьякон.

Он выдвинулся на шаг вперед и даже рядом с самим владыкой Серапионом казался в сии минуты каким-то особенно вдохновенным. И как только вслед за ним вновь раздавались мужские

голоса, а за ними вторили и вплетались мягким плавным распевом женские, то все вокруг еще более застывало и наполнялось чем-то совсем отдаленным.

После панихиды и волнующих речей мы отправились к памятнику Дмитрию Донскому. А от него уж — на автобусе к тому месту, где после битвы отдыхали у одного из пробивавшихся тут родников русские воины, залечивали раны и приводили в порядок доспехи.

Но прежде чем подъехать туда и остановиться, мы долго еще петляли мимо высоких желтеющих берез и поросших густой некошеной травою полян. А затем спустились под серыми клочковатыми облаками к самому Дону и, завернув чуть в сторону от узенькой наторенной тропки, уперлись в небольшую строительную площадку.

— Тут вот и был самый большой родник, — хмурясь и как бы тоже куда-то отстраняясь, начал скульптор Клыков. — И мы решили поставить здесь часовенку... ведь отсюда до Куликова поля девять километров. Но рядом река, роща и широкий открытый дол. И это очень удобное место для стоянки... в обозах-то, помимо снаряжения, везли много раненых. И все умывались тут, пили воду, прощали друг другу всякие обиды и давали клятву в верности. И поэтому все это вкупе и дало такое название! Прощанье, прощеный... и было всегда особенно почитаемо в простом народе. Даже и сейчас видим на ветках привязанные кем-то белые лоскутки. И пока эта связь не будет нарушена, будет и у остальных какая-то крепость духовная.

Но во всю дальнейшую дорогу до самой Москвы нас не покидало и тревожное чувство. Ведь кто бы мог подумать, что в канун 612-й годовщины сей битвы Русь вновь попадет в полон, и ей надо будет опять собирать всю свою силу. Возносить памятники по всей униженной раздираемой земле, отливать тяжелые гулкие колокола и, взывая к светлой памяти прежних страниц и героических свершений, будить народ и указывать ему на то, кто же его нынешний враг и поработитель.

Ведь сюда по-прежнему прибыли все лучшие сыны ее. Ученые, писатели, художники... вздымающиеся казаки и поруганная Память. Да и просто все те, в ком еще не угасли последние струны и кто откликнулся всем сердцем на этот сокровенный внутренний зов.

А коль так, то Русь еще жива! Она непременно очнется, проврет и, отыскав необходимые броды и перелазы, минует, как некогда, Непрядву и будет также плечом к плечу стоять за свое. Чтобы и для нас сохранилось в памяти потомков не только само Куликово поле, но и его такие вот столь же значимые неотъемлемые знаменья.

Новомосковск, Епифань, Куликово поле

Евгений КУРДАКОВ

ВЕТЕР ВОСКРЕШЕНЬЯ И ЛЮБВИ

* * *

Мой берег вечный, река без края, волна и ветер!
Как мало надо, чтоб быть счастливым на белом свете!

На белом свете, под этим небом, на этих пашнях
Простим заблудших, претерпим властных, поднимем падших!

Нагих оденем, обуем босых, напоим жаждых,
Накормим алчных, проводим мертвых и тихо скажем:

— Мой берег вечный, река без края, волна и ветер,
Что еще надо, чтоб быть счастливым на белом свете?

* * *

Мы жить еще не начинали,
Все оставляли позади:
Едва осмысленные дали
Да боль сердечную в груди.

И чем мудреней, тем безвестней,
Судьбу ломая напоказ,
Мы только песней, только песней
Ее венчали всякий раз.

В ней горе Игорева поля,
В ней горечь нынешних полей
И та неслыханная доля
Быть и в несчастьях всех светлей.

И эти стройки, перестройки, —
Они опять лишь для того,
Чтоб вечной песне снежной тройки
Жилось и плакалось легко...

Моя усталая держава,
Не сокрушайся пред судьбой,
Ведь ничего не страшно, право,
Пока есть песня над тобой.

* * *

Ты думаешь, мир — безмятежный юнец?
Он — старец, предвидящий скорый конец.
Смотри, как, дряхлея, тревожно горит
Дробящийся в звезды сыпучий зенит,
Как горько дымит раскаленный закат,
Когда в него звезды из бездны летят,
Как бездна, в беззвучный скрутившись поток,
Тяжелый гранит разбивает в песок,
И зерна песка, истончась до пылй,
Волной оседают в кромешной дали,
Где кружит столбом, завихряясь в веках,
Усталого мира беспомощный прах...

Ты думаешь, мир не собрать, не вернуть?
Отнюдь, он таит и обратную суть.
Смотри, как покорно отвергнутый прах
Становится черной землей на полях,
Как жизнь, по сусекам метя и скребя,
Из этого праха слагает себя,
Как жадно по ягоде лепится гроздь,
По нити — рубаха, по щепоти — горсть,
По вздоху — молитва, по взгляду — любовь,
По таинству — вера, по возгласу — молвь,
По радости — свет, — от него, от тебя,
Где то торжествует, что множит себя.

* * *

Есть та правда, что тягостней лжи,
Та, что душу ввергает в смятенье, —
И безмолвно стоишь у межи
Чьей-то глупости и самомненья.

И молчишь, состраданьем томим,
Перед бездарью или пороком,
Чтобы словом нелегким своим
Не умножить бы зло ненароком, —

Чтоб в непрошеной правде скупой
И свое не узреть пораженье...
Сокол птицу не бьет над водой,
Чтоб не видеть свое отраженье.

ЖАВОРОНОК

Ковыльный холм, волнуясь, серебрится,
И там над ним, развесив зеркала,
Журчит взахлеб полуденная птица,
Таинственно мерцая в два крыла.

То — жаворонок в знойном поднебесье
Не устает собой напоминать,
Что песне нужен свет, чтоб сбыться песней,
А свету — песня, чтобы светом стать.

АВГУСТ

В пустынной глуши одичавшего парка,
Где полуугаданы створы аллей,
Где патиной августа крупно и жарко
Уж тронулась снова листва тополей,

Где всюду и шорох, и шелест, и трески,
Где тянет протяжно дымком от костров,
Где пыльно сплелись паутин арабески
Меж строгими фресками темных стволов,

Где зелень сквозь желтое мнится кощунством,
Где, вновь ощутив ожиданье и транс,
Себя застаешь за банальнейшим чувством,
Что все это чей-то не новый романс,

Что все это где-то альбомно, куплетно
Давно отзвучало, и здесь — невпопад, —
Мой август, мой парк, отлетевшее лето,
Осыпь же на землю и мой листопад!

Чтоб прописи эти и в новом захлебе
Томили б опять прописной новизной.
Чтоб парковых дятлов случайные дроби
Твердили б теперь о другой, о другой, —

О той, промелькнувшей беззвучно, безмолвно
Средь оргии осени и кутежа,
Прозрачно и сонно, вальсируя словно,
На цыпочках будто, кружась и кружа.

* * *

В дождливой полумгле предлетних дней
На берегах реки, холодной, ветреной,
Я отхожу душой давно бестрепетной
И словно б оживаю вместе с ней.

И снова пахнет рыбой и костром,
И ржет скопа за рыжими утесами,
И чайки над светлеющими плесами
Взлетают ввысь, рассвет чертя крылом.

Плеснет залив тяжелою волной
На берег, сплошь покрытый пенным крошевом,
И галки, потревоженные коршуном,
Закружатся, крича над головой.

И мне легко — мир снова света полн!
Все отошло без боли, без отчаянья, —
Таинственною силой врачеванья
Исполнен каждый всплеск холодных волн.

...Плещи, залив, и, жизнь моя, плыви
Сквозь легкий этот дым, парящий, розовый,
В рассветный мир, не ослепленный грозами,
Под ветер воскрешенья и любви.

Алма-Ата

Валерий БАРАБАШОВ

ВЫСШАЯ МЕРА

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Совещание генерал-лейтенант Торопов закончил к трем часам дня и теперь сидел у себя в комнате отдыха, пил чай, рассеянно поглядывая на экран телевизора. Шла обычная информационная программа. Дикторша с шустрыми улыбчивыми глазами рассказывала о всякой российской и мировой всячине, явно гордясь тем, что почти не заглядывает в лежащий у нее на столике текст.

Вдруг на экране появился черного цвета бомбардировщик В-2 и медленно, нехотя разворачиваясь, заполнил собою весь экран. Дикторша рассказывала за кадром, что американцы уже несколько лет владеют этим грозным оружием-невидимкой: ни одно современное радиолокационное средство не способно обнаружить этот самолет из семейства «Стелс». Блеснув алюминиевым брюхом, самолет пропал, и в информационной программе пошел другой сюжет. Торопова покоробила, как ему показалось, совсем неуместная и преждевременная радость в голосе дикторши по поводу сложности обнаружения «Стелса»...

Научно-исследовательский институт, который возглавлял Торопов, уже лет тридцать работал в Городе-на-Дону, горожане окрестили его «Малым Пентагоном», в обиходе — просто «Пентагоном». Здание института — глазастая, с зарешеченными нижними окнами десятиэтажка из белых каменных плит торчала прямоугольным айсбергом в самом начале проспекта Коммунаров. По утрам к проходной института устремлялись десятки старших и младших офицеров. Многие разработки института воплощались в грозное современное оружие.

Здесь проводились исследования, связанные и со «Стелсом». Об этом самолете-невидимке Торопов и его офицеры знали давно, с тех пор, как появился он в небе Соединенных Штатов. Важно было как можно скорее разработать новую радиолокационную станцию или модернизиро-

вать уже существующую — с тем, чтобы она могла обнаруживать «Стелс».

В связи с этим Торопов неоднократно бывал в Москве — и в ПВО страны, и в заказывающем управлении, и в Генеральном штабе...

В кабинете, на столе, зазвонил телефон с гербом СССР. Главный конструктор одного из крупных военных заводов Кирсанов дрожащим голосом спросил:

— Ты читал, Сергей Владимирович?!

— Читал, — догадываясь, о чем идет речь, ответил Торопов.

А речь шла об уничтожении ракет средней и малой дальности и, в частности, об «Оке» — детище Кирсанова, оперативно-тактическом ракетном комплексе. У американцев и в целом у натовцев этому прекрасному оружию Советской Армии не было противодействия. И вот как снег на голову — Договор с США об уничтожении СС-23, подписанный Михаилом Горбачевым и Эдуардом Шеварднадзе.

— Но у тебя хоть спросили? Поинтересовались, какого труда нам стоили эти ракеты, Андрей Васильевич?

— Да какое там! — в отчаянии воскликнул Кирсанов. — Даже маршала Ахромеева * ни о чем не спросили, он узнал об этом договоре из газет. Сергей Владимирович, ты же понимаешь, что это... предательство!

— Но на фоне нынешних политических событий... — попытался было вставить Торопов и зябко повел плечами: не услышал бы кто-нибудь их откровенный разговор.

— Разоружаться нам, конечно, надо, — страдальчески продолжал Кирсанов. — Но мы-то с тобой знаем, что происходит в мире, в тех же Штатах. Чего же мы... на потеху всему миру раздеваемся догола?! Затрачены миллиарды народных денег. Миллиарды! И миллионы, сотни миллионов потребуются теперь на уничтожение «Оки». А ведь эти ракеты, в конце концов, можно было использовать и для народного хозяйства! Ты же это понимаешь, Сергей Владимирович!

— Понимаю, — грустным эхом отозвался Торопов. — Еще бы я не понимал.

Торопов положил трубку, задумался: «Да, оборона такой страны, как СССР, — это дорого, чертовски дорого, но военный бюджет Соединенных Штатов ничуть не

* Маршал С. Ахромеев был в то время начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. (Примеч. автора.)

меньше. И если уж американцы позволяют себе строить такие самолеты, как «Стелс», атомные авианосцы и подводные корабли-гиганты, то ради чего-то все это делается! И что бы ни говорили американские дипломаты, жизнь доказывает другое: в США и не думают ослаблять военную мощь своего государства, наоборот! Там используют любую возможность, чтобы разоружить нас».

Работа в отделе РЛС, который возглавлял кандидат технических наук полковник Рябоконь, в последние семь-восемь месяцев значительно продвинулась: на институтском полигоне шли уже испытания опытного образца станции.

Было создано оригинальное приемно-передающее устройство. Причем Рябоконь и его подчиненные сразу же пошли по самому трудному, но перспективному пути: в отделе был изобретен способ создания и обработки мощных шумоподобных сигналов и само устройство для получения этих сигналов. Практически пилот «Стелса» не мог теперь знать, что находится в зоне действия советской РЛС, а потому не сможет корректировать свои действия даже с помощью самой современной своей аппаратуры.

* * *

Устройство уже можно было запускать в серию. Потому обе лаборатории отдела Рябоконя спешили. Приемник и генерирующий передатчик получились неказистыми на вид, собирались кустарным способом. Но при испытаниях действовали отлично! На полигоне с Рябоконем постоянно бывали начальник лаборатории подполковник Калинников и младший научный сотрудник майор Асланов. Майор был головастым парнем, отлично понимал, что от него требуется. В приемник он вложил немало и собственной выдумки. Асланов предложил Рябоконю усовершенствования, заметно повысившие чувствительность приемника. Рябоконь эти предложения охотно принял. Потом, правда, до полковника дошло, что Асланов то ли в шутку, то ли всерьез высказывался в своей лаборатории — мол, приемник с нынешней его чувствительностью изобрел он, а не начальник отдела. Николай Семенович не придал этим разговорам особого значения — сплетни, увы, бывают даже в военном коллективе.

Сам Рябоконь — выпускник военного радиотехническо-

го училища войск ПВО, по собственному желанию стал научным сотрудником военного НИИ в Городе-на-Дону. Затем закончил Харьковскую радиотехническую академию, стал кандидатом наук. Последние годы он — начальник отдела радиолокационных станций. За плечами почти два десятка изобретений, много изданных в специальных журналах научных трудов. Награжден орденами и медалями. Смело он взялся за разработку приемно-передающего устройства на мощных шумоподобных сигналах. Генералу Торопову и приехавшему в институт представителю главкома ПВО он сказал: «Раз надо обнаружить «Стелс», мы его обнаружим!»

Последние три года работал на износ. Двенадцати-четырнадцатичасовой рабочий день, короткий сон, снова институт, лаборатории, проекты, схемы, опыты, изготовление макетов, их испытания, разборки элементов, сборки, новые испытания...

Фанатично преданный делу, Рябоконь не жалел себя и думал о своем детище беспрерывно. Даже после смерти жены он не раскис, наоборот, стал еще собраннее и целеустремленнее, печаль глушил работой. Дома Николая Семеновича встречала Елена, дочь, стараясь скрасить его одиночество, облегчить душевные страдания.

Шли годы, но Николай Семенович продолжал вдовствовать, хотя Елена и намекала о том, что он еще молод и может найти подругу жизни. Рябоконь отшучивался, говорил дочери — дескать, сначала тебя выдам замуж, а там видно будет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Элен, Катрин и Дашуня (так девицы обращались друг к другу) коротали зимний субботний вечер в трехкомнатной квартире полковника Рябоконя, который по делам службы отлучился в Москву. В гостиной ярко горела хрустальная люстра, работал цветной телевизор, подруги сидели перед ним на диване и в креслах в вольных позах и не спеша беседовали. Они были примерно одного возраста, давно знакомы, еще со студенческой поры, и занимались сейчас кто чем: Элен листала тонкую книжечку стихов, Катрин вязала, а Дашуня внимательно следила за поединком лыжниц на экране телевизора. Все трое имели высшее образование, говорить умели. Лена Рябоконь работала экономистом в небольшом издательстве.

Из всех троих замужем побывала лишь Катрин — полногрудая смешливая брюнеточка с ласковым взглядом темно-карих блестящих глаз. О причинах своего поспешного развода она обычно предпочитала умалчивать. Элен с Дашуней поначалу приставали к ней с расспросами, а потом отстали — дело деликатное, интимное. Утешал подруг тот факт, что Катрин была замужней всего полгода, забеременеть даже не успела. Подруги снова приняли ее в свой круг с радостью, утешали как могли.

Дашуня жила одна в кооперативной уютной квартире, деньги на которую занимала и собирала много лет, во всем себе отказывая. Аскетический образ жизни сказался на ней, сквозил во всем ее облике: худа, подтянута, строга. Она курила и, взволнованно следя за лыжными гонками, по-мужски стряхивала пепел в газетный кулечек, так как в доме Рябоконей не курили и пепельницы не держали.

— И какая разница, кто придет первой, — зевнула Катрин и изящно помахала около рта ладошкой. — Что эта рыжая, что вон та, в синей шапочке... Наше дело мужиков любить да детей рожать. А носиться сломя голову на лыжах... Фи-и...

Катрин вздохнула, потянулась в удобном кресле, прикрыла глаза.

— Я ведь почему, девоньки, бросила своего... Противен он мне стал сразу же после первой ночи. Чурбан, а не мужик. Ласкового слова не скажет, не поиграет... Эгоист, маменькин сынок. Привык, что все для него...

— Ты бы ему какие-нибудь книжки подсовывала, картинки, — засмеялась Дашуня. — В кино бы почаще водила, секс сейчас почти в каждой картине показывают. Молодежь валом валит. Таким делам учить надо.

— А, учить, — смутилась Катрин. — Он меня должен был научить, на пять лет старше. Мужики какие-то пошли вялые, сонные. Будто одни нитраты едят.

— А что, это тоже имеет значение, — серьезно сказала Элен. — Сейчас в продуктах много всякой гадости.

Катрин встала, прошлась по комнате, играя бедрами, поправила перед зеркалом прическу.

— Да, девоньки, мы тут про них, а они где-нибудь про нас. Пойти бы сегодня куда-нибудь, что ли?.. Лен, а у твоего папаши — полковника выпить ничего там в холодильнике не найдется, а? Мы бы потом купили, вернули.

— Правда, хозяйка, давай выпьем, если найдется, —

поддержала предложение Дашуня. — Что-то вы, правда, завели про мужиков...

— А-а, и тебя проняло! — захлопала в ладоши Катрин. — А то одну меня в сексуальной озабоченности подозреваете.

Тонкие некрасивые губы Дашуни дрогнули. Она стала стряхивать с колен крошки табака.

— Смех смехом, конечно, а выходит, мы с вами вроде как бобылки. И образованные, и с квартирами, у меня вон и «Запорожец» есть... — Она пропела басом: — «Приди, приди, мой друг сердечный, тебя к груди я вновь прижму-у!..»

И стала тискать хохочущую, отбивающуюся Катрин, щекотать ее.

Элен между тем с тихой улыбкой носила из кухни закуски, ставила на низкий журнальный стол фужеры и тарелки. Появилась и бутылка водки.

— О-о, товарищ полковник запасливый мужик! — обрадованно проговорила Дашуня. — Выпьем сегодня и за его здоровье.

— Только ты потом подсуетись, Даш, — просительно сказала Елена. — Я стоять в этих очередях за вином не могу.

— Не переживай, хозяйка, все будет о'кей! Скажу своим парням, сделают.

Девицы наконец уселись, разлили по рюмкам водку, собрались пригубить, но помешали настойчивые звонки телефона.

— Скорее всего это папа! — Элен бросилась к телефону.

Минут через пять она положила трубку, вернулась с просветленным лицом к столу.

— Папа какой-то шарф мне купил, — похвасталась она подругам. — Хотя я и не заказывала.

— Любит он тебя, — сказала Катрин. — Для тебя живет. Другой бы уж давно женился, а Рябоконь... Сколько уже лет прошло, Лен, как Мария Степановна умерла?

— Пять. Я на втором курсе университета училась. С тех пор мы с папой одни.

— Хороший мужик. Надежный, — сказала Катрин. Тонкие ее пальцы вращали голенастый хрустальный фужер. — Таких мало сейчас... Вообще, военные люди надежные. Я в юности мечтала за офицера, лейтенанта, выйти, а выскочила за... А, ну его! Давайте, девочки, раз налили, а то что-то тоскливо...

Девицы выпили, дружно сморщились и принялись закусывать.

— Много нас, женщин, в городе. Куда ни пойдешь — везде бабы одни, — пожевав, заговорила Дашуня. — В магазинах, в очередях, в парикмахерских, в поликлинике, в театре... Они, мужики, совсем, что ли, никуда не ходят? Я все спектакли, например, в нашей драме пересмотрела, да и в оперном тоже. И чтоб какой-нибудь одинокий мужчина рядом оказался!.. Меня, правда, провожал один после спектакля. «Необычайные приключения Чонкина»! Такой поклеп я вам скажу, девоньки, на советского солдата, оторопь берет! Это ж как надо ненавидеть нашу армию-защитницу!..

— Ты про мужичка рассказывай, не отвлекайся, — напомнила Катрин. — Про «Чонкина» пусть критики пишут, не отнимай у них хлеб.

— Да что про него рассказывать, — усмехнулась Дашуня. — Вежливый, конечно, интеллигентный. Все-то он знает, все понимает. И про Чонкина мне много умного наговорил, я бы сама и не допетрила до такого. Едем мы с ним в троллейбусе, по кольцевому маршруту, мне так интересно с ним, вот бы, думаю, пару-тройку кругов троллейбус наш сделал!.. А театрал мой и тут головы не теряет, сказал на моей остановке: «Нам сходить, Дашенька». И руку мне подал, и под локоток потом взял. Довел до самого дома, прощается. Ну что, думаю, может, на чай пригласить. Хотя и поздно уже и неприлично, но уж больно он мне понравился. А он говорит, мол, до свидания, Дашенька, когда-нибудь еще в театре увидимся, а сейчас мне пора, жена ждет. Ух!.. Аж зло взяло. И сам хвост распустил, и меня ворковать заставил. Зачем тогда шептал в театре?!

Дашуня помолчала, глаза ее сделались грустными.

— Все наши женихи, видать, переженились.

— А знаешь, Лен, я бы за твоего отца вышла, — сказала вдруг Катрин. — Если б, конечно, он меня позвал. Он мне очень нравится. Он и не старый совсем.

Дашуня с Элен с оторопью посмотрели на подругу.

— Да ты в своем уме, Катерина?! — выговорила наконец Дашуня. — Николай Семенович тебе в отцы годится, на двадцать три года старше. Элен, ты слышишь, что она

несет?! Отними у нее рюмку. А то, глядишь, мамочка у тебя скоро будет.

— Да я это так, что вы, — мягко сказала Катрин. — Я же понимаю, что этого никогда не будет, у него, наверное, свой вкус, может, он жену Марию Степановну не может забыть. Ему, конечно, женщина постарше нужна. Но и я бы с обязанностями жены справилась. И в тягость бы ему не была. Мальчика бы ему родила...

— Ладно, девочки, хватит, — негромко проговорила Элен. — Пошутили, и будет. Папе бы эта шутка не понравилась. И вообще, давайте за маму выпьем, а? Хотя сегодня и не годовщина никакая, а вспомнили мы ее, и она на нас вон смотрит.

Все трое повернулись к большому фотопортрету, висевшему в гостиной, в простенке, примолкли, разглядывая зрелую красивую женщину на нем.

— Да, — грустно вздохнула Дашуня. — Живешь-живешь, и вдруг нет тебя... Страшно. Жизнь продолжается, а тебя нет.

— Вот и я про это же вам, глупым, говорю, — вставила Катрин. — У Марии Степановны вот Ленка осталась, не обидно. А мы, гусыни, сидим одни, водку пьем.

— Что ж теперь, выйти на проспект, зазвать кого-нибудь сюда, пошли, мол, а то нам одним скучно? — вспылила Дашуня. — Давайте, мол, займемся продолжением рода человеческого?!

— Ну зачем ты так, Даша? — не удержалась Элен.

— Ладно, я пас, — Дашуня подняла обе руки, отодвинулась в глубь кресла. — Вы натуры тонкие, одна филолог, другая экономист, а я физкультурница, мое дело веслом грести, на лыжах бегать.

Она снова закурила, руки ее заметно вздрагивали. Попросила сигарету и Катрин, за ней, поколебавшись, потянулась к пачке и Элен. Дымила неумело.

— Я ведь про что, девоньки, — продолжила Дашуня. — Слюни распускать не стоит. Годы наши, конечно, не юные, но и списывать нас еще рано. Сидеть по квартирам смысла нет. С другой стороны, в театрах холостых мужиков почти не бывает, а в очередях за пивом с ними стоять... увольте! Надо куда-то пойти, но куда?

— Девочки, пойдемте сегодня в Дом офицеров на танцы, — предложила Элен. — Тут рядом, пешком пройдемся. Я афишу нынче видела: вечер отдыха для тех, кому за тридцать.

— Ладно, вы идите, раз так хочется, — зевнула Катрин, прикрыв рот ладошкой. — А я лучше дома телевизор посмотрю, сегодня четвертая серия американского боевика, интересно...

Элен с Дашуней не стали ее уговаривать. Покрутились перед зеркалом, поправляя прически и съеденную на губах помаду, и стали одеваться. На танцы так на танцы! Вдруг повезет на знакомство — молодых офицеров в их городе в самом деле много.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

У Тимура Асланова с самого утра болела голова. Вчера в ресторане он явно перебрал — последние вместительные рюмки можно было и не пить. Но компания за столом сложилась веселая: к нему подсели какие-то девицы, он их щедро угощал. Потом они словно бы испарились, оставив его наедине с опорожненными бутылками и тарелками...

Подошла официантка и потребовала рассчитаться. Сумма оказалась весьма значительная, у Асланова денег таких не было, пришлось выложить все наличные, оставить также золотые часы и служебное удостоверение в залог. Он поклялся официантке, что деньги принесет, дав слово офицера.

Кудрявая официантка смотрела на майора с сочувствием и пониманием, погоны на плечах этого человека внушали ей доверие, да и сам офицер, судя по всему, нравился — черноволосый, стройный, вежливый.

— В понедельник я выходная, — сказала официантка. — Во вторник часам к шести принесете, после перерыва. Зовут меня Лида. Попросите — и меня вызовут.

— Лидуша!.. Слово офицера! Обязательно!

Асланов пьяно тянулся по стойке «смирно», раза два козырнул, прикладывая руку к «пустой голове», а сам смеялся и официантку смешил. Он склонил голову, торопливо взял руку Лиды, поцеловал.

— Ну что вы, товарищ майор! — смутилась Лида. — Я вам верю. Что тут особенного... Сидели в компании, девушек угощали... Приходите во вторник.

Она положила на стол зеленую офицерскую книжечку, повернулась и пошла в зал. Асланов допил минеральную воду и, покачиваясь, направился к выходу.

Улица приняла его в свои шумные бестолковые объя-

тия, куда-то понесла в людском потоке. Он долго шел по центральному проспекту города, по-прежнему покачиваясь, невольно задевая плечами прохожих, беспрестанно извиняясь. Завидев патруль — высокого, в портупее майора и двух рослых солдат, нырнул под арку у галантерейного магазина, переждал в темном дворе, снова вернулся на проспект, решив, что сядет в автобус и уедет домой, на Юго-Запад, в свою неуютную комнатуху-девятиметровку в доме гостиничного типа. В нее переселился, разведясь со второй женой, Людмилой, оставив ее с сыном Алешкой. Первая его жена, тоже Людмила, уехала в Забайкалье, в Читу, к родителям, увезла старшую дочь-семиклассницу, прелестную Настеньку.

Пьяные слезы катились по щекам майора, он не смахивал их, все больше жалея себя, ругая на чем свет стоит бывших своих жен-мегер, отнявших у него детей, лишивших его отцовской радости. Обе Людмилы исправно получали причитающиеся на детей суммы, и майора постоянно тяготило безденежье. Он не помышлял о разводе, нет! Первая и вторая Людмилы сами подавали заявления — мол, пьянствует, изменяет. Зачем жить с таким мужем?! Людмилы преувеличивали, хотя доля правды в их претензиях была.

Так или иначе начальник института, генерал Торопов, прослышав о семейных неурядицах своего офицера, однажды пригласил Асланова на беседу и долго выяснял, что да как. Асланов выкрутился, сумев свалить вину на женщин, тем более что противная сторона безмолвствовала, к командованию с жалобами не обращалась.

Асланов вошел в теплый салон автобуса, плюхнулся на заднее сиденье и прикрыл глаза. Хотелось спать. Всплыло откуда-то смеющееся лицо Раисы Петровны. Работала она инструктором в Доме офицеров, проводила всякие массовые мероприятия, в том числе и вечера отдыха. Асланова она выделила в первый же вечер и стала обращаться к нему ласково, как-то по-матерински заботливо, называя его Тимурчиком. Предпочитала танцевать только с ним, просила его помогать ей при разучивании новых танцев. Раисе Петровне было около сорока, но она не потеряла женского обаяния, ее фигуре завидовали даже девушки...

На прошлом вечере Раиса Петровна попросила его: «Тимурчик, сделайте одолжение. Мне сегодня нужен партнер для разучивания «Ламбады». Вы великолепно

водите, отлично чувствуете ритм, музыку... Пожалуйста, Тимурчик! Вы сегодня так хорошо выглядите. В этом костюме вы просто неотразимы!»

Асланов комплименты принимал снисходительно, даже привычно. Почему он, в самом деле, не может нравиться женщинам?

Чертовски здорово танцевали в тот вечер «Ламбаду» Раиса Петровна и Асланов! Им дружно аплодировали. Даже начальник Дома офицеров, хмурый обычно, озабоченный делами подполковник Руженов пришел в танцевальный зал, стоял в сторонке, смотрел и улыбался. А ведь недолюбливал он танцы, считал их легкомысленным, пустым занятием. Библиотека, кинофильмы, спектакли, встречи с интересными людьми — вот это серьезно, это полезно для офицеров и членов их семей, а танцы... Так вот, и Руженов наблюдал за «Ламбадой», и тетушки-билетерши свои посты оставили, и буфетчицы в белых передничках и кокошниках рядком выстроились — всем этот танец пришелся по душе.

Поздно вечером, когда танцы кончились и гости стали расходиться, Раиса Петровна сказала Асланову в капризно-приказном тоне:

— Тимурчик, вы меня сегодня проводите. Я не хочу после такого шикарного вечера идти домой одна.

— Есть!

Он шутливо щелкнул каблуками, прибавил:

— Слушаюсь и подчиняюсь, милая женщина. Я человек военный.

— Вот и хорошо, — одобрила Раиса Петровна, кутая нос в воротник мутоновой шубки.

Они вышли из Дома офицеров, стояли некоторое время у его массивных квадратных колонн, отливающих полированным черным мрамором, ждали такси.

Наконец одна из машин притормозила, шофер молчком кивнул — садитесь, мол, отвезу. Они забрались в мягкую утробу машины и помчались по вечернему городу. Раиса Петровна, прижавшись к Асланову, ласково шептала:

— Вы мне подарили сегодня чудный вечер, Тимурчик! Я вам так благодарна. Спасибо. Я чувствовала себя ну... двадцатилетней, честное слово! Да вы не улыбайтесь, Тимурчик, не улыбайтесь! Я говорю вам правду.

Они поднялись в гулком шумном лифте на четвертый этаж, и через минуту Асланов с любопытством рассматривал уютную двухкомнатную квартиру с раздельными

просторными комнатами, с мягкой мебелью, с большим цветным телевизором и аквариумом у окна.

— Хорошо живете, Раиса Петровна, — сказал Асланов, вспомнив, каким убогим в сравнении с этой квартирой выглядит его жилье.

...Проснулся Асланов по привычке рано, долго с брезгливостью разглядывал лицо Раисы Петровны — от вчерашней моложавой женщины, с какой он отплясывал «Ламбаду», не осталось и следа. Лежала рядом с ним пожившая дама, с некрасиво открытым ртом. Глаза ее заметно ввалились, в корнях крашеных волос кое-где серебрились сединки.

Асланов тихонько встал с тахты и начал одеваться.

— Тимурчик, — услышал он томный голос. — Ты чего вскочил? Зачем? Твоя девочка привыкла долго спать.

«Если ты девочка, то я в таком случае грудной младенец», — невольно подумал Асланов, слабо сопротивляясь руке Раисы Петровны. Она настойчиво тянула его назад, в постель, и преуспела-таки, уложила рядом с собой, быстро и умело сняла с него то, что он успел надеть, жаркая и нагая, вся подалась к нему, закрыв глаза, бормотала какую-то любовную чушь, стремясь вызвать в нем вчерашнюю страсть.

Она все же добилась своего. Правда, свою мужскую обязанность Асланов выполнил как-то механически, что раздосадовало Раису Петровну, даже слегка озлило.

Помолчав, она сказала сердито:

— Ты во сне рассказывал что-то. Про какого-то Рябоконя, какие-то слова непонятные, технические... Я слушала-слушала, а потом заснула.

— Бывает, — подтвердил он бесстрастно. — После второго брака заговорил. Жена меня сначала по ночам будила, потом привыкла.

Асланов еще раз поцеловал женщину, попрощался и вышел из квартиры.

«Ноги моей здесь больше никогда не будет!» — твердо сказал он себе и, радостно потянув ноздрями свежий морозный воздух, зашагал к автобусной остановке.

...И вот сегодня, в субботний день, Асланов страдал вдвойне: от изрядно выпитого накануне и оттого, что в кармане у него не было ни гроша. Где занять денег? У кого? Соседи, пожалуй, теперь не дадут — знают, что он ненадежный должник. До понедельника — два дня. Перебиться вообще-то эти дни он сможет: дома есть пол-

буханки хлеба, пачка вермишели, сахар. Но дальше-то что?..

Целый день слонялся Асланов по своей девятиметровке. Пил чай, смотрел телевизор, листал газеты, валялся на старом диване. Мучили тоска, неопределенность, бессильная злость. Ну что это за жизнь?! Выходит, и завтра, в воскресенье, так же придется сидеть дома на хлебе и воде, влачить жалкое существование почти две недели до предстоящей выдачи денежного содержания. В миллионном городе, полном соблазнов, женщин, развлечений, ресторанов, — сидеть дома, пялиться в телевизор. Да это хуже, чем на гауптвахте! Нет-нет, надо найти выход. И чем скорее, тем лучше.

«Раиса! — сказал вдруг голос изнутри. — А Раиса Петровна у тебя зачем? Иди и попроси у нее денег. Сегодня как раз вечер отдыха в Доме офицеров, она будет там обязательно».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Нынешний вечер отдыха Раиса Петровна построила по собственному сценарию.

Сразу после первого вальса она вышла на эстрадку к микрофону и ликующе объявила примолкшему залу:

— Дорогие друзья! Вы пришли к нам на вечер отдыха и знакомств, чему мы искренне рады. Вы пришли потому, что хотите встретить здесь друга, найти свое счастье. Мы вам постараемся помочь. Поэтому не стесняйтесь, чувствуйте себя раскованно, свободно, как дома. Знакомиться сегодня мы будем прежде всего через микрофон. Я буду приглашать сюда, на эстрадку, мужчин и женщин. Здесь, в лотерейном барабане, приготовлены вопросы. Это, так сказать, «Лотерея знакомств». Ответы же — за вами. Мы хотим знать друг о друге как можно больше, верно? В этом смысл нашей встречи. Показать себя, раскрыть свои таланты, на других посмотреть. Итак, начнем! — торжественно провозгласила Раиса Петровна и протянула руку к двум, стоящим поблизости молодым женщинам.

— Вот вы, пожалуйста, — сказала она Елене Рябоконь. — Пройдите сюда. Не стесняйтесь, я вас прошу.

Элен подошла к микрофону.

— Назовите себя, представьтесь, — попросила Раиса Петровна. — Можно только имя.

— Элен! — громко сказала Рябоконь.

— Ну, Элен так Элен. — Раисе Петровне блондинка с голубыми смелыми глазами понравилась. — Еще что добавите?

— Что добавить?.. Дочь офицера.

— Хорошо. Элен, дочь офицера. Теперь, пожалуйста, ответьте на три вопроса лотереи. Тимурчик, помогите нам.

Раиса Петровна подождала, пока Асланов поднимется на эстрадку и начнет вращать барабан. Он доставал свернутые трубочкой вопросы, а Раиса Петровна читала их.

После того как Элен ответила на три вопроса, Раиса Петровна, потребовав тишины, воскликнула:

— Друзья! Друзья! Прошу минуточку внимания. По условиям нашего вечера Элен имеет право выбора партнера на первый «белый» танец. Выбирайте, Элен! Товарищи офицеры, прошу, пройдите сюда поближе... Итак, Элен, слово за вами. — Раиса Петровна распростерла руки — стояла перед нею целая шеренга красавцев лейтенантов. — Кто ваш избранник?

— Вот рыцарь мой, он вертит барабан. — Элен небрежным жестом, театрально указала на Асланова.

«Губа у девки не дура», — мелькнула в голове Раисы Петровны мысль, и она попыталась было воспрепятствовать выбору.

— Это мой помощник, Элен. Так сказать, реквизит. Не выдается.

Шутка залу понравилась, все засмеялись, тем не менее голоса запротестовали:

— Это несправедливо, Раиса Петровна! Пусть и «реквизит» потанцует, ничего с ним не случится.

— Конечно, чего там. Барабан и я могу повертеть. Иди, Тимур, танцуй!

Асланов с обворожительной улыбкой подошел к Элен, щелкнул каблуками хорошо начищенных ботинок.

Оркестр заиграл вальс, Элен с Аслановым закружились в танце, и зал любовался парой — черноглазым красавцем майором и стройной белокурой женщиной, доверчиво положившей руку на его погон.

Элен оказалась интересной собеседницей, остроумной и знающей. Поговорили о новых фильмах, спектаклях, на которых Асланов не бывал, тем не менее поддакивал, делая вид, что смотрел их.

— Недавно я был на выставке эротического снимка, — сказал он, заметив при этом, что Элен снисходительно улыбнулась.

— Это в музее Крамского, — уточнила она. — Я с подругами тоже ходила. И что же вам понравилось, Тимур?

— Буквально все! — горячо отвечал Асланов. — Все! Обнаженная женщина прекрасна! Не зря ее писали еще древние художники. Я считаю, что и поныне природа не создала ничего более прекрасного, чем тело женщины.

— Ну-ну, — улыбалась Элен. — А если более конкретно, что вам запомнилось?

— Поразил меня один снимок, — ответил Асланов. — «Сон» называется. Автора не помню. Так вот, спит обнаженная молодая женщина, возраста вашего, Элен. это уж точно. И снятся ей сильные и ласковые мужские руки. И мне сразу стало понятно, сколь велико желание этой женщины!

— Вы эротоман, Тимур! — воскликнула Элен и шутливо стукнула кулачком по майорскому погону. — И специально мне все это рассказываете.

— Но вы же были на выставке!

— Была и снимок этот видела. Но трактовать таким образом не стала бы.

— У каждого свое видение искусства, — сказал Асланов.

После танца Асланов отвел Элен к Дашуне, собирался было познакомиться и с ней, но тут с эстрадки его позвала Раиса Петровна:

— Тимурчик! Где вы? Прошу ко мне на сцену, у нас новая претендентка на остроумные ответы. Прошу вас, мне нужна помощь.

— Лена, не исчезайте, я хочу проводить вас, — успел сказать Асланов и пошел на требовательный зов.

— Хорош кавалер, хорош, — подзуживала Дашуня. — Породистый, глаз не оторвешь. Всех женщин заворожил. Не одна ты на него нацелилась. Инструкторша вон без ума... глаз с него не сводит.

— Да ни на кого я не нацелилась, — сказала Элен с раздражением. — Стоял рядом на сцене, вот я и пригласила его.

— Раиса Петровна перед тобой целую шеренгу офицеров выстроила, а ты майора выбрала.

— Ладно, Даша, — вяло сопротивлялась Элен. — И ты бы пригласила, сегодня весь вечер женский.

— Куда уж мне! — нервно посмеивалась Дашуня. —

Нам чего попроще. А это мужик элитный, и вы с ним пара. Ты ведь тоже у нас ничего. И умна, и красива, и образованна. Чего ему еще надо?

— Дети от него красивые будут, — сказала вдруг Элен. — Действительно породистый. Что лоб, что губы, что нос... И вообще. Природа таких мужиков раз в поколение творит. Редкость.

— Вон как пташечка запела! — насмешливо фыркнула Дашуня. — Ой, девки, когда же я вас замуж выдам?! Морока с вами.

— Сама-то что?

— У меня самой — «Запорожец», — засмеялась Дашуня. — Считай, мужик, да еще из запорожских казаков. Главное, слушается, не перечит ни в чем. Подмажешь его, бензинчика нальешь — и повез, голубок. Красота! Ну что: еще будем танцевать или уже надоело?

— Н-не знаю, — Элен замялась.

— Я, пожалуй, пойду, — Дашуня притворно зевнула. — Поздно уже. А ты у нас, вижу, пристроенная теперь... Смотри, не упусти своего майора. Пока!

Дашуня помахала подруге и пошла из зала — высокая, строгая, прямая. Было что-то в ее фигуре печальное в этот момент — и плечи опустились, и походка сделалась какой-то скованной, деревянной.

«С ней пойти, что ли? — подумала Элен. — Неудобно как-то, нехорошо — пришли вместе. И вообще. Майор еще передумает провожать, другую найдет».

...Проводив Элен, Асланов на всех парах помчался на другой конец города, к Раисе Петровне. Она, приоткрыв на цепочке дверь, долго не впускала его в квартиру, потом позволила войти в прихожую и долго смотрела на майора холодно, отчужденно. Он оправдывался: приятели после танцев затащили его к себе в общежитие, где он немного поиграл в карты, а потом заспешил сюда, к ней...

Тимурчик опустился перед Раисой Петровной на колени, ткнулся носом в ее теплый мягкий живот, ощутив знакомый уже запах ее длинного халата, руки скользнули по бедрам.

— Раечка! — вздохнул он страстно. — Прости!

— Нагулялся, кобелек! — усмехнулась Раиса Петровна и ударила Асланова по рукам. — Напровожался, натерся возле этой Мальвины, а прибежал ко мне. Ишь, духами от него воняет.

— Ты же меня сама вызвала на сцену, а эта дуреха и подхватила.

— Ты как приклеился к ней на весь вечер! — закричала Раиса Петровна. — Мне сверху все было видно. я за каждым твоим движением следила! Ты ее прижимал все время, говорил что-то, а эта дура млела, улыбалась...

— Ничего я ей такого не говорил. Просто... про вечер болтали.

Раиса Петровна закурила сигарету и, малость успокоившись, сказала сурово:

— Вот что, майор. Давай-ка в ванну! И все эти духи — смыть! Полная дезактивация. Полная! Понял?

Из ванной Асланов вышел свежий, розовый, замотанный в большое банное полотенце. Потянул носом — из кухни шел такой вкусный запах, что у него закружилась голова: двое суток ведь на хлебе и воде сидел!

На кухонном столе торчала в окружении блюд голенастая бутылка водки.

Потом, уже в постели, когда огонь их страсти угас, Раиса Петровна сказала сонно, но довольно решительно:

— Давай жить, Тимурчик. Ничего, что я старше тебя. Это чепуха, это по паспорту...

Асланов окончательно успокоился, решив, что мир с Раисой восстановлен и завтра утром он займет у нее денег.

...А в другой части города, в жаркой девичьей постели металась во сне растревоженная нынешним вечером и разговорами о красивом майоре Елена Рябоконь. И снились ей его ласковые и настойчивые руки, и она им не противилась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из Москвы полковник Рябоконь возвращался усталым и мрачным. Был он в столице неделю, этого времени хватило для решения всех вопросов в головном НИИ спутниковой связи министерства обороны. Их институт в Городе-на-Дону по заказу министерства вел свои, самостоятельные разработки одной из систем и, судя по всему, преуспел, опередил столичных разработчиков. Естественно, в Москве сразу же обратили внимание на этот факт, Рябоконя, как начальника отдела, вызвали на консультации, в которых принимали участие весьма квалифицированные военные эксперты, и они в один голос заявили

представителям заказчика, что разработка радиолокационной станции тороповского института — лучше, результативнее, более технологична в изготовлении, а потому для производства предпочтительней.

Рябоконя поздравили с удачей, сказали, что нужно побыстрее завершить испытания устройства мощных шумоподобных сигналов, оно будет передано одному из заводов-изготовителей. За хорошую работу советовали лучших офицеров-специалистов поощрить. Рябоконь перебирал фамилии научных сотрудников своего отдела. Поощрения заслужили многие. Это и кандидат технических наук подполковник Русецкий, и подполковник Калинников, и майор Буковнин, и майор Асланов...

Подумав об Асланове, Рябоконь вдруг засомневался — не преувеличивает ли он заслуг этого офицера? В отделе он трудится года четыре, зарекомендовал себя думающим, отличным специалистом. Но что-то не ладится у него с семейной жизнью, даже генерал этим интересовался, вызывал Асланова на беседу. Запрашивал при этом служебную характеристику майора, и Рябоконь написал на него вполне объективный документ: младший научный сотрудник отдела радиолокационных станций Асланов Тимур Асланович — способный, творчески мыслящий офицер, активно участвует в разработке новой РЛС.

Было это примерно месяца три назад, готовился приказ к юбилею института — тридцатилетию его научной деятельности, и генерал Торопов потребовал от начальников отделов представить ему кандидатов на поощрение. А теперь скоро понадобятся документы для новых поощрений.

Выйдя из многоэтажного здания министерства, Рябоконь постоял у подъезда, глядя на шумную напористую жизнь столицы, которая в данный момент мчалась перед его глазами ревущими нескончаемыми потоками машин. Зимний слякотный день низким серым небом давил крыши домов, лохматые тучи сеяли на город мелкий холодный дождь вперемешку со снегом, добавляя на улицах сырости и грязи.

Продолжая размышлять о состоявшемся у заказчика разговоре, Рябоконь не спеша направился к станции метро. Действительно, генералу Торопову будет приятно узнать, что в конкурсной борьбе их устройство признано приоритетным, это еще больше поднимет авторитет института, принесет прежде всего моральное удовлетворение

всему коллективу, и в первую очередь отделу РЛС. Еще бы! В наше время, когда, казалось бы, все изобретено и придумано, когда существуют десятки подобных институтов во всем мире, в каком-то пусть и известном, но все ж таки провинциальном Городе-на-Дону группа военных специалистов изобретает нечто новое, доселе неизвестное науке, и оставляет позади себя коллег. Как тут не гордиться?!

Каждый приезд в Москву еще совсем недавно, несколько лет назад, для Рябоконя был праздником, и праздник этот долго жил в памяти, грел душу. Все было в Москве образцово — во всяком случае, внешне — радовало глаз изобилие товаров, располагала к себе приветливость москвичей, кажется, все были довольны друг другом и потому расставались друзьями. Теперь же добродушная приветливость столицы словно улетучилась, Москва резко изменилась в худшую сторону, запаршивела, забурлила многотысячными митингами, занервничала, теряясь в бескрайнем море политических манифестаций, не зная, к какому берегу прибиться, кого слушать, за кем идти. Самые верхние жители Олимпа не ладили между собой, трепали друг друга за чубы, а может, и шлепали один другого по лысинам, бог им судья! — но чубы-то трещали прежде всего у тех, кто о жизни на Олимпе и не помышлял, довольствовался малым. Оказалось, что и это малое уплывает из рук, что все, чего достигли и чем жили, — ошибка и жить так дальше просто немыслимо и не нужно. А как нужно?

Рябоконь болезненно вслушивался в бесконечные споры, примеряя все на себя, выделяя в разговорах людей тревожащие его — да и его ли одного?! — вести о надвигающихся и частично уже осуществленных реформах в Советской Армии. Стронут был огромный, как оказалось, заржавленный государственный механизм, верхние жители Олимпа объявили народу, что заставить работать каждого на бескрайних просторах страны может только его величество Рынок, а не идея социального равноправия. Словом, хочешь выжить — делай свой бизнес.

Допустим, что это так, думал Рябоконь, что именно Рынок — тот рычаг, который взбодрит экономику, но зачем при этом походя лить грязь на армию — какой в этом смысл?

Скомпрометировать ее кадровый состав, офицеров и генералов, посеять разлад в душах солдат?

Поднявшись из метро в самом центре столицы, Рябоконь вышел на Красную площадь. Стоя у здания ГУМа, грустно смотрел на башни Кремля, на мавзолей, который безжалостно секли косые струи снега-дождя. Рябоконь окончил военную академию, когда-то вышагивал здесь на парадах... Вот он в четком строю, синхронно печатает шаг в такт праздничной музыке большого военного оркестра, внутренне приветствует трибуну, громадный портрет Ленина, и четкая, уверенная поступь идущих по площади сотен и сотен офицеров и солдат — своеобразный рапорт вождю, подтверждение верности избранному пути, которым они шли многие годы...

Так разве путь был ошибочным? А его личная жизнь, отданная армии? Военной науке?

Николай Семенович вздохнул, переложил «дипломат» в левую руку, поправил папаху, пошел назад, к Манежной площади, решив, что пройдется немного вверх, по Тверской, — время позволяло.

На Тверской змеились у магазинов длинные очереди. Рябоконь сунулся в «Елисеевский» — что-то надо купить домой, гостинец Елене. Но где там! В обоих залах гастронома, в грязной холодной жиже, занесенной с улицы тысячами ног, стояли в немыслимо запутанных, петлистых очередях молчаливые злые люди, которые ни на какие вопросы полковника не отвечали и ни на что, казалось, не реагировали. Но вот раздался над этой молчаливой массой голов возглас: «Люда, колбаса кончается, больше не пробивай!» — и людское месиво пришло в движение: кто-то нахально полез к прилавку, кто-то звучно заматерился, поминая лихим словом перестройку и ее отца. А большинство молчком потекло из гастронома. Угрюмый поток вынес Рябоконя на вечернюю шумную Тверскую и оставил его у мощного фонарного столба, рядом с каким-то бесстрастным бородачом, спокойно покуривающим в свое удовольствие толстую сигару.

Поняв, что московской колбасы ему не купить, Рябоконь зашел в галантерейный магазин, где каждого входящего предупреждало объявление: «ТОРГОВЛЯ ПО ВИЗИТНЫМ КАРТОЧКАМ». Конечно, визитки у Рябоконя не было, но он все же попросил раскрашенную продавщицу продать ему шарф, в подарок дочери. Продавщица, как заводная кукла, тут же запищала привычное, не глядя на офицера: «Вы что, не видите, мужчина, мы торгу-

ем по документам. Идите в свой военторг у Библиотеки Ленина и там покупайте».

Обиженный Рябоконь шагнул было от прилавка, но другая продавщица, постарше, урезонила коллегу:

— Погоди, Мария. Чего ты? Шарф не дефицитная вещь, можно продать и без визитки. Пробивайте шестьдесят пять, товарищ полковник, на вторую секцию.

Елена искренне обрадовалась шарфу, поцеловала отца в щеку, кинулась к зеркалу примерять обновку.

— Как у тебя дела? Какие новости? — спросил Рябоконь, любуясь дочерью. Была она очень похожа на Марию Степановну — ну, вылитая мать в свои тридцать с небольшим лет!

— Какие новости, говоришь? — задумчиво переспросила дочь и игриво взглянула на него. — Познакомилась с одним офицером.

— Кто такой? — полюбопытствовал Рябоконь.

— Асланов Тимур. Майор.

— Вот как! — Рябоконь заволновался. — Это же мой подчиненный, доча. Он в моем отделе.

— Да, он сказал, что знает тебя.

— Правильно, в общем, сказал. Хотя о нашем институте язык за зубами надо держать. И что ж, он тебе понравился?

— Да, папа. — Елена зарделась.

— Но... он дважды был женат.

— Я знаю. Но мы ведь просто познакомились, папа. Он проводил меня после танцев, и все.

Николай Семенович помолчал и ушел в свою комнату.

Утром он подробно доложил генералу Торопову о поездке в Москву, затем представил список офицеров своего отдела, которых, на его взгляд, следовало поощрить в приказе.

Торопов внимательно прочитал документ.

— Вы и Асланова включили, Николай Семенович?

— Включил, товарищ генерал. Он многое сделал для нашего нового приемно-передаточного устройства.

— Да, парень-то он с головой, — вздохнул Торопов. — Только вот семейные дела у него хромают... Красивых

женщин в городе, конечно, много, но жена есть жена. Да и очень скверно, когда дети без отца растут.

— Как начальник отдела, я должен ценить своих офицеров прежде всего по их деловым качествам, — сказал Рябоконь, решив, что генерал не одобрил список кандидатур на поощрение.

— Заслуг у Асланова немало, но... болит у меня душа. Где после службы ходит, чем занимается, с кем встречается?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

После обеда Асланов вышел из помещения лаборатории в коридор покурить, прихватив с собой купленную утром газету «Вечерний курьер». Эту газету он читал и раньше, много в ней было всяких любопытных материалов, она пользовалась вниманием у горожан. Асланова привлекло объявление:

> ВНИМАНИЮ РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ И ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ!
> Могу представлять ваши интересы за рубежом, в частности в Соединенных Штатах Америки. Часто бываю в заграничных командировках, имею контакты с деловыми людьми Запада. Звоните! Телефон 65-79-48. Вадим.

— Хм! — не удержался от возгласа Асланов и снова перечитал объявление. Какой-то предприимчивый парень обещал помочь советским изобретателям и рационализаторам внедрить их технические идеи в США и в других странах Запада. Асланов долго вглядывался в газету. Черт возьми, вот где реальная возможность заработать деньги, причем валюту, доллары! У него ведь не менее десятка этих изобретений, одни реализованы в ракетных системах, другие отклонены тем же Рябоконем. А те, что лежат мертвым грузом в сейфе, — это же его собственность, его интеллектуальный багаж!

Асланов закурил вторую сигарету, аккуратно свернул газету, сунув ее во внутренний карман кителя. Надо бы пообщаться с этим Вадимом, позвонить ему. Лучше бы из дома, чтоб никто не слышал. Впрочем, и здесь, в институте, есть городской телефон-автомат, стоит он в укромном уголке, никто там ничего не услышит.

Он спустился на лифте на второй этаж, подождал, пока закончит разговор знакомая женщина из копировального отдела, и с бьющимся сердцем набрал номер.

Вадим ответил раскатистым приятным голосом:

— Але-о, слушаю вас.

— Я по поводу объявления.

— Понятно. Слушаю.

— Я пока в принципе хотел бы поговорить. На пальцах, тем более по телефону технические вещи плохо понимаются...

— Конечно, я ведь для того и дал телефон, — ровно сказал Вадим. — Можно встретиться.

— И что: у вас уже есть положительные примеры? — уточнил Асланов.

— Конечно. Перед тем как давать объявления, я некоторым нашим ребятам с завода помог внедрить их изобретения. Их труд уже оплачен. Все довольны. И я тоже... А вы где работаете?

— Да есть такое учреждение... Оно закрытое, конечно, и я понимаю, что не все можно вам предложить. Но есть же, черт возьми, мое *личное*, моя интеллектуальная собственность! Я ведь могу творить и изобретать и помимо работы!

— Конечно, старик, — одобрил Вадим. — И все же: с закрытыми предприятиями я не связываюсь. На хрена мне это нужно — с КГБ дело иметь. Но... Вас как зовут?.. Тимур? Тимур, вы все же дайте мне телефон, может, что и придумаем. Иногда шабашку надо срочно сделать или в схемах поковыряться. Мы тут, у себя на заводе, совместное предприятие с американцами организовали, можем поручить работенку... В электронике разбираетесь? Ну и прекрасно. Я позвоню. Деньги у нас ребята хорошие зарабатывают.

В конце разговора Асланов дал свой служебный телефон и, обрадованный надеждой, вернулся в лабораторию.

Пришел вторник, и Асланов с утра отправился по этажам института. Обещание, данное им официантке Лиде, он решил выполнить во что бы то ни стало — двести шестьдесят рублей нужно вернуть безотлагательно. Он обошел всех своих знакомых и, придумывая разные причины, просил деньги в долг.

Вечером, после службы, Асланов направился в скупку, сдал позолоченные свои часы «Полет». Сумма денег прибавилась, но для расчета с Лидой не хватало.

Постояв у входа в ресторан, Асланов подумал, что Лида может потерпеть еще день-другой, ничего не случится, долг он ей вернет. Не получилось во вторник, отдаст в четверг, какая разница.

Ожидая автобус, Асланов стоял напротив здания кукольного театра. Делать ему тут, на проспекте, нечего. Более того, хотелось поскорее уехать с этой нарядной и праздничной улицы. Вечерняя жизнь проспекта с его маленьким кафе, погребками, закусочными, кинотеатрами и мчащимися автомобилями — все это раздражало майора. Было ощущение, что он стоит у богатой, из толстого стекла витрины магазина, в котором есть все, что только может пожелать себе человек, но вот купить, увы, не на что.

Вздохнув, Асланов пощупал деньги в кармане брюк, подумал: а может, все-таки сегодня пойти к Лиде, отдать ей то, что есть? Легче будет оправдываться, да и честнее так. Но ему было стыдно даже подумать о том, что он, видный, бравый офицер, явится к официантке и начнет объяснять причины задержки долга. Нет-нет, не годится это. Как смотреть женщине в глаза? Позор!

Автобуса долго не было, ждать Асланову надоело, и он пошел по проспекту, прикинув, что у цирка сядет на трамвай, а пока прогуляется, времени у него предостаточно.

Он миновал кинотеатр, большой с громадными окнами гастроном, который в городе любовно называли «Утюжком» за его оригинальную форму, гостиницу...

У здания центрального колхозного рынка с круглой выпуклой крышей, из-под которой сочился слабый свет, Асланов задержался. Вдоль глухой длинной стены, где на стендах висели сотни объявлений об обмене жилья, найме рабочей силы, купле-продаже всякой всячины, он когда-то провел не один день, когда разменивал квартиру с Людмилой-второй.

Стенды были хорошо освещены изнутри лампами дневного света, и Асланов без всякого напряжения, привычно читал объявления. В принципе сейчас ему ничего не было нужно, взяло чистое любопытство: что на что теперь меняют, какие условия обмена — жизнь не стоит на месте. И потом: а не попытаться ли поменять его комнатуху на квартиру в другом районе города? Чем черт не шутит, у людей возникают всякие ситуации. А ему бы поближе к центру, к службе... Среди пестроты вылинявших

бумажек выделялся квадратный белый лист с отпечатанным на машинке текстом:

«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ
КООПЕРАТИВ «ПОМОЖЕМ ЖЕНЩИНЕ»
ПРИГЛАШАЕТ НА РАБОТУ МУЖЧИН
В ВОЗРАСТЕ 30—35 ЛЕТ С ХОРОШИМИ
ВНЕШНИМИ И ГЕНЕТИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ.
АНОНИМНОСТЬ СОТРУДНИЧЕСТВА
ГАРАНТИРУЕТСЯ.
ЗВОНИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ 33-23-33. АДРЕС:
УЛ. ПОШЕХОНСКАЯ, ДОМ 3, РАБОТАЕМ
В ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ, С 18.00».

«Интересно, — думал Асланов, — чего это медики еще выдумали?»

Он прочитал объявление еще раз, заметив, что кооператив находится на Юго-Западе где-то по соседству с ним. Пошехонская улица — в двух остановках от его дома. Зайти надо, полюбопытствовать.

На следующий день позвонила Лида, сказала сердито, что ждала долг вчера, но он, майор, почему-то не явился.

— Ради бога, извините! — не называя официантку по имени, приглушив голос, говорил Асланов. Телефон стоял в углу лаборатории, у дверей, сослуживцы слышали его разговор. — Просто... ну, такие обстоятельства, понимаете? Вы не могли бы подождать еще два дня? У меня почти вся документация готова, осталось каких-то шестьдесят страниц просмотреть...

— Какая документация?! Какие страницы? — недоумевала на том конце провода официантка. — Вы обещали во вторник, сегодня уже среда... Мне деньги надо сдавать! — И Лида положила трубку.

Она ждала его вечером, у входа в институт. Окликнула и решительно пошла навстречу с хмурым, не обещающим ничего хорошего лицом, и Асланов мгновенно сообразил, что в его положении лучшая форма защиты — это любезная, без промедления атака.

— Лидуша! — с наигранной радостью поспешил он навстречу официантке, одетой скромно, неприметно — в серенькое поношенное пальто, в высокие сапоги и вязаную шапочку, из-под которой выбились и дрожали на ветру

рыжие кудряшки. — Вы все-таки пришли? Но я же сказал по телефону...

При виде улыбающегося, радостно спешившего ей навстречу офицера Лида несколько растерялась, хмурое ее лицо заметно смягчилось.

— Вы же обещали... — говорила она, не зная, какой тон теперь избрать. — Мне пришлось вложить свои деньги.

— Я обещал и свое слово сдержу!

Торжественно проговорив эти слова, Асланов взял официантку под руку и повел ее на другую сторону улицы, подальше от института, из которого выходили сотрудники. Отойдя на безопасное расстояние, он остановился у ограды заснеженного, с голыми деревьями сквера, вынул деньги и подал их Лиде.

— Лидуша, тут не хватает шестидесяти рублей. Поэтому я вчера не пришел. Поймите меня правильно — неудобно.

Лида взяла деньги, считать не стала, сунула их в черную сумочку, висящую у нее на согнутом локте. Улыбнулась:

— Ну, я сразу поняла, что вы порядочный человек, товарищ майор. Иначе бы я вас из ресторана не выпустила.

— Меня зовут Тимур, — напомнил Асланов.

— Я помню, вы говорили. Хотя... могли и забыть, Тимур. В тот вечер вы крепенько выпили, нечего сказать! Но это я не в упрек, не подумайте. У нас заведение такое, люди отдыхать приходят.

— Лидуша, деньги я вам обязательно отдам, чес-слово! — Асланов дурашливо, как пионер, приложил руку к виску, отдавая официантке что-то вроде салюта.

— Отдадите, отдадите, — засмеялась она, глядя в глаза офицеру. — Я же сказала, что имею дело только с порядочными людьми... А знаете, Тимур, у меня сегодня отгул, я за одну нашу официантку работала. И еще маленькое событие...

— Какое? — Он принял ее игривый тон.

— Я по лотерее холодильник выиграла, а холодильник у меня уже есть.

— Гм. Ну что ж, поздравляю. По русскому обычаю событие такое требуется того... спрыснуть.

— Вот и я о том же, — просто сказала Лида. — Приглашаю. Здесь недалеко, на проспекте, в погребке, у меня подруга работает, Тонька-Фонарик. Пойдемте, а, Тимур, посидим.

— Тонька-Фонарик? — переспросил Асланов.

— Ага, мы ее так прозвали. Хи-хи... У нее ночью глаза как у кошки светятся. И вечером, она сама рассказывала, она лучше видит.

— Интере-есно-о... А насчет приглашения, Лидуша, спасибо, — стал отказываться Асланов — женщина эта вовсе ему не нравилась: маленького роста, какие-то искусственные кудряшки, тонкие губы, то и дело открывающие в улыбке мелкие, желтоватые зубы. В ресторане она выглядела почему-то иной — и выше, и стройнее. Одежда, что ли, так ее теперь испортила? А вот глаза у Лиды были хороши — редкого, орехового цвета, лучистые, с длинными, загнутыми ресницами. И очень уж говорящие! Много, очень много прочитал в них Асланов за какие-то минуты.

Лида все же испугалась своей откровенности. Краска залила ее скуластое лицо. Она отвела взгляд, сказала глухо:

— Вы меня извините, товарищ майор. Что-то я разговорилась.

— Весна скоро, — подбодрил он ее, взял за руку, и Лида мгновенно, теперь уже отбросив колебания, ответила на его пожатие. — Так вы говорите, Лидуша, что Тоня эта с фонарем...

— Да не с фонарем она, Тимур! — звонко рассмеялась Лида. — Тонька-Фонарик. Она девка что надо, Тимур, нашенская! Лишнего никому ни слова не скажет.

— Да я, собственно, не боюсь, я человек свободный, — пожал плечами Асланов.

Лида вздохнула, отступила на шаг.

— Вы-то да... А я...

— Значит, вы говорите, что Фонарик ждет нас? Будет рада нас видеть? — Асланов вернулся к тому изначально-игривому тону, который задала эта женщина. — Чего же мы тогда стоим здесь?

* * *

Несколько дней спустя, вечером, переодевшись в цивильное платье, Асланов отыскал Пошехонскую улицу, нужный дом и скромную вывеску кооператива «ПОМОЖЕМ ЖЕНЩИНЕ». Кооператив размещался в полупод-

вальном помещении, где когда-то был убыточный магазин «ТОВАРЫ ПО СНИЖЕННЫМ ЦЕНАМ». Предприимчивые медики выкупили несколько комнат, обставили их аппаратурой и мебелью, широко разрекламировав новое предприятие. Внешне помещение представляло собой своеобразное акушерско-гинекологическое отделение больницы.

В небольшом кабинете Асланова любезно принял главврач, он же председатель кооператива, Михаил Михайлович — низенький упитанный человек в белом халате и больших очках, с аккуратно подстриженной холеной бородкой.

Прикрыв дверь и предложив посетителю сигарету, Михаил Михайлович спросил имя-отчество Асланова, подчеркнув при этом, что у них в кооперативе можно пользоваться и псевдонимом.

— Да нет, чего мне прятаться?! — удивился Асланов. — Зовут меня Тимур Асланович, я научный сотрудник одного из институтов.

— И все же я не спрашиваю у своих гостей... скажем для начала так — паспорта, — возразил Михаил Михайлович. — Это, в общем-то, ни к чему. Я не спрашиваю вас, женаты вы или разведены, живете в городе или приехали из провинции. Меня интересует одно — ваше здоровье. У нас пройдете серьезное медицинское обследование, ответите на многие вопросы нашей анкеты.

— Михаил Михайлович, извините, — прервал главврача Асланов. — Вы говорите как о деле решенном, но я... живу тут неподалеку, вот решил зайти и узнать, приглашаете на работу и что это за работа?

— Мы приглашаем мужчин-доноров, Тимур Асланович, — улыбнулся главврач. — Но не для сдачи крови... Понимаете, поначалу моих собеседников это шокирует... Но женские проблемы так серьезны и глубоки, что, несмотря на ухмылки ханжей и рогатки коллег-консерваторов, мы все более убеждаемся, что занялись весьма гуманным делом. Во всех цивилизованных странах такая помощь давно оказывается.

— Теперь я начинаю кое-что понимать, — смутился Асланов. — Кажется, я не по адресу обратился, извините. — Он приподнялся, но Михаил Михайлович замахал на него руками, усадил на место.

— Не спешите, Тимур Асланович! Женщина есть продолжательница рода человеческого, этого нельзя забывать и к этому надо относиться со всей серьезностью. Не нужно опошлять саму идею нашей специализированной помощи, смотреть на нее через щель обывательского нездорового интереса. Мы, медики, очень серьезно относимся к нуждам своих пациенток. Помочь женщине стать матерью — в этом ничего дурного нет. Мы взялись за это новое дело и открыто рассказали в прессе о своих методах. Это честный бизнес, это в интересах нации. К тому же доноры у нас неплохо зарабатывают.

Зазвонил телефон, Михаил Михайлович глазами попросил у Асланова прощения, взял трубку.

— Екатерина Валерьевна, я все понимаю, милая, — ласково заговорил он. — Нет причин для таких настроений, поверьте. Лечение прошло успешно, теперь все образуется. Надо лишь подождать, я вас уверяю, все будет хорошо... Конечно, я помню о вас и обязательно позвоню. До свидания.

— Ну вот, — сказал он, со вздохом кладя трубку. — Милая молодая женщина очень приятной наружности, высшее образование, одинока... Неудачное замужество, затем аборт... Теперь курорты. Вы бы знали, Тимур Асланович, как эта молодая женщина хочет стать матерью!

«Ну, попал! — внутренне подтрунивал над собою Асланов. — Думал какую-нибудь тут аппаратуру чинить, а выходит...»

— Ну, а в детдом эта женщина разве не может обратиться, Михаил Михайлович? — сдерживая смех, с самым серьезным видом спросил он. — Там и взяла бы ребеночка себе.

— Можно, — согласился главврач. — Но, Тимур Асланович, дорогой! Кто из порядочных людей отдает своих детей в детские дома? Только алкоголики, бродяги, преступники! А генетика вещь серьезная. У алкоголиков, как правило, рождаются нездоровые дети, с психическими отклонениями. И зачем же я буду награждать прекрасную женщину таким уродцем?! Это преступление. Потому мы, повторяю, честно объявили о своих возможностях и призвали на помочь мужчин. И знаете, Тимур Асланович, многих женщин мы уже осчастливили. Честное слово.

— Михаил Михайлович, но я так и не понял, как все это вы осуществляете?

— Тимур Асланович, если вы примете твердое решение стать нашим донором, я вас, конечно, посвящу в детали. Это, разумеется, врачебная, медицинская тайна, и

потому мы предпочитаем иметь дело с серьезными, зрелыми людьми. Принцип такой: или прямое донорство с нашей пациенткой, или, как правило, имплантация. Но до этого вновь поступающему донору далеко — мы тщательно обследуем его с головы до пяток. На это потребуется две-три недели. Кстати, вы, Тимур Асланович, позвольте сделать вам комплимент, производите впечатление совершенно здорового человека.

— Нет, я знаете, Михаил Михайлович, ну... как вам это сказать... разговариваю иногда во сне. Ничего, разумеется, не помню, с кем и о чем говорил, и причин этой болезни не знаю.

— Это не болезнь, — мягко улыбнулся Михаил Михайлович. — Просто у вас яркое эмоциональное мышление, мозг, перегруженный впечатлениями дня, активно работает и ночью, и если другие просто видят сны, то вы еще и говорите. Это признак активной личности, творческого человека. Вы ведь на творческой работе, правильно я вас понял?

— Да.

— Ну вот. Все понятно, и все объяснимо. И сердце мне подсказывает, что зашли вы к нам не случайно.

Асланов криво улыбнулся.

— Ну, это поспешные выводы, Михаил Михайлович. Я связист, радиоинженер, думал, что здесь... техническая помощь требуется.

— Это хорошо! Вы состоявшаяся личность, с прекрасными внешними данными, у вас такое волевое лицо явно восточного рисунка... Так и подмывает меня, как врача, спросить...

— Национальность?

— Вы уж извините, Тимур Асланович?!

— Я и сам не могу точно сказать, — деланно рассмеялся Асланов. — Много в моей крови намешано... Мать русским записала, хотя отец у меня... Впрочем, может, не стоит об этом, Михаил Михайлович?

— Конечно, не стоит, дорогой мой! Все мы русские, раз живем на Руси, говорим на этом языке. Как сейчас принято считать — русскоязычные... Ха-ха-ха!.. Нам, собственно, и не нужна теперь чисто русская нация. Зачем? Мы все — люди! Одинаковые! Равные!..

Он проводил Асланова до двери, знакомо уже пожал руку, сказал со значением:

— Я бы очень хотел как можно скорее увидеть вас снова, Тимур Асланович. Приходите! Проникнитесь страданиями бедных женщин. Поставьте себя на их место.

— И что же, — все-таки спросил, не удержался Асланов. — Доноры прямо здесь... помогают женщинам?

Михаил Михайлович не уловил иронии в его вопросе.

— Материал сдают здесь. Бывает и прямое донорство... Мы знакомим пациентку с донором, и если у нее нет возражений... Словом, о месте встречи они договариваются самостоятельно, у нас комнаты свиданий пока нет. За каждый сеанс донор получает от кооператива двести рублей.

— Понятно. Спасибо. До свидания.

— До встречи, Тимур Асланович.

«Глупости все это, — подумал Асланов, выходя из полуподвального помещения кооператива. — Сводничеством занимаетесь, Михаил Михайлович, содержите на средства пациенток скрытый притон... Хотя черт его знает, может, я и не прав. Женщины в самом деле народ особый, инстинкт материнства у них превыше всего, и помочь кому-то стать матерью — что в этом плохого? Да и оплата за сеанс солидная».

Воскресным утром он повез на толкучку продавать свой старенький магнитофон. Чтобы не мерзнуть, надел демисезонное серое пальто, рыжую шапку с опущенными ушами, на ноги — теплые зимние сапоги.

Над многотысячной толпой толкучки, занявшей всю асфальтовую площадь перед автовокзалом, стоял ровный гул голосов. Продавалось здесь все, что отсутствовало в государственной торговле: обувь и парфюмерия, мужская, женская и детская одежда, носки и нитки, лезвия и шампуни, мыло и общие тетради, посуда и запасные части к автомобилям, электрические лампочки и презервативы, туалетная бумага и пачки индийского чая, растворимый кофе и лекарства...

«Вот он, рынок, вот оно, изобилие!» — Глаза Асланова завистливо блестели. С трудом протискиваясь между людьми, он щупал какие-то заморские пуловеры и штаны, приценивался, толковал с продавцами, отходил, снова пробивался... Наконец пристроился рядом с каким-то бородатым парнем, у которого, судя по всему, торговля шла бойко — продавал он водку, сигареты и японскую радиоаппаратуру.

Сочувственно взглянув на Асланова, сказал:

— За старую «Вегу» много не дадут. Хотя, может, кто и клюнет. Но на барыш не рассчитывай.

— Свои бы хоть вернуть, — тоскливо, со вздохом протянул Асланов. — Не до жиру.

— Надо бизнес делать, понял? А с «Вегой» этой ты из дерьма не вылезешь.

— Мне больше нечем торговать... У тебя вон, смотри, сколько товара. А у меня...

— А ты почитай биографии гигантов американского бизнеса, все с малого начинали! Иные с пяти долларов, представляешь, с пяти! Вертеться надо, старина, вертеться.

— Вертеться надо, — уныло согласился Асланов. — Но для этого надо иметь приличный товар.

— Значит, найди чем тебе сподручно торговать. В мире на все спрос есть, надо только покупателя найти. Конечно, это требует времени, хлопот. И рисковать надо уметь, и деньги добыть, и в выгодное дело их вложить. Другое время пришло, земляк, наше время! Все теперь можно покупать и продавать. Президент наш так и сказал: все разрешено, что не запрещено... А с «Вегой» ты тут всю зиму можешь простоять. Сдал бы ты ее в комиссионку, если невтерпеж и деньги срочно нужны.

Бородатый повернулся к подошедшему покупателю, а Асланов, поеживаясь от холода, раздумывал над его советом. «А ведь он прав. Рынок на то и существует, чтобы на нем покупать и продавать. Все, что твое, что ты создал своими руками, умом — почему нельзя это продать? Кто-то вяжет шапочки, кто-то шьет дубленки... Дубленку мне купить не на что, шапочка мне не нужна. Мне нужны деньги...»

Он ушел с рынка, так и не продав магнитофон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Обычно инициативная группа собиралась вечерами в кабинете Рябоконя. Офицеры плотно закрывали дверь, рассаживались, каждый вынимал из принесенной папки документ, и начиналось коллективное его обсуждение. Как-то так получилось, что тихие, спрятанные от посторонних глаз и ушей совещания вел полковник Рябоконь. Позже группу пополнил генерал-майор, доктор технических наук Грушис, пообещав внести свой посильный вклад в инициативу сокращения вооружений.

Много лет Генштаб и Министерство обороны нацеливали военных ученых на то, что над потенциальным противником нужно иметь военное превосходство. Только в этом случае можно надеяться на более или менее прочный мир. Для чего требуется такой-то оборонный бюджет, столько-то кораблей, танков, самолетов и вертолетов, пушек и ракет, такой-то по численности должны быть армия, военно-морской флот, воздушные силы...

И вот теперь, собравшись в кабинете Рябоконя, «заговорщики» обсуждали «Доклад о совершенствовании и реорганизации Вооруженных Сил СССР».

— Ну что, товарищи? — спросил Рябоконь, когда чтение «Доклада» было закончено. — Какое впечатление? Сводные материалы здесь названы впервые. И это, мне кажется, заставит задуматься тех, кто ознакомится с ними. Проблему мы охватили со всех сторон.

— Нас теперь тоже, наверное, со всех сторон охватят, — невесело пошутил Грушис. — Особенно меня. Что ж ты, скажут, генерал, такие бумаги подписал? Сам себя уволить задумал?

— Может, вам и не стоит подписывать, Леопольд Матвеевич? — предложил Рябоконь. — Мы сами. Двенадцати подписей будет вполне достаточно.

— Нет уж, друзья мои, пусть будет тринадцать подписей, чертова дюжина. Грушис трусом никогда не был.

Генерал встал со своего места, подошел к столу Рябоконя, первым размашисто расписался в документе. Свои подписи поставили и все остальные офицеры. Тайна с этой минуты перестала быть тайной. «Доклад» вскоре поступит министру обороны, начальнику Генерального штаба, Президенту страны, в Совет Министров СССР. Все высшее руководство государства должно знать позицию военных ученых, добровольно взявших на себя смелость сказать правду: для надежной обороны государства совсем не обязательно тратить такие громадные средства, какие тратились до сих пор.

— Ну, осталась самая малость — вручить наш «Доклад» адресатам, — сказал один из офицеров инициативной группы. — По уставу мы обязаны были доложить о документе своему непосредственному начальнику, то есть Торопову, а тот — по инстанции. Но мы же знаем, что Торопов «Доклад» из стен института не выпустит.

— Беру это на себя, — сказал Грушис. — Отвезу в Москву своему однокашнику и попрошу, чтобы передал

его начальнику Главного заказывающего управления. Ну а там, я думаю, машина сама раскрутится.

«Заговорщики» заулыбались — конечно, закрутится! Начальник Главного заказывающего управления в армии — величина, маршал, о таком документе не промолчит, его нельзя игнорировать, о нем необходимо доложить заместителям министра, а лучше самому министру.

— Чуть позже постучусь в приемные Горбачева и Ельцина, — продолжал Грушис. — Там тоже кое-какие знакомые имеются. Когда-то Руцкой у меня в подчиненных ходил...

Офицеры инициативной группы возбужденно и обрадованно заговорили, заспорили — пора, мол, и в армии вводить демократические начала, субординация не всегда на пользу дела.

Рябоконь и Грушис неторопливо шли по мокрому асфальту проспекта Коммунаров.

— Знаете, Николай Семенович, на душе у меня полегчало, — говорил Грушис, дружелюбно поглядывая на полковника. Генерал был невысок ростом, плотный, папаха на его голове сидела чуть набок, что придавало Грушису несколько лихой вид. — В «Докладе» я сказал то, о чем давно думал. Тут у меня с современными нашими политиками нет расхождений. Главное, я ощутил человеческую свою суть. Черт возьми, я же не просто какая-то машина, начиненная техническими знаниями и идеями, но человек! Я считал и считаю, что лучшие, передовые умы сосредоточены в стране в военно-промышленном комплексе. И если уж мы участвуем в определении военного, оборонного могущества страны, то отчего бы нам не взглянуть на развалившуюся экономику критически. Империя СССР, судя по всему, доживает свое...

— Прямо-таки крамольные мысли, Леопольд Матвеевич, — улыбнулся Рябоконь.

— Ну, отчего же крамольные? — спокойно, уверенно возразил Грушис. — Я, между прочим, размышлял над этим. Экономика такой громадной страны становится неуправляемой. Следовательно, надо искать выход, думать. На мой взгляд, нужно переходить на региональную систему управления, не порывая, конечно, сложившихся экономических связей между регионами. Пробуждать в республиках творческий подход к делу, хозяйственную инициативу, предприимчивость. Весь Запад живет по

этим законам, Николай Семенович. Никто там никого не содержит.

— Да, но... Экономическая самостоятельность региона приведет однозначно и к его политической самостоятельности, к распаду страны.

— Ну, процесс уже пошел, как сказал Михаил Сергеевич. И процесс прогрессивный. Семьдесят с лишним лет коммунистического правления что нам дали, Николай Семенович? Как людям, а? Все эти идеи социального равенства и равноправия ни к чему хорошему не привели. Народ превратился в иждивенца, делать никто ничего не хочет. Русский человек по природе ленив. А уж Советская власть вообще его инициативу парализовала. Вот и нужно поставить его в такие экономические условия, чтобы ему хотелось работать и зарабатывать. Механизм такой есть — рынок, успешно действует во всем мире, проверен на практике десятилетиями. Ведь отчего-то Запад процветает, а, Николай Семенович? Те же Штаты...

— Что вы сравниваете, Леопольд Матвеевич?! — вяло возразил Рябоконь. — Америка развивалась по другим законам, у нее другая история. И люди там другие.

— Вот именно! — подхватил Грушис. — Деловые, энергичные, предприимчивые! И научила их этому система, повторяю, с и с т е м а экономических взаимоотношений, здоровая и хорошо отлаженная. И нам к ней нужно стремиться. И, поверьте, Николай Семенович, все так и будет. Рано или поздно. Общество наше повернулось лицом к Западу, это очевидно, мы хотим жить так же, как и в Штатах. А для этого надо к чертовой матери разрушить административно-командный аппарат, отнять власть у партократов.

— Если мы пойдем по этому пути, мы придем к краху, — жестко сказал Рябоконь. — И очень скоро. Государство и его структуры разрушать нельзя.

— Эмоции, эмоции, — притворно вздохнул Грушис. — Знакомый дух народничества. Увы. А я ведь тоже о народе пекусь, Николай Семенович. Сколько можно сидеть в болоте? Зачем? Мы что, глупая нация? Мы не можем жить так, как на Западе? Чушь! Можем и должны. Надо только подумать — как это сделать. Модели общественно-экономического устройства существуют, нужно взять лучшую, приемлемую для нашей страны и делать. Да, будет какое-то время больно, больно всем, и нам с вами, но какая революция обходилась без жертв?!

— Увы, вся наша беда в этих ненужных народу революциях. Никак не дают пожить без этих пламенных поводырей, черт бы их побрал всех!

* * *

Спустя две недели Торопову позвонил заместитель министра обороны, генерал армии Кондауров.

— Как дела, Сергей Владимирович?

— Дел всегда много, товарищ генерал армии, — ответил Торопов. — Завершаем некоторые работы, связанные с известной вам системой...

— Знаю, — буркнул Кондауров. — И про «Стелс» знаю, мне Школьников докладывал. Все это хорошо, Сергей Владимирович. А про «Доклад» министру что скажешь?

— Про какой доклад? — изумился Торопов.

— Ну как «какой»? Ты что — не в курсе?

— Н-нет. Может, поясните, товарищ генерал армии?

— Поясняй ему! — тут же загрохотал Кондауров. — Пасквиль подписывают его офицеры, даже генерал один, а командир части — ни сном ни духом. Ты чем там занимаешься, Торопов?

— Простите, товарищ генерал армии, но я...

— Дмитрий Тимофеевич Язов, когда прочитал этот «Доклад», был вне себя. Торопов, имей это в виду! Что это за двуликие Янусы там у тебя сидят? Ты чего их там расплодил? Призвать к порядку не можешь?

— Да о ком и о чем вы говорите, товарищ генерал армии? Я ведь должен знать!

— Да! Ты должен знать, что у тебя происходит в институте, на то мы тебя туда и назначили. Офицеры, понимаешь, месяцами сидят у него черт знает над какими бумагами, а он, командир части, и понятия не имеет. Ты видел, какой они фолиант министру прислали?

— Нет, разумеется, не видел. Я бы...

— Вот именно, не знал и не видел. И хоть бы по делу писали. А то — о сокращении армии и вооружений! Всем досталось, Торопов. Даже Генеральному штабу и министерству. Твои умники предлагают практически наполовину сократить управленческий аппарат, в штаты залезли, в структуру. И, главное, разослали по всем инстанциям, все руководство страны их доклад читает.

— Я должен разобраться, — мямлил Торопов.

— Ты давно должен был разбираться! — бушевал в трубке голос заместителя министра. — В общем, так, Торопов. Первая фамилия под этим «Докладом» — Грушис. Понял? Так. С него и начинай. Надоело ему начальником управления быть — пусть в замах походит, а то и в начальниках отдела... Ну и что, что генерал? Мы не для того генеральские погоны ему давали, чтобы он яму для нас рыл. С остальными разберись. Рябоконь там какой-то у тебя, Потапенко, Файхуллин. — Заместитель министра назвал фамилии еще нескольких офицеров. Торопов прыгающей рукой записывал их.

— Это же заговор! — Кондауров не давал Торопову вставить слово. — Удар в спину нам всем. И тебе тоже, Торопов. Я не знаю, какое именно решение примет министр, думаю, далеко не приятное для тебя и для твоих умников. Дмитрий Тимофеевич шутить не любит. У нас есть люди, которые снабжают правительство объективной информацией. Тогда к чему эта ваша инициатива?.. В общем, Торопов, собирайся в Москву, тут поговорим.

Белый телефон с гербом СССР отключился.

* * *

Вскоре из Главного заказывающего управления прибыл куратор института, генерал-майор Жучков. Генерал был молод, погоны получил недавно, сам еще не привык к ним, нет-нет да и поглядывал себе на плечи — на месте ли звезды?

Торопов встретил столичного гостя у входа в институт, провел в свой кабинет и предложил с дороги чаю.

Во время чаепития речь сразу же зашла о главном:

— Я удивляюсь, Сергей Владимирович, неужели вы ничего не знали об этом «Докладе»? Ведь у вас, что называется, под боком создавался такой документ, а вы...

Жучков взял «Доклад», подержал его на ладони и с раздражением бросил на стол.

— И где это все писалось?!

— Я не уверен, Владимир Григорьевич, что у меня в институте.

— Писали, может, и дома, а материалы брали здесь, в институте!

— Ладно, дело они сделали, «Доклад» не спрячешь, гуляет там, у нас, по разным высоким кабинетам. — Жучков отодвинул пустую чашку, вытер салфеткой губы. —

Теперь надо подумать о том, чтобы через полгода-год нового «Доклада» не последовало. Кто в этой группе закоперщики? Грушис? Рябоконь?

— Да, я думаю, что это прежде всего они, — согласился Торопов. — Наиболее квалифицированные ученые, энергичные люди.

— Ну, насчет квалификации я бы не спешил... — Жучков поморщился.

— Да нет, — возразил Торопов. — Этого у них не отнимешь.

— Отнимать и не собираемся. А поставить товарищей на место — нужно. Грушис чем у вас сейчас занимается?

Торопов назвал тему.

— Ну вот. Тема явно бесперспективная. Финансировать ее нет смысла. Если сокращать армию — значит, надо сокращать. Начнем с Грушиса. Передадим, в крайнем случае, тему Дорохову. В Главном заказывающем управлении это поддержат. Дорохов давно специализируется на радиоэлектронике. И Рябоконь, насколько я понял, параллельной работой занимается. Дальнейший параллелизм теперь ни к чему. Дорогое все это удовольствие. Отдел Рябоконя, думаю, надо расформировать...

Лицо Торопова вмиг словно бы осунулось.

— Владимир Григорьевич, помилуйте! Отдел Рябоконя — один из лучших в институте! И Грушис — доктор наук...

— Сергей Владимирович, у нас с вами получается сказка про белого бычка. На одном месте топчемся. Не забывайте, что «Доклад», — столичный генерал бросил выразительный взгляд на толстый, сшитый крепкими нитками документ, — вышел из стен вашего института, из коллектива, который вам подчинен. Вы обязаны были...

— Хорошо, я понял, Владимир Григорьевич, — помрачнел Торопов. — Что теперь я должен делать?

— Я же говорю, — монотонно и бесстрастно продолжал Жучков. — Отдел Рябоконя по окончании работ на радиолокационной станции расформировать. Мотивация этого решения должна быть убедительной, аргументированной. Можно сослаться на соответствующий приказ министра или Главного заказывающего управления, не мне вас учить, Сергей Владимирович. Грушиса необходимо понизить в должности, дайте ему отдел, пусть поработает.

— А вы с авторами этого «Доклада» будете встречаться, Владимир Григорьевич?

— Ну, если они очень настаивают... — Жучков наморщил гладкий высокий лоб. — И не со всеми, я думаю. С закоперщиками. С тем же Грушисом можно, с Рябоконем. Давайте так сделаем, Сергей Владимирович. Вызывать сюда, к вам, никого не надо. Пусть меня проводят на их рабочие места, я потолкую и с генералом, и с полковником. Поблагодарю за «Доклад», за ценные мысли. Скажу, что в министерстве, у нас, и в Генштабе документ их воспримут с пониманием, вероятно, он найдет поддержку у высших руководителей... Короче, я найду что сказать.

Жучков впервые за время беседы улыбнулся, и круглое лицо его сделалось совсем молодым.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Из зарплаты Асланова вычли, как полагалось, по двум исполнительным приличную сумму денег. С хмурым видом расписался он в ведомости и, отойдя от кассы, пересчитал тощенькую стопочку голубых пятирублевок. Как жить на эти деньги, когда обычный обед в столовой стоит семь рублей? Живи, как хочешь. Вот он, пресловутый рынок! Раньше страной правила партократия, теперь — тугие кошельки...

В ближайшую субботу, переодевшись в гражданский костюм, Асланов отправился к Михаилу Михайловичу, в кооператив.

Февральский день заметно прибавился, шесть вечера, солнце еще светит. Асланову же отчего-то хотелось, чтобы день был холодным, со свирепым ветром, чтобы валил снег и чтобы прохожие не заглядывали бы ему в лицо. Асланову казалось, что встречные женщины и мужчины, даже дети, смотрят на него как-то по-особенному, загадочно улыбаются, будто знают, куда и зачем он идет.

«Зачем я туда иду? Ведь у меня есть специальность. Можно пойти в радиомастерскую и найти какую-нибудь шабашку, — с укором размышлял он и тут же отмахивал сомнения и ободрял себя: — Ничего, у нас любая работа ценится и оплачивается. Кооператив «ПОМОЖЕМ ЖЕНЩИНЕ» — не какой-нибудь там притон, а вполне нормальное заведение. Кто-то действительно подрабатывает,

ремонтируя машины и радиотехнику. И все же унизительно это — сидеть по вечерам со сломанными радиолами и паяльником в руках. Ха! Лучше уж помочь тому, кто нуждается?! Люди вон на Западе продают свои органы — почки, даже глаза, кожу, костный мозг, а тут... Тьфу! И думать об этом нечего. Сдавать «материал» я, конечно, не буду, еще чего! А прямое донорство — да ради бога!»

...Михаил Михайлович, как и в прошлый раз, встретил Асланова любезно, можно сказать, с распростертыми объятиями.

— Тимур Асланович, рад видеть, дорогой! Садитесь, пожалуйста. Да, вот сюда, поближе. Нам так удобнее будет беседовать.

Асланов сел, сняв шапку, распахнув пальто, цветущий, румяный с мороза. Главврач кооператива откровенно любовался им.

«Хорош парень, хорош! — думал он. — Экземпляр что надо. Понести от такого любая женщина сочтет за большое счастье. Конечно, научный этот работник, как он довольно скудно представился, может иметь невыносимый характер, незавидное прошлое, но это нас не касается. Порядочного мужика для нашего дела найти теперь непросто».

— Я надеюсь, почти убежден, что вы все обдумали и решили, — с улыбкой заговорил Михаил Михайлович, теребя мясистыми пальцами ухоженную свою бородку. — И если не целиком, то в значительной мере разделяете точку зрения нашего кооператива на женские проблемы.

— Да, в основном разделяю, — подтвердил Асланов. — И готов оказать помощь нуждающимся. Но при условии, Михаил Михайлович, что все это останется тайной. Иначе...

— Да о чем вы говорите! Боже мой! — главврач замахал обеими руками. — Тимур Асланович, дорогой, наш кооператив объединил глубоко порядочных людей, я всех своих сотрудников, а это в основном женщины, знаю как свои пять пальцев. Мы, врачи, и медицинские сестры совсем по-другому смотрим на проблемы материнства, чем вся остальная публика. Это наша профессия — помогать людям. Поэтому подключайтесь к нам, Тимур Асланович. Для начала нужно пройти тщательное медицинское обследование. Все это сделают вам здесь, у нас, никуда ходить не надо.

— Хорошо, — согласился Асланов.

По вызову главврача явилась молодая, с непроницаемым лицом женщина, которую Михаил Михайлович назвал ласково «Машенька» и велел ей провести т о в а р и щ а по нужным кабинетам.

Асланов подставлял лаборанткам пальцы и вены, из которых те умело брали кровь, побывал в рентгенкабинете; потом посетил терапевта, отоларинголога, окулиста, невропатолога, психотерапевта и уролога.

Заключение было единодушным: здоров. «Хоть в космонавты!»

* * *

Катрин, когда рассказывала подругам о причинах развода с мужем, говорила им не всю правду. С мужем она действительно жила недолго, вышла за него по настоянию матери, мать же их и развела, внушив дочери мысль о том, что «не повезло ей с мужем, что жить и рожать надо от любимого человека, а от т а к о г о...». «Такой» был заурядной личностью, с незаконченным высшим образованием, работал в телеателье, частенько выпивал. В окружении образованной жены и тещи (мать Катрин работала до выхода на пенсию в университете преподавателем на кафедре биологии) чувствовал себя стесненно и без долгого раздумья согласился на развод.

Разведясь, Катрин активно искала себе спутника жизни: читала объявления в газетах, сама давала объявления, ходила в театры и кино, на всевозможные выставки, но оказывалась либо в женской компании, либо в обществе зрелых, женатых мужчин. Катрин нервничала, стала курить, иногда и выпивать. В школе работала без огня, тлела. В душе была зябкая пустота. Ждала и надеялась, хотя и понимала, ожидание это может затянуться на всю жизнь.

И вот однажды она прочитала в местном «Курьере» о кооперативе «ПОМОЖЕМ ЖЕНЩИНЕ», и сердце ее взволнованно забилось.

Михаил Михайлович выслушал ее с большим вниманием. Молодая привлекательная учительница понравилась ему, и он пообещал ей помочь. Катрин поставили на учет, она внесла аванс и стала ждать клиента.

От предложенной анонимной имплантации отказалась — не знать, от кого ребенок, не видеть мужчину-донора... Нет-нет, он должен ей понравиться.

Ах, какое это изнуряющее, выворачивающее душу ожидание! Такой громадный город, в котором сотни тысяч мужчин, а ты — одна. Парадокс! Несправедливость! Всевышний, где ты там затаился на небесах? Слышишь ли ты, что некая Катерина, раба твоя верная, хочет такой простой и доступной почти всем женщинам радости — родить ребенка? Продлить род человеческий, дать жизнь сыну или дочке. Что в этом греховного? Помоги, господи!..

Какая же она дура, что когда-то послушалась мать и сделала аборт. Ведь теперь ребенку было бы уже полтора года. Теперь бы топал пухленькими своими ножками по этому мягкому ковру и лопотал заветное: «Мама-а...»

...В самом конце февраля позвонил Михаил Михайлович и радостно сообщил:

— Екатерина Валерьевна, бог услышал ваши и мои молитвы.

— Да?! — сердце у нее перестало биться, и трубка едва не выпала из рук.

— Да! Да! Наконец-то он появился! И это именно тот, который нам нужен.

— И-и... что же?

— Вам осталось ждать ровно сутки, дорогая Екатерина Валерьевна. Он будет у вас завтра вечером. Часов в семь. Он научный сотрудник одного института. Красавец мужчина, абсолютно здоров, это я вам говорю как врач. Поразительно здоров!

Катрин бессильно опустилась в кресло возле телефона.

— Михаил Михайлович, не знаю, как вас и благодарить!.. Кстати, я ведь внесла только аванс...

— Ничего-ничего! Когда засвидетельствуем беременность, тогда внесете остальную сумму. Потом, дорогая Екатерина Валерьевна. Главное — беременность. До свидания.

Некоторое время Катрин сидела, будто оглушенная.

— С кем это ты, Катенька? — донесся из соседней комнаты голос матери. — Мне показалось, что ты чем-то взволнована.

— Мама, понимаешь... Завтра... у меня должен быть гость, мужчина. Ты... как планируешь свое время? — подойдя к матери, спросила Катрин.

— Катюша, какие могут быть проблемы? Скажи, когда мне уйти и когда прийти. Могу и на всю ночь к Ирине Васильевне уехать. Я так рада за тебя!

— Рано радоваться, мама. С чего вдруг? Подумаешь, мужчина придет в гости. Ну, посидим, чаю попьем, поговорим. Я же не знаю, что будет дальше.

— Дальше все будет хорошо, Катюша! Все зависит от женщины. Как поведешь себя, что будешь говорить. Оденься как подобает хорошей гостеприимной хозяйке... Кстати, а где же ты с ним познакомилась, Катюша? Как его зовут? Хоть одним бы глазком глянуть на твоего избранника.

— Ой, мама, я и сама толком ничего не знаю... В кино мы познакомились, рядом сидели. Он — научный сотрудник, с виду красивый...

* * *

Поеживаясь от пронизывающего до костей ветра, Асланов долго искал дом. Шел по вечерней, плохо освещенной улице, стараясь как бы не упасть на обледенелых тротуарах.

К девятиэтажному серому дому с ярко горящими окнами он приблизился с некоторой робостью. «Нашел шабашку, нечего сказать, — подтрунивал он над собой. — Чего я скажу этой Екатерине Валерьевне, как себя с ней вести?»

Лифт остановился на седьмом этаже. Дверцы распахнулись, Асланов еще раз оглядел себя в зеркало, укрепленное сбоку, на стенке кабины, и решительно вышел на площадку. С бьющимся сердцем нажал кнопку звонка двери, обитой черным дерматином.

Дверь открыла Катрин, со вкусом одетая и причесанная. Она окинула взглядом Асланова с головы до ног — смущенно улыбающегося, мнущего в руках рыжую лисью шапку.

— Здравствуйте, Екатерина Валерьевна, — сказал он негромко и кашлянул от волнения в кулак. — Слесаря вызывали?

Она засмеялась, оценив его находчивость и юмор.

— Вызывали, — в тон Асланову сказала Катрин и отступила в глубь прихожей. — Прошу вас. Заходите.

Он вошел, и за его спиной мягко щелкнул замок.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Жить стало лучше, жить стало веселее...

Получив от кооператива честно заработанные тысячу четыреста рублей (с Екатериной Валерьевной пришлось встречаться несколько раз), Асланов прежде всего расплатился с долгами за жилье. «Шабашка» была не в тягость. Екатерина Валерьевна оказалась женщиной приятной во всех отношениях.

О том, что у нее родится о т н е г о ребенок, Асланов старался не думать. Конечно, общество еще не привыкло к такого рода экспериментам, и несколько лет назад, до перестройки, о кооперативе «ПОМОЖЕМ ЖЕНЩИНЕ» и речи быть не могло. Но теперь времена изменились, рынок наступает по всем фронтам, начинает властвовать повсюду. То-то еще будет!

Ни главный врач кооператива, ни сама Екатерина Валерьевна не донимали его, Асланова, расспросами, лишь однажды женщина спросила: женат он или нет? «Был женат и есть дети», — ответил Асланов, и Екатерина Валерьевна успокоилась: такой, крепкого здоровья мужчина наверняка поможет ей стать матерью.

Прощаясь в тот памятный зимний вечер с Еленой Рябоконь, Асланов пообещал позвонить ей, если она даст номер телефона. Она дала, и он не единожды порывался позвонить, предложить встретиться, но каждый раз откладывал. Номер был служебный (Элен работала в каком-то небольшом издательстве), вести по нему фривольные разговоры не хотелось, к тому же он хотел определиться, как вести себя с дочкой начальника. Одно дело — случайно встретиться на танцах в Доме офицеров и проводить девушку до дома, и совсем другое — звонить ей, назначать свидания. Месяца полтора Асланов раздумывал над тем, как поступить с Элен, и решил преподнести ей к Женскому дню цветы, а дальше видно будет... Его шаг даже суровым Рябоконем не будет истолкован слишком строго — в конце концов, на Восьмое марта преподнести знакомой женщине цветы кому возбраняется?

Однажды полковник Рябоконь поинтересовался семейными делами Асланова, расспросил о его женах, детях.

Асланов с притворной грустью и сожалением ответил, что связи с первой женой у него нет, она давно уехала

к родным, в Забайкалье, дочь растет в Чите. А Людмила-вторая — здесь, в городе, но встречаться Асланову с сыном, Алешкой, не разрешает.

— М-да-а... Жаль. Жаль, — вздохнул тогда, заключая беседу, полковник Рябоконь, и трудно было понять, о чем он жалел.

Поразмыслив, Асланов принял решение: поздравить Элен с праздником, но впредь — никакой инициативы не проявлять. Никакой! Пусть сама решает как да что. Он, Асланов, в самом деле, дважды разведенный, а она — девица, замужем не была... Пусть думает!

...Вечером у подъезда дома, на скамейке, Асланова ждала Людмила-вторая. Он узнал ее издали. Сердце майора дрогнуло — что-то случилось, так бы бывшая жена не пришла. Наверное, с Алешкой что-нибудь...

— Здравствуй, Тима! — взволнованно сказала Людмила-вторая. Лицо ее заметно исхудало, появилось в нем незнакомое выражение подавленности и отчаяния.

— Здравствуй, — ответил он. — Что случилось? Алешка где?

— Он с соседкой, я попросила часа три-четыре побыть с ним. Я хочу поговорить с тобой, Тима.

— Хорошо. Здесь, на улице? Или, может, ты зайдешь? Посмотришь, как я живу.

— Зайду.

Они пошли к лифту, Людмила-вторая впереди, а он сзади, привычно, даже помимо своей воли разглядывая ее знакомую фигуру. Ничто в бывшей жене внешне не изменилось, и все же, судя по всему, она стала другой. Даже сам тот факт, что она пришла сюда и собирается его о чем-то просить, говорит о многом. Ведь когда они расставались, Людмила-вторая сказала: «Подыхать буду, Асланов, а никогда ни о чем тебя не попрошу, запомни эти слова! Я тебя ненавижу!»

Раньше она обращалась к нему сухо, по-деловому: «Асланов, Асланов». Работала она на заводе плановиком, имела в подчинении целый отдел, почему-то в основном мужчин, за годы работы усвоила командный стиль жизни, привыкла распоряжаться. Эту привычку перенесла и в дом, в семью. Трудно им было вместе, чертовски трудно! И потому оба легко согласились на развод.

— Как живешь? — спросил Асланов, чтобы время в лифте не казалось таким уж тягостным.

— Плохо! Плохо нам без тебя, Тимур!

«Ага, поняла наконец!» — позлорадствовал он в душе.
Людмила-вторая, повесив сумку на плечо, смотрела на него, ненужно поправляла газовый шарфик на шее, и крашеные ее ногти тускло вспыхивали в подслеповатом свете лифта.

«А худоба ей к лицу, — отметил Асланов. — Стала стройнее, вроде и ростом выше».

Лифт остановился, и они вышли на площадку.

Он отпер дверь своей квартиры. Людмила-вторая, оглядывая ее, робко стояла у порога, переминалась с ноги на ногу. Нынешнее жилье Тимура было более чем скромным.

— Ну раздевайся, чего стоишь? — просто и грубовато сказал он.

— Ты бы помог, — вымученно улыбнулась она, протягивая ему сумку. — Как-никак, а я у тебя в гостях...

Асланов помог ей раздеться, затем снял с себя шинель, исподтишка наблюдал за Людмилой-второй, поглядывая на красивые ее ноги, обтянутые ажурными черными чулками, на ровно вздымающуюся грудь.

— Чай будем пить? — спросил он. — Или у тебя нет времени?

— Я же сказала: часа на три-четыре Алешку оставила.

Она подошла к Асланову, заглянула через плечо.

— А чего-нибудь покрепче нет у тебя, Тима?

Он кивнул, достал из кухонного стола початую бутылку водки.

— С кем это ты? — Она глазами показала на бутылку. — Кто-то у тебя тут прибирается, чисто.

— Сам прибираюсь. Что ж я без рук, что ли? Военный человек, приучен к порядку.

Она нашарила в сумке сигарету, подняла на него глаза.

— Ты куришь?! Зачем?

— С вами, мужиками, не только закуришь...

...Они выпили, и Людмила-вторая сразу же заплакала.

— Чего ты, Люда? Что все-таки случилось?

— Да так, ничего не случилось. — Она вытерла слезы, улыбнулась, но улыбка вышла у нее какой-то жалкой, просящей. — Давно вот не сидела с тобой... И вообще... Налей еще.

— Ты бы рассказала об Алешке. Как он?

— Теребит меня, спрашивает: где папка? Почему не приходит к нам? К другим вон приходят отцы, хоть и не живут с ними... Давай, говорит, к нему съездим, я хочу с ним поиграться. Я уж хотела, честно говоря, взять его с собой.

— И взяла бы, я соскучился. Ты же не разрешаешь видеться.

— Ну... я считаю, так лучше для всех.

— Понятно. Хорошо, раз считаешь, Людмила Васильевна...

— Я его фотографировала недавно, Тимур. Как пошел в первый класс. Пусть, думаю, память ребенку останется. Да и нам, родителям, тоже.

Она покопалась у себя в сумке, вытащила небольшую цветную фотографию. Асланов долго разглядывал своего сына, и в горле у него запершило.

«Все мое — рот, нос, губы... — размягченно думал он. — И я люблю его. А он, наверное, любит меня. Вспоминает, собирался прийти сюда. Если б, конечно, не Людмила...»

Он сказал, что оставит фотографию на память, и Людмила-вторая молча кивнула — для этого, мол, и принесла.

— Хочешь знать, зачем пришла? — спросила она наконец.

— В общем... да. Хотя и за фотографию спасибо.

Она замяла в пепельнице сигарету, поправила на коленях платье, собралась с духом:

— Нам плохо без тебя, Тимур. Мне плохо, Алешке.

— Ты в свое время говорила обратное.

— Говорила. Я не знала, что так буду... переживать. Я не знала, что так сильно люблю тебя. Я не могу без тебя, Тимур!

Повесив голову, он слушал ее. Мял пальцами незажженную сигарету, спокойно стряхивал с колен форменных брюк табачные крошки. Говорила Людмила искренне, он никогда не слышал от нее таких слов.

— На тебе платье новое, — сказал он как бы между прочим, как бы не желая говорить на предложенную Людмилой-второй тему.

— На свидание к тебе шла, — сказала в тон, и в серых ее больших глазах мелькнула надежда. — Не только новое платье надела. Все новое. Ты же любишь...

Он усмехнулся, согласно и немножко пьяно мотнул головой. Взял пустую бутылку, с сожалением повертел ее перед глазами.

— Жаль, кончилась, — сказал со вздохом. Посидел

молчком, постукивая ногтями по горлышку бутылки, повспоминал. Года три-четыре назад, когда они с Людмилой-второй и не помышляли о разводе и семья им обоим казалась крепостью, он, обычно к дню ее рождения, ходил по галантерейным женским магазинам, спрашивал бельевой гарнитур. «Только белый, девушки, пожалуйста, заверните. Сорок восьмой размер. И чтоб с рюшечками там, с кружевами...» А потом приносил гарнитур домой, они вместе разворачивали его, смотрели, и Людмила висла у него на шее.

— Ты ведь хорошо знаешь, Асланов, — продолжала она, стыдливо пряча глаза. — Ты у меня был первым и единственным. А теперь ты меня бросил. А я не могу больше, Тимур, не могу! Я допустила ужасную ошибку, что дала согласие на развод. Я вела себя неправильно, я виновата в том, что ты... Ну, встречался с другими. Я должна была учитывать твой темперамент.

«Ишь, как заговорила, — думал Асланов. — А было время, когда ты по месяцу не подпускала меня к себе — это действительно, с моим-то темпераментом! Все своего добивалась — чтобы я тебе беспрекословно подчинялся. Подумаешь, на два года она старше! Да хоть на десять. И ты упрямая, и я. Но ты — женщина, тебе легче, а каково было мне? Жить с женщиной в одной квартире и не иметь с ней близости... Пытка! Именно это и переполнило чашу моего терпения».

Они помолчали.

— Ладно, Люда, успокойся, — вздохнул Асланов. Потянул к себе бывшую жену, усадил на колени, поцеловал в губы. Потом стал ласкать ее ноги, грудь, жадно вдыхал знакомый запах ее волос, но делал это как-то механически, бесстрастно, и она почувствовала это. Закрыв глаза, льнула к нему всем телом, позволяла ему делать все, что ему хотелось, поощряла. Шептала в самое ухо:

— Забыл ты меня, Асланов, забыл. Руки твои какие-то скованные.

Людмила задыхалась от чувств и желания.

— Я много думал о тебе и собирался с тобой повидаться, — врал Асланов, деловито раздевая бывшую жену. Он и сам уже еле сдерживал нетерпение, по-юношески волновался.

— Как хорошо, бог ты мой! Как сладко! — говорила она уже в постели. — И какая же я глупая. Мужа родного прогнала, выжила. Прости, Тимур, прости, родной! Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой. Всегда-всегда... Долго-долго! Прошу тебя! Не уходи!

«Может, правда нам сойтись снова? — прикидывал он. — Бабе разлука на пользу пошла, вон что в постели вытворяла, я никогда ее такой не знал. И меня она, конечно, любит, это ясно. Что еще надо? Бывает же, сходятся разведенные, снова живут семьей. И Алешка рад будет. Квартиру снова поменяем, съедемся. Кончатся эти гнусные походы по старухам». Вот рядом молодая и страстная, как оказалось, женщина, его жена, с которой он жил и которую знал плохо, и у нее растет его сын. Конечно, характер у Людмилы-второй не сахар, но ведь верна, трудолюбива, прекрасная хозяйка. Правда и то, что у нее никого не было все это время, и никто ей, кроме него, Асланова, не нужен. Разве это не аргумент? Разве просто так отмахнешься от него?.. Да, Людмиле-второй пошла на пользу разлука. И хорошо бы прийти на службу, в институт, и объявить: мы, мол, сошлись, я снова женатый, семейный человек.

...Проснувшись, Асланов увидел женщину, которая стояла у зеркала и причесывала волосы.

— Асланов, вставай! Проводишь меня. Разоспались мы с тобой, одиннадцать скоро. А я обещала соседке не позже десяти быть дома.

В голосе были знакомые раздраженные нотки, и Асланов, едва открыв глаза, понял, что Людмила-вторая — прежняя, что она ничуть не изменилась со времени их разлуки. Да, одной ей плохо, но другой Людмила-вторая быть не может, она и сама говорила, мол, в сорок лет бабу уже не переделаешь, поздно. Недавнего ее настроения хватило на несколько часов, всего на несколько часов, но почему она так резко вдруг переменилась? Что произошло? Еще час назад рядом с ним была сама покорность, нежность и страсть...

— Значит, Лена тут у тебя хозяйничает, — ехидно сказала бывшая жена. — А я-то сразу не поняла, поверила тебе. Действительно, думаю, военный человек, любит порядок... Брехун! Я-то, дура старая, примчалась, уши развесила, наизнанку вывернулась. На, Асланов, пользуйся, вся твоя!.. Простила. Ладно, думаю, ребенку отец нужен, я потерплю, ничего, глаза на все его похождения закрою. Успокоится когда-нибудь, сорок лет уж скоро. А он опять «Лена», «Лена»... Жеребец!

— Да никакой тут Лены и в помине не было, с чего

ты взяла? Кто тебе это наговорил? По коридору, что ли, сплетни собирала, пока я спал?

Асланов рывком поднялся в постели, свесил голые ноги, с тревогой и недоумением смотрел на Людмилу-вторую. Откуда она, в самом деле, узнала имя Элен?

— Да ты сам и наговорил, — нервно похохатывала Людмила. Она причесалась, уложила волосы бубликом на макушке, отчего ее лицо стало еще тоньше, привлекательнее, красила губы точными и резкими движениями. — Все как есть и рассказал, майор. Как вы на танцах с ней танцевали, как ты ей свидание назначал... Говорить ты стал во сне, как Цицерон, бери и записывай, если хочешь.

Асланов, раздумывая, не спеша одевался.

— Ну и сказал, может, про какую-то Елену. Подумаешь! — дернул он плечами. — И на танцы ходил, да, не отрицаю. Сижу тут, как в камере-одиночке. Плохо, что разговаривать во сне стал. Это все из-за тебя, Люда. Из-за женщин. Воздержание мне не на пользу.

Он старался разговор перевести в шутку, подошел к Людмиле-второй и попытался было обнять ее, но она отстранилась.

— Пожалуйста, побыстрей, Асланов. Я дико опаздываю, дико! Соседка там с ума сходит. И Алешка тоже. Они же не спят, ждут меня. А я тут с тобой глупостями занимаюсь.

Она стояла уже в пальто и сиреневой своей шапочке, надетой на голову кокетливо, чуть набок, и Асланов, быстро одеваясь, поглядывал на нее неравнодушно. «Хоть и гавкаешь, и снова, видно, ненавидишь, а все равно ко мне пришла, моею была, — думал он. — И снова придешь, снова скулить тут у подъезда будешь...»

И все же эти мысли удовлетворения ему не принесли, душу не успокоили. Пришло очень знакомое по прежнему времени раздражение — оно закипало исподволь, медленно, копилось и вот-вот готово было пролиться ссорой, скандалом.

— Такси мне поймай, — продолжала Людмила-вторая. — На автобусе мне и за час не добраться. Надеюсь, у тебя найдется на такси для женщины?

«Зачем она говорит эти слова? — Асланов натягивал уже сапоги. — Ну, брякнул я во сне про Элен, подумаешь, событие! Перевела бы все это в шутку, посмеялась

бы, так нет. Понимает же, что я мужик, что не могу без женщины...»

Да, новой Людмилы-второй хватило всего на три часа. И хорошо, наверное, что все так получилось: что он пробормотал во сне имя Элен, это вызвало у бывшей жены приступ ревности, и она наговорила ему кучу обидных слов. Теперь-то ясно, что его малодушие снова бы превратило их совместную жизнь в нечто малоприятное и никому из них троих не нужное. Хорошо, даже отлично, что все произошло именно так!

И они расстались. Теперь уже — навсегда.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В канун женского праздника снова объявилась Лида — ждала Асланова, как и в прошлый раз, у подъезда института. Она была слегка навеселе, навалилась майору на руку, с ходу затараторила:

— Тимур, я — за тобой, нас ждут. Да-да, не возражай и не отказывайся. Я сказала, что мы с тобой придем. Все наши собираются у Тоньки-Фонарика.

— Наши? Кто это «наши»?

Асланов поглядывал по сторонам — не видел ли кто-нибудь из сослуживцев их встречу с Лидой? Это совсем ни к чему. Все знают, что он разведен, ведет скромный образ жизни... Случайно недавно познакомился в Доме офицеров с дочерью полковника Рябокопя, непосредственного своего начальника. И вдруг эта встреча с разодетой и явно нетрезвой официанткой. Надо поскорее уйти с нею подальше, куда-нибудь в сквер, попросить Лиду больше не приходить. Да, он был должен ей, да, он провел с нею несколько приятных часов: но теперь все это позади, продолжать с нею связь он не намерен.

— Они все уже там, у Тоньки-Фонарика, — продолжала Лида. — Я сказала, что мы придем часам к семи.

— Ну... ты все за меня решила, — сказал он с недовольством. — Не спросила ничего, пришла, взяла, повела.

Лида, кажется, не уловила его недовольства; засмеялась, обняла, затормошила.

— Обиделся, что ли? Не надо, Тимур. Я все понимаю. И прошу тебя, понимаешь, п р о ш у! Последний раз. Подари мне этот праздник. Женский день ведь! Седьмого и

восьмого я работаю, у нас в ресторане какие-то банкеты будут, а сегодня я выходная. И Тонька дома, на больничном. А ребята... это люди свободные.

— Кто такие?

— Да ты их знаешь, Тимур. Гуляли тогда у меня, помнишь? Ты с ними за одним столом сидел.

— Валет, что ли? С Зиной?

— Ага, они. И Валет сказал, что хочет с тобой повидаться, деньги отдать. Они тогда ушли, не расплатились. Пьяные сильно были. Я им сказала, Валет извинялся и говорил, что надо бы найти того майора, отдать деньги. Ребята они честные, насчет денег у них строго. Взял — отдай.

«Хм, честные! — думал Асланов. — Ели-пили за чужой счет, девок у нас с Багровым увели».

Он колебался. Идти ему с Лидой куда бы то ни было не хотелось. Тем более в ее компанию. Но она так просила, так ласково гладила его руку, ежеминутно напоминая, что просит ради женского праздника и в последний раз...

— Ну не пойду же я в гости с пустыми руками, — слабо отбивался он. — Хотя бы бутылку вина достать...

— Да ничего не надо доставать, Тимур! У меня все есть, смотри.

Лида распахнула большую хозяйственную сумку.

— Водка, шашлыки еще теплые, конфеты, пиво. Картошку Тонька сварит, соленые огурцы у нее есть... Да не думай ты об этом. Ты же с официанткой имеешь дело! Тимур, ты такой хорошенький, усатенький. М-м-м! — Она потянулась к нему крашеными губами. — Дай я тебя поцелую.

Он взял ее за локоть и повел по вечерней улице.

Лида прижалась к его плечу.

— Я понимаю, Тимур. Что не пара я тебе. Но, пожалуйста, побудь со мною сегодня. У меня так мало радости в жизни. Работа, дом, работа... Мы же со своим разошлись, а живем в одной квартире. Пытка! Квартира у нас новая, хорошая, кооперативная. Я ее в основном на свои деньги и построила. Сын один вырос уже, в армии служит, второй со мной. Так и живем. Мой как напьется, так пристает. А я его видеть не могу, не то что... гм. Как он не понимает?!

Асланов слушал женщину равнодушно. Какое ему дело до чужих горестей, своих хватает. Дети, мужья, квартиры... Может, отказаться, а? Проводить Лиду до троллейбусной остановки, сказать, мол, спасибо за приглашение, что... чувствую себя неважно, настроения нет, неудобно и все такое прочее. С чего вдруг, в самом деле, являться ему в малознакомую компанию, сидеть за одним столом с какими-то урками, пить водку?! Черт с ними, с деньгами, которые обещал отдать Валет, — дело прошлое.

Увидев приближающийся к остановке троллейбус, Асланов открыл было рот, но Лида словно прочитала его мысли, крепко сжала локоть.

— Тимур, пожалуйста! Я тебя очень прошу. Будь мужчиной!

— Едем! Едем! — сказал он с наигранным удивлением: чего ты, дескать, беспокоишься, решили же!

Они вошли в троллейбус, стали в укромном уголке на задней площадке, Лида прямо дышала ему в лицо, заглядывала в самые зрачки, обещала:

— Ты не пожалеешь, Тимур. Будет весело.

В небольшой уютной квартирке Тоньки-Фонарика Асланову действительно было хорошо. Собрались три пары: Валет привел ту самую грудастую ресторанную блондинку Иру, Зина сел рядом с Тонькой, а в торце стола — Асланов с Лидой.

Валет, ухмыляясь (ну и рожа! — ей только и место за решеткой!), поднялся над столом — большой и сильный, в зеленой какой-то вязаной кофте со множеством желтых латунных пуговиц, с распахнутым на груди воротом белой рубашки, с полным стаканом водки в руках. Прохрипел простуженным голосом:

— Дорогие друзья. Дамы и господа, сэры и сэрухи. Мы, мужики, любим вас, дорогие наши, верные подруги, и потому поздравляем. Женский день — это праздник самый лучший. В этот день женщина какая-то особенная и приятная. За вас, красавицы!

Выпили все охотно, не сдерживая себя и не жеманничая. Выпил и Асланов, предвкушая отменный ужин — женщины понатащили разных деликатесов, которых он давно не пробовал. Чего только на столе не было!

Он ел, чувствуя на себе настойчивые и, как ему показалось, слегка насмешливые взгляды блондинки Иры.

Да, девка видная и телом богатая. Но что поделаешь, он ведь тогда еще, в ресторане, понял, что она — пассия Валета, что играла с ним, Аслановым, как кошка с мышью, подзадоривала его. А он, глупый, рад был стараться: «Я вас всю покрою военными поцелуями! Весь плацдарм боевых действий!..» Вот уж, наверное, они хохотали потом с Валетом над этими словами и его «стратегическими замыслами». Ну да бог с ними. Он посидит, потанцует с Лидой, а потом уйдет.

На подоконнике стоял японский магнитофон, Зина возился с ним, щелкая клавишами, искал какую-то нужную ему мелодию на кассете.

— Ну чего там копаешься? — окликнул его захмелевший Валет. — Найди какую-нибудь н а ш у песню и иди за стол. Анекдот лучше расскажи. Дамы скучают.

— Щас, Валет, щас! — отзывался Зина.

— У нас традиция, майор, — сказал Валет, ковыряя спичкой в зубах. — Каждый из нас, мужиков, говорит что-нибудь приятное для прекрасной половины. Твоя очередь.

— Я готов! — бодро вскочил Асланов, одергивая китель. — Прошу налить и выслушать.

— Тихо! — прикрикнул на компанию Зина. — Налить и выслушать господина майора! Кому сказал?!.

— Дорогие наши, милые женщины, — Асланов с ласковой улыбкой оглядел женщин. — Мне очень приятно оказаться среди вас, в вашей дружной компании да еще в такой день. Поздравляю вас от всей души и желаю... желаю...

— Говори прямо, майор, кого желаешь, тут все свои, — прервал Асланова Валет, и все засмеялись.

— ...чтобы наши женщины всегда были счастливы и любили нас, мужчин, — завершил Асланов тост. — За вас, Лида!

— А за меня, господин майор? — капризно спросила блондинка Ира и протянула к Асланову полный фужер вина.

— И за вас, Ира. И за вас, Тоня! Прошу!

— И за вас, Зина, — ввернул в тон Асланову Валет, и на этот раз компания так и покатилась от хохота. Зина же вскочил, дурашливо-жеманно мотая головой, а потом сделал руками движение, каким женщины поправляют груди.

Асланов выпил до дна, и комната слегка поплыла,

качнулась, и он, не желая терять контроль над собой, навалился на еду.

«Приятные все ребята, — думал он. — И чего это я окрысился на них, на того же Валета? Уркаганы, то да се... Мало ли как у человека складывается в жизни. Вон, в народе говорят: от сумы да от тюрьмы не зарекайся. И Валет сидел — ну и что? Вышел, значит, одумался, исправился, на пользу пошло. Парень как парень».

— Ты бы снял свой китель, майор, — заботливо посоветовал Валет. — Чего сидишь паришься? В нашей хазе тепло.

— Правда что! — тут же согласился Асланов и снова наткнулся на прямой взгляд блондинки Иры. Он встал, пошел в прихожую, а она вышла следом, попросила закурить. Сказала игриво:

— Ой, забыл, Тимур, что обещал тогда, в ресторане? А?

— Ну... вы же не одна, вы с Валетом.

— Какая разница, с кем я пришла?! Валет мне не муж, я свободная женщина, кого хочу, того люблю. Я памятливая, майор!

«Ну дела, ну девки тут собрались! — возбужденно, нервно думал Асланов, потряхивая ворот липшей к шее рубашки. — Любую бери!»

Он вернулся к столу, и Валет одобрил его новый вид.

— Вот, другое дело, — сказал он. — А то погоны както мешают, глаза мозолят. Хотя и приятно, конечно, сидеть за столом с советским офицером.

Он взял бутылку, налил себе, Асланову и Лиде, сидевшей с мрачным лицом, — она заметила, разумеется, суету блондинки Иры.

— Давай, майор, выпьем, — предложил Валет. — За дружбу Вооруженных Сил и предпринимателей. И за Лидку твою. Она баба верная, не продаст. А Ирка — шлюха, тварь, имей в виду. Кому хочешь даст. Я ее, стерву, как облупленную знаю... Лида, ты чего нос повесила? Радуйся, глупая, живи. Майор у тебя что надо. К р а с а в е́ ц!

— Красаве́ц-то он красаве́ц, — слабо улыбнулась Лида. — Да не мой. Не обнял ни разу. Все на эту телку глаза пялит.

— Ну ладно тебе, ладно! — наигранно-весело воскликнул Асланов и обнял женщину за плечи, поцеловал в щеку.

— Да, майор! — позвал его Валет. — Все забываю отдать тебе должок. Ты извини, нехорошо тогда в ресторане получилось. Лишнего хватанули. А тут еще Зина забузил, с ментами сцепился, пришлось ретироваться. На-ка, не обижайся, — и Валет положил перед Аслановым пачку денег.

— Здесь полкуска. Бери, пригодятся.

— Да ну, Валентин! Зачем так много?! Пополам, в крайнем случае. Я ведь тоже гулял.

— Бери, — твердо повторил Валет, и плохо выбритая его физиономия побурела от недовольства. Задергался над верхней губой розовый шрам, зверски перекосился рот. Асланов сунул пачку в карман брюк, зябко повел плечами — да, с Валетом лучше не спорить, не раздражать его. Взял, конечно, лишнего, но можно потом и вернуть если что. Отдаст через Лиду... Хотя нет! С Лидой встречаться он больше не будет, дал же себе слово. И вообще с этой компанией. Погуляет вот, попьет водочки, блондинку Иру при случае (если удастся) потискает — и был таков. Люди здесь не его круга, они ему не нужны, в определенном смысле опасны, зачем себя компрометировать? Закреплять знакомство совершенно ни к чему. Правда, говорить об этом ни в коем случае нельзя, обидятся. Да и зачем говорить?! Отлично накормили, напоили...

— Ты вот что, майор, — заговорил Валет, нещадно дымя сигаретой. — Если кто обидит тебя, скажи. У нас разговор короткий, в обиду не дадим. И вообще...

— Да кто меня обидеть может?! — Асланов дернул плечом. Он старательно отводил глаза от тяжелого, немигающего взгляда Валета — казалось, тот вдавливал, прижимал его к стулу.

— Мало ли кто! — многозначительно говорил Валет. — Не бойся, сделаем так, что ни одна ментовка ничего не узнает.

— А! — отмахнулся Асланов. — Меня никто не обижает. Патруль разве привязаться может. Да и то, если я поддатый буду. А так... Слышь, Валентин, а на хрена ты мне столько денег дал? — Асланов полез в карман за пачкой. — Ну пополам давай...

— Бери, майор, я нынче богатый. Хорошо заработал. И ты мне тогда, в ресторане, понравился — платил, не спрашивал... Сегодня я богатый, завтра ты. Друзей не надо забывать, делиться с ними надо. В беду попадешь — выручим. Понял, майор? У нас с этим железно. Про общак слыхал?

— Общежитие, что ли? — не понял Асланов.

— Вроде того, — усмехнулся Валет, и розовый его шрам над губой еще больше покривился.

Он больше не стал вдаваться в подробности, майор этот был явно далек от их мира, жизнь сама все расставит на свои места. Валет не имел относительно Асланова никаких планов, ему было просто интересно общаться с офицером, он держал это знакомство на всякий случай. Хотя и понимал, что майор этот поехал по наклонной, и отчего бы ему в этом не помочь? Пусть пока ест и пьет, девок лапает по своему усмотрению, цепляется на крючочки. Все с этого начинали.

— Чем занимаешься, Валентин? — спросил Асланов, с трудом удерживая падающую голову. — Где промышляешь?

— Медный бизнес. Кастрюли па-я-я-е-ем, горшки чи-и-ним! — дурашливо завел он протяжное, уличное и, довольный, захохотал, откинувшись к спинке стула. — Нет, правда, майор, правда. В ремонтной мастерской с Зиной обретаемся. Он рубит, а я отвожу.

— Чего рубит-то? — уточнял Асланов. — Не понял, повтори.

— Да зачем голову человеку морочишь?! — блондинка Ира, обмахиваясь, остывая от бурного танца, плюхнулась рядом с Валетом, слышала конец их разговора. — Не верь ты им, Тимур. Они с Зиной вагончик купили, покрышки там ремонтируют, а не кастрюли.

— А... Так бы и сказал.

— Купишь машину — милости прошу. — Валет гонял во рту зажженную сигарету. — Без очереди с Зиной обслуживать будем. По блату.

— Какая там машина! — Асланов засмеялся. — Концы с концами еле свожу.

— А какого ж черта за армию держишься? Иди к нам. Рабочие сейчас в цене. Образованные они и не нужны никому, мелочь получаете.

— Покрышки ремонтировать?! Скажешь тоже! У меня, Валентин, работа знаешь какая интересная. Пальчики оближешь. М-м-м!..

— А ты чем занимаешься?

— Ну... это нельзя говорить, это военная тайна. За это, знаешь, по заднице дадут. Связь! — И Асланов поднял

вверх палец, показал им в потолок, сизый от табачного дыма.

Валет налил в его фужер водки.

— Давай, майор. Связь твоя меня не интересует, я в ней не разбираюсь. Меня больше половая связь интересует. — Он цапнул блондинку Иру за бедро, та поперхнулась, шлепнула Валета по руке.

— Давай, майор, бери, — настаивал Валет. — За честных предпринимателей выпьем, за баб наших красивых, верных. Ты Лидку не обижай, она... Впрочем, я это уже говорил. Зина, выруби ты эту бандуру на хрен. Садись сюда. И свет потуши. Интим нужен, интим. Чтоб как в ресторане было.

Зина послушно выключил магнитофон, потом притушил верхний свет люстры, Тонька-Фонарик зажгла ночник у себя над диваном. Стало в самом деле уютнее.

Снова пили за женщин, за какое-то успешно провернутое Валетом дело, за армию и за хорошие деньги, за то, чтобы вагончик приносил как можно больше прибыли, за хозяйку квартиры и за вкусную еду, за... черт знает за что еще. Асланов потерял счет рюмкам и тостам, не особенно теперь вслушивался в смысл сказанного. Он сидел в майке (не помнил, кто и зачем снял с него рубашку), одной рукой обнимал Лиду, а другой — блондинку Иру. Валет давно уже храпел на диване в туфлях и полуснятых брюках, Зина заперся с Тонькой-Фонариком в ванной, а две оставшиеся на коленях женщины тянули Асланова каждая к себе.

— Ты с кем сюда пришел, майор? Ты не забыл? — визгливо кричала Лида. — Кто тебя поил и кормил? А? Убери руки с этой твари!

— Асланчик! Асланчик! — жарко шептала в ухо Асланову блондинка Ира. — Не слушай ты ее. Я лучше. Глянь, какая сдобная, мягкая. Мужики любят таких, я знаю.

— Не ссорьтесь, девочки, не надо, — уговаривал он их обеих и целовал по очереди. — Всем хватит. Курочки мои хорошие.

— Ты, петушок, не забывай, что должен мне сто шестьдесят рублей! — снова наступала Лида. — Убери с нее руки!

— На, на свои деньги! — он выхватил из кармана брюк разорванную уже пачку, сунул в руки Лиды деньги. — Ты мне и не нравишься вовсе, ты... ты...

Он сказал что-то обидное для женщины, и Лида, переменившись в лице, наотмашь ударила его по щеке, поднялась, стала собираться. Блондинка Ира выскочила на кухню, закрыла дверь, курила там. Асланов, шатаясь, встал, вывалился в прихожую, говорил Лиде что-то несуразное, а она, торопливо всовывая ноги в падающие сапоги, бросила ему глухо, с презрением:

— Какой же ты, оказывается, мерзавец, майор! Я-то думала... Привела тебя в компанию, за порядочного представила...

Асланов на какое-то мгновение протрезвел, стал было бормотать извинения, полез к Лиде с поцелуями, но она оттолкнула его и ушла. Он стоял перед захлопнувшейся дверью, пытался ее открыть, но откуда-то взялась блондинка Ира.

— Не надо, Асланчик, не надо, — уговаривала она низким грудным голосом, — Лидуха ушла, ее не догонишь. Не ходи никуда, ночь на дворе, патруль тебя заберет, фулюганы нос разобьют... Спать пошли, я постелила на кухне... Пошли, Асланчик, пошли. Раздевайся, я помогу тебе. А утром уйдешь.

Она умело сняла с него брюки, дала еще полстакана какого-то кислого вина, повела на кухню, где белела у самой плиты постель. Асланов с удивлением обнаружил, что и сама Ира уже в одной короткой черной комбинации, что горячая и мягкая лежит уже рядом с ним на матраце, призывно обнимает голыми душистыми руками, просит настойчивым жарким шепотом:

— Ну, Асланчик, ты же обещал... Военный театр, плацдарм... Поцелуи... Пожалуйста! Так хочется чего-нибудь новенького! Военного!.. Ну!

Качались стены темной, с запахом чего-то горелого, кухни, качался гладкий вроде пол, а матрац нырял в какие-то глубокие черные ямы...

* * *

Два дня Асланов приходил в себя, а седьмого марта, выбрившись, нагладив брюки и отутюжив помятую шинель, отправился с букетом ярких алых гвоздик к Елене Рябоконь.

Он помнил ее рабочий адрес, знал, где находится трехэтажный старинный дом, в котором располагалось небольшое кооперативное издательство, и нашел его быстро.

На третьем этаже в одной из комнат он увидел Элен, склоненную над бумагами. Она не сразу увидела его. Он окликнул ее, продолжая стоять в раскрытой настежь двери.

— Вы? — удивленно и обрадованно сказала она, оправляя на себе бордовое, в талию, платье.

— Я. Здравствуйте, Лена. Вот, извините, что зашел, потревожил. Но хотелось вас повидать, поздравить с праздником, — взволнованно сказал Асланов, протягивая ей обернутый целлофаном букет.

— Спаси-ибо-о, — певуче поблагодарила она. — Я очень рада... Это так неожиданно, приятно. Хотя вы и обещали зайти, позвонить...

Она и сама не раз бралась за телефон, но каждый раз откладывала — женщина не должна навязываться. Так учила ее в свое время мама. Да она и сама пришла к такому же убеждению. Какой бы там век ни был на дворе, что бы там ни говорили о равноправии мужчины и женщины, сколько бы ни писали об эмансипации —мужчина должен сделать первый шаг к женщине, мужчина!.. Но как же долго, больше трех месяцев, шел к ней Асланов! Она и надежду уже потеряла. Но загадала: если он не придет и не позвонит в Женский день, тогда уже ждать нечего. И вот — пришел!

— Да вы садитесь, садитесь! — засуетилась она, убирая с кресел папки с бумагами. — Надеюсь, вы не спешите, Тимур? У вас есть время?

— Нет, не спешу, — сказал Асланов, усаживаясь в удобное, хотя и старое, с потертой обивкой кресло, с любопытством оглядывая маленькую узкую комнату. Сразу можно было определить, что здесь работает женщина: чистота, шторы и занавески на окне. А главное — цветы. В горшочках на окнах, в плошках на стенах и на шкафу, даже с сейфа свисали зеленые пряди каких-то вьюнков. Не комната, а целая оранжерея!

Элен, извинившись, пошла с вазой за водой. Вернувшись, водрузила ее вместе с подаренным букетом на свой стол. Молча и радостно смотрела на гостя.

— Вы сегодня уже отработали, Тимур?

— В общем, да. Сегодня такой день!.. Начальство пораньше отпустило женщин. Полковник Рябоконь и офицерам разрешил отправиться по домам, помогать женам. Ну а я, как вы знаете, человек свободный. На рынок, за цветами, и — к вам.

— Спасибо, — еще раз поблагодарила Элен.

— Какие у вас планы, Лена? Если не секрет, конечно.

— Да ну, какие секреты! Мужчины нас уже поздравили, многие женщины разошлись. А я вот задержалась, срочный отчет.

— Лена, а если... отложить на сегодня дела? Если вы не возражаете, то я бы пригласил вас куда-нибудь в кафе. Посидим, поговорим. Я так давно вас не видел.

— Значит, не очень хотели, товарищ майор.

— Нет, хотеть-то я хотел... Знаете, Лена, дела всякие, да и вообще...

— Ладно! — Элен захлопнула папку с бумагами. — Отчет подождет. У меня сегодня праздник, имею право. И если вы меня, Тимур, приглашаете... Пойдемте, так и быть, в кафе, посидим, поговорим. Я знаю одно местечко, мне это кафе очень нравится, мы иногда заходим туда с подругами. Там уютно.

Она быстро оделась, кокетливо сдвинув серую нарядную шляпку чуть набок, придирчиво оглядела себя в зеркало, укрепленное с внутренней стороны дверцы шкафа, повернулась к Асланову как бы на смотрины — молодая, привлекательная, счастливая.

— Я готова, товарищ майор. Годится для вас такая женщина?

— Вполне! С такой женщиной хоть на край света! — воскликнул Асланов.

Кафе, куда они вошли, носило непритязательное название «Каштан»; Элен и Асланов спустились в «погребок», полуподвальное помещение, красиво оборудованное, с баром-стойкой, с расставленными по углам столиками и мягкими стульями, со свисающими над столами цилиндрами светильников. Кафе было полно молодежи.

— Я только мороженого хочу, Тимур. И лучше без варенья, — усаживаясь за свободный столик, сказала Элен. — Сладкое я не люблю, портит вкус.

— Лена, может, коньячку граммов по сто, а? Праздник ведь. Я угощаю, — предложил Асланов. — Деньги у меня есть.

Сонная, равнодушная к посетителям официантка кафе принесла коньяк, мороженое и конфеты; Асланов с Элен неторопливо разговаривали. Звучала музыка, за соседними столиками менялись соседи, а они все говорили, говорили...

— Я ведь сирота, Лена. Правда, не смейся! Отца не знаю, не видел никогда. В доме фотографии даже не было. Мать сказала, что порвала, не хотела о нем, подлеце, иметь никакой памяти. Она ненавидела его, и ее чувства перешли на меня. Не любила она меня, я это всегда знал. Иногда била. Один раз я бабушку зимой в сарае закрыл. Она корову доила, а я закрыл дверь на крючок, а сам на речку убежал, на коньках катался. Мать на работе, деда тоже дома не было. Короче, бабушка больше часа мерзла в сарае. Потом дед пришел, вызволил ее. Ну а мать прямо рассвирепела. Ах ты, кричит, дрянь кавказская! И давай меня колошматить. Да так, знаешь, больно, жестоко. До сих пор ее глаза помню — злые, безжалостные...

— Бедненький, — искренне посочувствовала Элен и погладила Асланову руку. Но в глазах ее мелькнула искра смеха: ну чего, в самом деле, взрослый мужчина, офицер, вспоминает, как его в детстве наказывали за провинности. — А меня мама не била никогда.

— И с женами мне не повезло, — продолжал лить слезы Асланов. — А за что, спрашивается? Что я, урод какой или там пьяница беспробудный. Мужик как мужик. Не повезло мне, Лен, не повезло! Рок какой-то надо мной висит. Людмиле-первой жизнь в военных городках не нравилась — бросила меня, уехала. Людмила-вторая — та бесконечно свои амбиции выказывала, права качала. «Я тебя старше, ты меня должен слушаться». Но разве я солдат какой!.. Стоять перед ней по стойке «смирно». Я все-таки офицер, меня на службе всегда ценили, и твой отец не раз замечал, что мои разработки на уровне кандидата технических наук. Полковник мне предлагал: пишите кандидатскую, Асланов, материала у вас достаточно.

— Да, папа и мне говорил, что ты способный инженер, Тимур. Если б, говорит, и в семье у него еще все наладилось... А то развод за разводом.

— Я и сам хочу покоя, Лена! Ну что это за жизнь: один, в девятиметровке, считай, в общежитии, ни поесть как следует, ни постираться, постоянно — в долгах. А я хороший семьянин, Лена. Детей люблю.

— И я... люблю, — вырвалось у Элен.

Она спохватилась, опустила глаза. Смущенно теребила скатерть на столике, упрекала себя: ну зачем так откровенничать! Асланов может неправильно ее понять. Но, с другой стороны, он же сам очень откровенно ей обо всем рассказывает — и о детстве, и о бывших женах. Правда, не повезло майору. А он хороший, хороший. Если б встретиться им раньше! Ну почему так несправедливо устроен мир?! Почему нет над людьми какого-нибудь высшего... центра или, лучше, советника — невидимого, но живущего где-то рядом с ними, людьми, и подсказывающего мужчине и женщине: вот твой избранник, вот твое счастье. Скольких бы драм и трагедий не случилось!

Асланов заказал еще коньяку, выпил, совсем размягчился — в глазах его поблескивали слезы.

— Как не повезло мне с самого рождения, так и по сей день не везет, — продолжал исповедоваться он. — А я с самого ведь детства мечтал: вот вырасту, женюсь на красивой и доброй женщине, и будет она мне и мать заменять, и жену, и сестру. Мне очень хотелось сестру иметь, Лена. Так хотелось! Я бы ей подарки дарил, защищал от хулиганов, какие-нибудь бы тайны у нас были. Меня всегда тянуло к девчонкам, я в школе со многими дружил. С ними интересно, у них всегда какие-нибудь переживания, секреты. А мальчишек и не любил. Вечно разговоры о том, кого бы избить, где бы курево достать, по чужим садам полазить... И детишек, говорю, я с детства любил. Вечно с малышами возился — то в песочке на реке, то зимой на горке, на санках. И они меня любили. А вырос, женился — вон что получилось. Одни неприятности и переживания. Детей не вижу, одни алименты плачу. А ведь двое у меня, Лена, двое! Сердце иной раз разрывается: как они там, без отца? Что едят, во что одеты-обуты... И хоть бы рядом были, на глазах. Людмила-первая уехала, увезла дочь, вторая Людмила меня на порог не пускает. Ты, говорит, не нужен сыну, он и без тебя вырастет. Да как же он вырастет?! Каким? Как будет жить без твердой отцовской руки?! Мальчишка ведь, пацан. Ему мопед нужен, мотоцикл. А что она в технике понимает? Карбюратор там засорился, зажигание неисправно... О-ох!

Асланов тяжко, протяжно вздохнул, вытер мокрые глаза. Элен тоже шмыгала покрасневшим носом.

— Тимур, дорогой. Не надо, успокойся. Я тебя очень понимаю. Действительно, как не повезет с самого начала жизни... Сердце на части рвется! Успокойся!

Глядя друг на друга, они сцепили на столе руки, и, ка-

эалось, не было сейчас силы, которая могла бы их разъединить.

— Это ведь я тебе с мизинец только рассказал, — Асланов оттопырил мизинец. — А если все рассказать!.. Столько неприятностей было в жизни, столько переживаний! Это только толстокожие, бегемоты, живут и ничего не чувствуют. А меня, Лена, так легко ранить, так легко вывести из душевного равновесия. Я и сам людей за километр чувствую. Что он за человек, как к другим относится. У тебя вот добрая душа, Лена. Ты сопереживаешь людям, тебе их жалко. Правда?

— Правда, — тихо сказала Элен. — Мне тебя жалко, Тимур.

Он, совсем как в детстве, после очередной порки за озорничанье, прерывисто вздохнул, всхлипнул.

— Ну что ж теперь меня жалеть? Взрослый уже. Это я так, под настроение разговорился. Больше не буду, извини.

— Нет, ты, пожалуйста, оставайся самим собой, Тимур! — лицо Элен пылало. — Таким, какой ты есть. Знаешь, сейчас мало уже таких людей. Кругом грубость, хамство, оскорбления... И ты прав: мы, женщины, — совсем другие люди, не такие, как вы, мужчины. Ах, если бы миром правили женщины! Мы бы научили вас, мужчин, добру и ласке, мы бы с пеленок учили детей любить своих родителей и родину, мы бы перевернули мир! Он стал бы совсем иным.

— Да, да, — рассеянно кивал Асланов. — Что-то в нашем мире не так. Мало любви. Мало уважения друг к другу. И женщины, и мужчины растеряны... М-да-а... Может, ты и права — вернуть бы матриархат, попробовать пожить при нем. Я бы лично не возражал.

— Молодые люди, кафе уже закрывается, расплачивайтесь! — окликнула их сонная официантка.

Они вышли на улицу, полыхавшую ночными неоновыми огнями. Было прохладно, тихо. Народу в центре города поубавилось.

Асланов взял Элен под руку и бодро зашагал с нею по проспекту. Хорошо бы сейчас пойти с ней д о м о й, лечь на диван, смотреть телевизор... Хорошая она, чего там! Добрая, отзывчивая. А как она его слушала! Ведь все эти истории он рассказывал и Людмиле-первой, и Людмиле-второй, и другим женщинам, но каждая из них реагировала по-своему, и никто так глубоко, как Елена Рябоконь,

не переживал. Он это видел по ее глазам, чувствовал. Душа человек!

У ее дома остановился и сказал:

— Ну вот, пришли. Спасибо за вечер, Лена. Мне было очень хорошо с тобой.

Асланов склонил голову и вытянулся по стойке «смирно». Элен любовалась им — подтянутый стройный офицер, красивый и вежливый — само мужское очарование.

— Тимур... может, зайдем к нам, а? — робко предложила она. — Еще не поздно. А папе я найду что сказать.

— Нет, не надо, — отказался он. — Как-нибудь в другой раз. Это очень серьезно, Лена. Если бы мы не служили вместе с полковником Рябоконем в одном учреждении... Тем более он — мой начальник. Сама понимаешь.

— Ну, пожалуйста! — настаивала Элен и снова взяла Асланова за руку. — Начальники, подчиненные... Я же не военнослужащая, меня это не касается. Я — женщина. И ты должен иногда выполнять мои капризы.

— Лена, каприз капризом, а пойти к вам... Давай в другой раз, а? Тебе надо поговорить с отцом, а главное, нам самим что-то решить. Я же все тебе рассказал о себе — какой я плохой, был дважды женат, у меня двое детей...

Она приставила к его губам свои теплые пальцы.

— Не надо, Тимур. Я теперь все про тебя знаю. Понимаешь — все! И не надо мне больше ничего говорить. Я лишь об одном жалею. О том, что мы не встретились с тобой раньше.

— И мне жаль! — сказал он вполне искренне. — Очень жаль!

Они прильнули друг к другу, поцеловались, и Элен, постояв в объятиях Асланова, пошла к ярко освещенному подъезду своего дома.

Возвращаясь в такси домой, он думал об Элен, и в голове его бродила вялая мыслишка: «Никакой инициативы по отношению к дочке Рябоконя. Пусть она сама хлопочет. Сама».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Приказом сверху в институте Торопова начались передвижки: генерал-майор Грушис был назначен началь-

ником одного из ведущих отделов, разрабатывающих новую ракетную технику. В истории института это был первый случай, чтобы генерал командовал отделом, но начальство все это обосновало острой производственной необходимостью, тем более что Леопольд Матвеевич в зарплате не потерял. И все же понижение Грушиса в должности произвело на ученых-офицеров гнетущее впечатление. Карающая рука начальства коснулась и остальных «заговорщиков» — так их теперь называли открыто: четверых офицеров также понизили в должности, перевели в другие отделы, сославшись на закрытие тем или передачу их в другие институты; двоих офицеров вернули даже в части, из которых они пришли в институт капитанами и майорами на научную работу. Рябоконь стал заместителем начальника отдела радиолокационных станций, а сам отдел намерились было соединить с другим, но Торопов отстоял его своей властью, доказал где-то там, наверху, что нужно закончить работу по «Стелсу», менять руководителя в самый разгар испытаний РЛС не годится, тем более что коллектив, создавший оригинальное приемно-передающее устройство на мощных шумоподобных сигналах, проявил себя с очень хорошей стороны.

После чтения приказа в актовом зале института военные ученые разошлись по кабинетам в мрачном настроении. Многие, конечно, поняли уловку начальства и не одобрили ее: на дворе вон демократия, говорить вроде бы и писать о проблемах никому не возбраняется, в том числе и о военных, зачем же наказывать людей?! Разговоры об этом шли на всех этажах здания института, разговоры разные и бурные. Понятно, что военный институт — часть особая, солдафонщина здесь не в чести, ценится прежде всего интеллект и вклад того или иного офицера в разработки, и все же приказ произвел нужный эффект — каждый из ученых-офицеров призадумался: а что же лучше? Спокойно, не тревожа начальство, сидеть на своем месте, или, побунтовав, оказаться на улице, в новой незнакомой среде гражданской жизни, где все идет прахом и валится в тартарары?

Тем не менее незримая какая-то стена возникла между офицерами института и его руководителем. Торопов ощутил вдруг, что к нему стали мало обращаться, дела в отделах и лабораториях шли как бы сами по себе, в начальственном надзоре не нуждались.

Торопов скоро не выдержал, позвал к себе в кабинет

Грушиса и Рябоконя, делая вид, что ничего особенного не произошло, что они как были, так и остаются друзьями-единомышленниками. Но голос у генерала был все же заметно заискивающим и растерянным: времена действительно изменились, кулаком по столу не стукнешь.

— Я думаю, это временное положение вещей, — неопределенно произнес Торопов. — Сами понимаете, я тоже человек подчиненный, власть моя до определенных пределов.

— Да вы не переживайте, Сергей Владимирович, — усмехнулся Грушис. — Все правильно. Московскому начальству наша позиция не нравится, вот и затеяли они тут... гм... перестройку. Но отказываться от своих убеждений я не собираюсь... Мы наплодили горы оружия, нам бы его и уничтожить.

— Да кто против? — мягко сказал Торопов. — И я это понимаю, и те, кто надо мной. Но есть же этика поведения, Леопольд Матвеевич, не мне вас учить. Поставили меня в неловкое положение, написали через мою голову... Нехорошо это, не по-товарищески.

— Позицию мы вашу знаем, Сергей Владимирович, — подал голос Рябоконь. — И поверьте на слово, позицию эту уважаем. И все же взгляды у нас на действительность разные.

— Мы перед вами, я считаю, ни в чем не виноваты, — сказал Грушис. — Действовали, конечно, через вашу голову, но у нас не было выхода, что поделаешь...

— Все равно, нехорошо это, — вздыхал Торопов. — Год подпольной работы, тайные какие-то встречи у меня в институте...

— Не у вас, просто в институте, — поправил Леопольд Матвеевич.

— Пока что я командир части, — нахмурился Торопов, — и никто меня с этой должности не снимал.

Сказал он это спокойно, не повысив голоса, но все же это был поворот разговора в официальное, совсем нежелательное для Торопова русло, и Сергей Владимирович понял, что сказал эту последнюю фразу зря. Совсем не для того позвал он Грушиса и Рябоконя. Он слишком хорошо знал, как много зависит от этих двух действительно талантливых ученых, от их авторитета, моральный климат в коллективе всего института — на данный день они были выразителями общественного мнения, новых

умонастроений в офицерской среде. И ничего с этим поделать было нельзя.

Однажды во время прогулки полковник Рябоконь спросил у Элен:

— Доча, ты меня извини за бестактный вопрос. Но я, твой отец, хочу, чтобы все у тебя было хорошо... Мне об Асланове хочется спросить. Вы встречаетесь?

— Да, папа. Но редко. Вчера он приходил ко мне на работу, цветы принес, поздравил. Потом мы с ним в кафе посидели, поговорили.

— Вот как! — Рябоконь не смог сдержать удивления. — Он... нравится тебе?

— Да, папа, нравится. И еще... мне жалко его.

— Жалко?!

— Понимаешь, у него жизнь трудная была. Без отца рос да и почти без матери. И с женами ему не повезло. Он мне все про себя рассказал.

— Ну, рассказывать он мастак.

— Папа, я понимаю, что ты хочешь сказать. Но не притворщик он вовсе, нет! Я же не ребенок, умею, наверно, отличить ложь от правды.

— Да я не говорю, что он притворщик, доча. Но он все же... как бы тебе это сказать? Он просто почувствовал, что у тебя доброе, отзывчивое сердце...

— Папа, он ведь ничего от меня не добивается! И очень серьезно относится к нашему знакомству. О тебе хорошо отзывается. О диссертации, которую задумал, рассказывал, говорил, что ты подсказывал ему тему. И вообще... У нас с ним просто дружеские отношения, не больше того.

— Ну и слава богу, — с облегчением вздохнул Николай Семенович. — Если честно, то мне он... как человек очень непонятен.

— Я это вижу, папа. Но... У вас служебные отношения, служебные разговоры, а когда поговоришь с человеком по душам, поймешь, что он совсем другой... Конечно, я его тоже мало знаю, но ничего плохого о нем сказать не могу. Асланову не повезло с семейными делами.

— Видишь, он сумел разжалобить тебя, расположить к себе... Ну да ладно, доча. Я ведь просто так спросил об Асланове, к слову, что ли. Ты уж извини. Ты у меня

одна, не думать о твоих знакомых я не могу, тем более что Асланова знаю. И случись что с тобой...

— Да что со мной может случиться, папа? — искренне удивилась Элен. — О чем ты говоришь? Подумаешь, познакомилась с твоим подчиненным офицером, сходила с ним в кафе. Может, он больше и не позвонит никогда. Зачем из этого делать драму?

* * *

Через неделю полковник Рябоконь уехал в длительную командировку, на испытания радиокосмической аппаратуры. Испытания велись в Подмосковье, в условиях, приближенных к боевым, присутствие разработчиков было обязательным, потому что по ходу дела кое-что приходилось корректировать, уточнять. Потом Николай Семенович поехал в Верхотурье, на завод, где пробыл более двух недель, решая с производственниками технические задачи... Словом, больше месяца не был дома, хотя и не забывал о дочери, звонил ей по вечерам. Елена отвечала ему, что дома все в порядке, она работает, здорова.

Слушая спокойный телефонный голос дочери, Рябоконь всякий раз хотел спросить об Асланове, но так и не решился. Прикинул, что по возвращении пошлет майора на серийный завод, потом в Москву, в Нижний Новгород — пусть покатается. Офицер семьей не обременен, ущерба никому своим отсутствием не принесет, а польза будет очевидная.

Однако со своим замыслом полковник Рябоконь опоздал.

Сразу же после отъезда отца Элен позвонила Асланову и попросила его зайти к ней на работу. Асланов, чувствуя, что такой звонок должен быть, тем не менее отнекивался:

— Ну что ты, Лена?! А что я потом скажу Николаю Семеновичу? Как буду смотреть ему в глаза?!

— Я сама скажу, сама, — горячо настаивала Элен. — Я с ума сойду... Ты же лишил меня покоя и сна. Тимурчик, милый. Я тебя очень прошу!

...Словно пьяные, они поднялись в квартиру, и тут же, у порога, Асланов стал раздевать дрожащую Элен, удивляясь тому, что делать это ему невыразимо приятно — он

и сам теперь хотел близости. Он говорил ей ласковые слова, которые так и лились с его губ.

— Пошли в мою комнату, Тимур! Пошли, родной! — звала она, решительно увлекая его в глубину квартиры. Он шел отчего-то на цыпочках: в каждой темной комнате незримо присутствовал полковник Рябоконь...

Потом, уже под утро, Асланов и Элен, по-прежнему разговаривая вполголоса, словно боясь, что их кто-то подслушает, потешались сами над собой: как забыли закрыть дверь, как прятались в подъезде от соседей, как Асланов заблудился в квартире...

Забрезжил рассвет, нужно было уходить, и Асланов поднялся. Встала и Элен; накинув прозрачный красивый пеньюар, пошла на кухню. Хлопотала там у плиты, время от времени выскакивая в комнату, глядела на Асланова счастливыми сумасшедшими глазами. Выглянув в очередной раз, подошла к нему, порывисто прижалась.

— Вот какой ты, мужчина! — глянула на него снизу вверх голубыми глазами. — Вот когда я тебя наконец дождалась. На двадцать восьмом году жизни.

Он сидел на диване, листал «Советский экран».

— Так ты что... У тебя никого не было до меня?!

— Не было, — сказала она просто. — Я дружила с одним парнем, но ничего лишнего ему не позволяла. Да и некогда мне было с мужчинами... Сначала училась, мама с папой меня в строгости держали. Потом мама умерла, папа, что называется, на руках у меня остался. Он очень переживал, в больнице даже лежал с сердцем... Потом... Потом я не знаю что. Тебя, наверное, ждала, искала. Когда увидела в Доме офицеров, душа так и обмерла. Не думала даже, что один человек на другого так сильно влиять может. А ты, негодник, пропал, не звонил, не заходил...

— Занят был, — Асланов отвел глаза. — И потом: отец твой, по-моему, симпатий ко мне не питает. Знаешь, я чувствую людей.

— Да нет, он о тебе хорошо говорил как-то. Мол, специалист, способный военный инженер...

— Может, мне показалось. Отец твой строгий, принципиальный. Старой такой закалки.

— Да, это так, — вздохнула Элен. — Но я его люблю, Тимур. Он живет для меня. Он маму очень любил. Мне, женщине, это дорого. Хочется, чтобы и меня так же любили.

— Я тебя люблю, — вполне искренне сказал Асланов. — Ты какая-то особенная. Ты... знаешь, ты несовременная! Ты, наверное, книжная, тургеневская...

Элен засмеялась, сморщила нос.

— Ага, тургеневская. Затащила мужика к себе в дом... Ой, отец с ума сойдет, если узнает... Ладно, милый, пошли завтракать. Чай вскипел.

Обнявшись, они шагнули в кухню, и в дверях Элен не выдержала, снова потянулась к Асланову с поцелуем, сама душа ее выдохнула признание:

— Тимурчик, милый! Я так тебя люблю! Мне так хорошо с тобой. Ты даже представить себе этого не можешь!

Они завтракали, наверное, единственные в городе — еще не было и пяти. Солнце едва-едва высунуло розовую свою макушку из-за дальних городских крыш, окрасило нехорошим, сукровичным каким-то цветом стены кухни, опущенное к столу лицо Элен. Она все прятала, отводила взгляд. Просила:

— Не смотри на меня так. Мне стыдно, Тимур.

«Лапушка, да она — сама невинность, — улыбался он своим размягченным мыслям. — Трудно поверить, что в наше время есть еще такие женщины».

Она проводила его до порога квартиры, подала фуражку.

Через день они встретились вновь. Начались в тайне от полковника Рябоконя свидания в девятиметровке Асланова, в кафе и кинотеатрах, на загородной базе отдыха, куда Элен покупала двухдневные путевки и говорила отцу, что едет отдыхать с подругами. Одна медовая неделя сменяла другую...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Деньги кончились, и Асланов затосковал. Опять пришлось переходить на домашнее питание — супы из пакетиков, каши, картошка. О ресторане и кафе и думать было нечего. Какие там рестораны! Начфин института в прошлую получку высчитал сразу за два месяца по исполнительному листу. А там еще квартплата, долг Раисе Петровне, оплата счетов в химчистке, штраф за утерянную в библиотеке книгу... Короче, настроение Асланова совсем не соответствовало тому солнечному яркому маю,

который затопил Город-на-Дону теплом, зеленью, благоуханием цветущей сирени. А женщины — ах, эти женщины! — блаженствуя, наслаждались жизнью, возможностью носить на себе как можно меньше одежд, желанием показать себя, привлечь внимание. Со службы Асланов возвращался обычно пешком, не спеша, шагая по проспекту. Торопиться ему было некуда, и он разглядывал женщин, многим приветливо улыбаясь, и они ответно улыбались ему, молодому и красивому офицеру. Он знал, что никакого труда не составило бы для него подойти почти к любой из них, завязать разговор. Но он не мог себе этого позволить. Женщине скоро наскучат разговоры, она захочет пойти с ним в кино, в театр или кафе, нужны деньги. А деньги у Асланова кончились. Он отказался даже от встреч с Еленой Рябоконь, сказав ей, что нездоров, устал, что собирается в командировку...

— Ты любишь меня, Тимур? — спросила она его однажды, прервав скучные объяснения.

Он горячо заверил ее, что очень любит ее, но в самом деле нездоров и действительно собирается в командировку. Как только вернется, сразу же позвонит.

По вечерам в своей девятиметровке Асланов варил из консервов суп, ел его, морщась, размышляя — что же делать со своим бюджетом? Ведь так жить невмоготу. Но от уплаты алиментов ему не отказаться, квартиру тоже надо оплачивать, иначе выселят, без пищи также не проживешь... А тут еще партвзносы. Вступил в свое время в партию, думал, это навечно, навсегда, а нынче... Времена изменились, пошел разброд и шатание в партии, появились всякие статейки в печати о том, что офицер может и должен быть вне партии. На статейки эти клюнул один из офицеров института, вышел из партии, и теперь на него смотрят как на белую ворону... Идет по институту слушок: долго этот офицер здесь служить не будет, генерал Торопов добьется его перевода. Все ж таки оборонное учреждение требует от офицеров моральной чистоты; а она прежде всего связывается с партийностью. Вышел из партии — значит, изменил идеалам.

Асланов жадно прислушивался ко всем этим разговорам в институте, внешне держал нейтралитет. Мало ли как еще повернется жизнь! В нашей стране всякое бывало. Сегодня хулят коммунистов, а завтра коммунисты... Идея департизации армии носилась в воздухе, и Асланов ждал часа, когда он положит на стол секретаря парторганизации свой партбилет, аккуратно и педантично каждый месяц лишавший его сначала трех, а потом двух процентов заработанных денег?! Но опасался сделать решительный жест. Черт его знает, что будет завтра, ведь идеи социального равноправия очень живучи, за семьдесят три года Советской власти они пропитали все общество, да и не так уж плохо, положа руку на сердце, жилось при коммунистах. Построена великая держава, имеющая могучий творческий потенциал и первоклассно оснащенную и обученную армию. Этого не сбросишь со счетов, все это прекрасно понимают...

Оставаясь внешне спокойным, дисциплинированно выполняя приказания начальства, продолжая свою научную работу, Асланов метался в душе между полюсами неясного будущего: выходить из партии — не выходить? Бросишь партбилет — могут выжить из института. Оставаться в КПСС — завтра реформаторы расценят этот факт как сочувствие коммунистам, приверженность их идеалам. Что же ты, скажут, майор, не помогал нашей демократической революции, не участвовал в борьбе? Надеялся, что победит КПСС? Поддерживал ее материально, взносы платил.

Если победят реформаторы, ему, Асланову, наверное, не поверят: все ж таки *своих* людей они знают. Те сейчас кричат, на митингах выступают, предлагают КПСС от власти отстранить, привлечь к суду и прочее. А он отмалчивается, выжидает. Вроде бы и с теми, и с теми... Да, придут демократы к власти, выгонят его из института, это как пить дать.

Черт бы их всех побрал: красных, белых, синих, зеленых, в клеточку и в горошек! Не хочет он знаться ни с коммунистами, ни с демократами. А хочет потихоньку сидеть за своим рабочим столом, получать за это хорошие деньги и жить. Просто жить!

...Суп он пересолил и с матерком выплеснул его в туалет. Настроение было окончательно испорчено. Хотелось есть, но затевать снова какое-то варево... да пропади оно пропадом!

Пожевав завалявшийся в столе черствый пирожок, Асланов бухнулся на диван, стал смотреть телевизор. Какая-то крашеная девица вещала с экрана:

— Если вы талантливы, молоды и здоровы, приходите в нашу фирму! Ваш труд будет по достоинству оценен. Мы ждем вас!

«Я молод, здоров и талантлив, — раздраженно думал

Асланов. — И я должен получать за свой труд хорошие, большие деньги. Это мое право. Я его заработал многолетней, «верноподданнической» службой армии и народу. Но все это оказалось блефом. Я получал и получаю лишь часть того, что заработал, все остальное идет в так называемые общественные фонды. А на кой хрен они мне нужны, эти общественные фонды? Кого-то содержать, кого-то лечить, кому-то помогать ездить на курорты и в дома отдыха. А кто думает и заботится обо мне? Да, я должен платить алименты, это мои дети, но разве государство не могло бы взять на себя половину моих расходов? Государство ведь не подумало о том, как жить мне, молодому офицеру, на те крохи, которые остаются? Я что теперь — неполноценный член общества? Преступник?»

Асланов вскочил, принялся ходить по своей девятиметровке из угла в угол.

Ладно, думал он, все эти мысли — слабых, безвольных людей. Я живу теперь в другое время, в другой стране. Рынок так рынок. Я должен сам о себе побеспокоиться. Я имею право на собственный интеллект. Я могу продать свой труд...

Он остановился, повторил вслух: «Продать! Имею право!»

Постоял посреди комнаты, освещенной торшером у дивана, чувствуя, как крепнет, твердеет в нем эта мысль.

— Да, имею право, — повторил еще раз, как бы отрезая этим отступление, разброд в мыслях.

Асланов понял, что принял решение. и заметно успокоился. Да, он имеет такое право, и у него нет иной возможности поправить свое финансовое положение. Жениться на Елене Рябоконь? Выход, разумеется, и, может быть, он на ней и женится. Но идти в услужение к полковнику Рябоконю? Быть в его подчинении и дома, и на службе? Жить спутанным по рукам и ногам?!

«Я поеду в Москву, найду там нужных людей, потолкую с ними, — решил Асланов. — Рискованно? Конечно. Но в нынешней неразберихе, глядишь, никто особенно не будет приглядываться к какому-то там офицеришке-майору. Вон, те же новоявленные бизнесмены под шумок набили себе кошельки миллионами! И теперь они — советские миллионеры. Откуда у них деньги? Ясно же откуда, читали: купил что-то за рубль, продал за десять». А он спекулировать ничем не будет. Он выгодно продаст свой собственный труд. Кто его за это осудит? Нет, осудить-то, разумеется, осудят и даже посадят, он это прекрасно понимает, но надо сделать так, чтобы никто ничего не узнал. Что у него, головы, что ли, на плечах нет?!

Повеселев, Асланов снова улегся на диван, однако смотреть телевизор расхотелось.

— Позвоню-ка я Михал Михалычу! — произнес он энергично, чувствуя неожиданный прилив сил. — Давненько что-то я не слышал его голоса.

Нацепив на ноги тапочки, он спустился в лифте вниз, в вестибюль своего дома, к телефону-автомату и набрал знакомый номер.

* * *

Михаил Михайлович, легонько пожурив своего сотрудника за прогулы, сообщил радостную новость: во-первых, ставка донорам увеличена, а, во-вторых, как и по всей стране, в кооперативе введена денежная компенсация на продовольствие, шестьдесят рублей. Главврач сказал также, что некая Стелла Григорьевна давно уже ждет его визита, подошла наконец и ее очередь, а Тимур Асланович, как назло, пропал — не звонит и не приходит.

— В командировках был, Михал Михалыч! — бодро доложил Асланов. — Раза три. То в одну сторону пошлют, то в другую. Весь Союз объездил.

— Как там жизнь, в этих сторонах? — вежливо поинтересовался Михаил Михайлович.

— Примерно такая же, как и у нас с вами. Всем все надоело.

— М-да-а... Но мы с вами думаем о будущем, Тимур Асланович. Дети должны рождаться, несмотря ни на какие государственные катаклизмы.

— Согласен.

Михаил Михайлович назвал адрес Стеллы Григорьевны, сказал, что она сейчас дома, и если Тимур Асланович свободен...

— Я свободен, еду, — четко ответил Асланов и положил трубку.

...Примерно час спустя он звонил в широкую, обитую черным дерматином дверь и, ожидая, гадал: кто, какая женщина ее откроет? Им, как и при посещении Катрин, владело сейчас легкое, игривое настроение. Предстоял, надо думать, хороший ужин, приятная беседа с интеллигентной образованной женщиной (так во всяком случае

отрекомендовал Стеллу Григорьевну доброжелательный Михаил Михайлович), пышная постель...

Его, видно, рассматривали в глазок, Асланов чувствовал за дверью человека. Потом дверь приоткрылась, и женское, в очках, лицо, перечеркнутое надетой цепочкой, спросило:

— Вам кого?

— Слесаря вызывали? — рубанул он и сделал при этом идиотские глаза.

— Нет! Не вызывала! — сердито сказало лицо, и дверь с треском захлопнулась.

«Ну и мымра, — отметил себе Асланов. — Приснится — с дивана упадешь... Но, может, все остальное у нее соответствует? Бывает же: женщина со спины точно игрушечка — и ножки точеные, и бедра, словно скульптор их вылепил, и талия — ну точно кувшинчик, а глянешь спереди — бог ты мой, кому досталось...»

Он снова позвонил, сказал на этот раз вежливо, что он — от Михаила Михайловича, и женщина с недовольным видом раскрыла дверь.

— Ну и шуточки у вас, молодой человек! — сделала она ему строгое замечание. — Проходите.

Асланов вошел в ярко освещенную, оклеенную красивыми обоями прихожую, с интересом смотрел на женщину, а она смотрела на него. Женщина была в годах, худа и некрасива; большие толстые очки на горбоносом лице придавали тяжесть во взгляде, холодность. Тонкие ее блеклые губы были поджаты, они заметно сковывали все лицо. Казалось, что она совсем не умеет улыбаться, ей это ни к чему. Бросилась в глаза и худая тонкая шея, она торчала из воротника халата обструганным столбом. И фигура вся была какая-то плоская, почти без бедер.

«Балерина она, что ли? — невольно подумалось Асланову. — Они все такие тощие».

Женщина некоторое время смотрела на него изучающе, настороженно, потом что-то переломила в себе, протянула руку:

— Стелла.

Улыбка преобразила ее лицо, зубы у женщины оказались великолепными, белыми и в меру крупными, таким зубам явно можно было позавидовать.

Асланов коротко, мотнув подбородком, представился, и это рассмешило Стеллу Григорьевну. Она радушно предложила ему войти в комнату.

— Знаете, я подумал, что вы балерина, — сказал он, усаживаясь в кресло. — По всем данным.

Она снова рассмеялась.

— Что вы говорите?! Никогда даже в мыслях этого не было. Но балет, как таковой, я люблю. Хожу на все спектакли в наш музыкальный театр, знаю о премьерах, артистов знаю...

Пока Стелла Григорьевна рассказывала о своем увлечении искусством, Асланов вежливо кивал, делая вид, что очень внимательно слушает, потихоньку разглядывал квартиру. Одну стену в ней занимали полки с книгами, в углу светился телевизор, а рядом с ним теснились два кресла и журнальный столик между ними. Постель была разобрана, видно, хозяйка квартиры отдыхала, что-то читала. Впрочем, Стелла Григорьевна в мгновение ока убрала постель, извинившись при этом, как водится, за беспорядок.

— Значит, вы говорите, что и в мыслях работу в балете не держали? — переспросил он, закинув ногу на ногу, листая первопопавший в руки журнал.

— Да-а, — певуче отвечала Стелла Григорьевна. — Какой там балет! Всю жизнь на заводе технологом. Среди железок. Так-то вот, Тимур Асланович. Вы... разочарованы?

— Нет, что вы!.. Это, в общем-то, не имеет значения.

Асланов задержал взгляд на худом, остром колене женщины, и она, покраснев, поспешно запахнулась полами халата.

— Ну и... что мы будем делать? — спросила она с трудом, опустив глаза. — Мы же видим друг друга в первый раз.

— Я думаю, что сейчас нам лучше поужинать.

— Вот как?! Это... разве входит в ритуал? Меня не предупреждали об этом.

— Стелла Григорьевна, вы производите впечатление...

— Ах да, простите! Я все поняла.

Она упорхнула в кухню, загремела там посудой, хлопала дверцей холодильника, а Асланов без особого интереса просматривал газеты.

«Кости да кожа, — тягостно думал он. — Подбросил же мне Михал Михалыч экземпляр, нечего сказать. Она потому и не замужем. Кто на такую позарится? К тому же жлобиха. «Это разве входит в ритуал?» — мысленно передразнил он. — Да к тебе мужик пришел, красавец,

а ты еще про какой-то паршивый ужин спрашиваешь. Вот натура! Раз заплатила — значит, приходи и вали ее на диван. Такое тонкое дело, а она про «ритуал».

Но больше распалять себя Асланов не стал. Ему хотелось есть, и он терпеливо дожидался ужина.

Стелла Григорьевна скоро поставила на стол довольно скудную, наспех собранную еду: порезанный, видно, раньше и подсохший уже сыр, несколько ломтиков дешевой колбасы, простенький салат из квашеной капусты, чай и булки. Потом принесла масло на красивом блюдце и розетку с вареньем.

— Пить ведь нельзя, Тимур Асланович, — сказала она тихим, извиняющимся голосом. — Меня Михаил Михайлович предупреждал. Последствия могут быть...

— Да никаких последствий не будет, Стелла Григорьевна, что вы! — стол Асланову совершенно не нравился. Тут, что называется, на один зуб положить нечего, а она еще и чарку не поставила. Ладно, мымра, погоди.

Он хлебнул чая, пожевал несвежего сыра, проглотил ложку варенья. Поморщился.

— Сами варим?

— Что?

— Варенье.

— Да. Это еще осеннее, смородиновое.

— Я понимаю... Солоновато что-то.

— Варенье? Соленое?! Не может этого быть!

Стелла Григорьевна в ужасе схватилась за ложку, стала одну за другой глотать, пробовать, а Асланов со страдальческим лицом смотрел на ее «героические» действия, сочувствовал всем своим видом.

— Вы шутите, Тимур Асланович, — сказала женщина неуверенно. — Может, вам ложка такая попалась... может... Я даже не знаю, что и думать.

— Ничего я не шучу, Бог с вами, Стелла! У нас, видимо, разные вкусовые восприятия. Вы воспринимаете соленое как сладкое, я наоборот. Впрочем, это тоже к делу не относится. Давайте перейдем.

— К-куда? На диван? Так сразу? Не поговорив, не узнав друг друга?!

— Вы какие-то пошлые вещи говорите, Стелла. Я о диване как раз и не думал. Перейти к делу — это и есть беседа, знакомство друг с другом. Я ведь тоже живой человек, а не кукла с пружиной. Завел и поехали.

— Да нет, и вовсе не... Извините. — Стелла Григорьевна готова была от стыда провалиться сквозь пол. — Михаил Михайлович предупредил, что вы воспитанный и образованный, даже милый человек, что с вами легко общаться... Вы простите, я просто растерялась... Я вообще не знаю, как себя надо вести с мужчинами. Тем более в такой пикантной ситуации. Помогите мне, пожалуйста, Тимур!

— Что ж, — профессорским тоном сказал Асланов. — В таком случае представим, что мы — муж и жена. Так будет легче. И для начала мы снимем ваш халат. А потом вы стянете с меня брюки и все остальное. Представим семейную сцену: муж загулял, пришел поздно и не в состоянии сам раздеться. А жена его ждет не дождется.

Стелла Григорьевна замялась.

— Может... потушить свет, Тимур Асланович?

— Нет, зачем же! Муж и жена друг друга не стесняются. Они прожили вместе много лет, видели один другого во всяких одеждах и без оных, так что условности ни к чему.

Женщина охватила пылающее лицо ладонями, а Асланов едва сдерживал себя, чтобы не расхохотаться, — ну и физиономия у этой мымры!

— Простите, Тимур... но мне так стыдно! Ужасно стыдно! Может, все-таки выключим свет? И вообще... продолжим нашу беседу на диване?

— Давайте продолжим на диване. Но все равно вам придется выполнить роль жены, Стелла Григорьевна. И жены, соскучившейся по мужу, давно его не видевшей, я бы даже сказал, изголодавшейся. Вы меня понимаете?

— Да-да, понимаю, — погасшим эхом отозвалась она. — И роль свою понимаю, и что я должна делать... тоже понимаю. Так вы говорите, Тимур Асланович, что вы — вроде бы как мой муж, а я...

— Да-да, именно так! Смелее, Стелла! Мужчине тоже очень приятно, когда его раздевают и ласкают.

— ...А я ваша жена, — продолжала Стелла Григорьевна заметно изменившимся тоном. — Вы пришли поздно, в нетрезвом виде и, возможно, от другой женщины. Так?

— Вполне возможно! Чего в семейной жизни не бывает!

— В таком случае я поступлю следующим образом.

Неожиданно размахнувшись, Стелла Григорьевна залепила Асланову звонкую пощечину.

Асланов, вскрикнув, вскочил, заорал дурным голосом:

— Что-о? С ума сошла? На кого руку поднимаешь? Я тебя спрашиваю, старая дура! Шлюха!

— Это ты потаскун! Ходишь по квартирам, продаешься. Вон!

Асланов, грудь которого ходила ходуном, а щека горела огнем, сжал кулаки, замахнулся.

— Попробуй тронь! — бесстрашно шагнула к нему женщина. — Соседей позову, в милицию позвоню. Вот он, телефон. Иди вон, я сказала!

Асланов рывком повернулся, выскочил в прихожую, никак не мог попасть ногами в туфли. Вышел, со всей силой хлопнув дверью.

— Стерва! — уже на лестничной площадке сказал он во весь голос. — Дура. И взялась же откуда-то на мою голову. Другие бабы как бабы, им не до балета, ребенка бы родить, а эта с выкрутасами. Технолог! Тьфу!

Он сбежал по лестнице вниз, постоял в подъезде, отдышался — сердце так и молотило в груди. Кажется, с кооперативом Михаила Михайловича было покончено. Пошел он со своими Стеллами и Марусями, пусть от других рожают. Бр-р-р-р-р... Хватит с него.

Асланов передернул плечами, сплюнул — был он в эти минуты омерзителен сам себе. Никогда раньше такого чувства он не испытывал.

...Побродив по вечернему городу, окончательно остыв и даже развеселившись от пережитого — надо же, в какой переплет попал! — он отправился к Раисе Петровне — занимать деньги.

Она, как и в прошлый раз, встретила его упреками и нервной сценой, но он молчком прижал ее к себе, поцеловал, и женщина стихла. Тем не менее смотрела на него настороженно, даже подозрительно, опять потребовала пройти полную дезактивацию — принять ванну. А потом они мирно пили чай и разговаривали о том о сем. Асланов привыкал к обновке: Раиса Петровна подарила ему шикарный домашний халат, любовалась им, а Асланов чувствовал себя в таком одеянии вполне уютно.

— Я тебе тоже что-нибудь подарю, Раечка, — пообещал он. — Получу вот премию... Нам начальство обещало, мы там одну штуку придумали. Все очень довольны. И в Москве тоже.

— Молодец, Тимурчик, — она гладила его голое колено. — Я рада за тебя.

Она говорила что-то еще, рассказывала какую-то потешную историю про своего начальника, подполковника Руженова, а он слушал ее и не слушал. Мысли Асланова были заняты другим. Он прикидывал, что, когда у него будет много денег, он купит Раисе Петровне что-нибудь дорогое, дефицитное, чтобы она была рада и не так сильно переживала их разрыв. Он скоро скажет ей об этом. Может быть, это последняя их встреча.

Эх, повезло бы в столице!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Командировка в Москву обещала Асланову быть необременительной: предстояло встретиться с заказчиками, подписать бланки договоров на второе полугодие, передать документы в министерство.

В гостинице он получил на шестом этаже комнату без удобств. У стойки администратора толпились в основном старшие офицеры, поэтому просить комфортабельный номер Асланов не отважился — все равно бы не дали.

Он не стал дожидаться лифта, пешком поднялся по красным ковровым дорожкам лестницы и вошел в свой номер. Весело оглядел обшарпанные стол и стулья, покосившийся от давности платяной шкаф. Ничего! Главное — он в Москве, имеет над головой крышу и полную свободу действий по личному усмотрению.

Заперев дверь, он разделся, принял душ и лег на кровать поверх шелковистого покрывала, блаженствуя после душных московских улиц. Лето выдалось необычайно знойным, ртутные столбики термометров маячили у цифры 40, даже утром нечем было дышать. Москвичи изнывали от жары, спасаясь в метро да у автоматов с прохладительными напитками. Однако меньше чем за гривенник напиться было нельзя. Обстоятельство это имело прямое отношение к бюджету Асланова, ибо на трое суток командировки начфин института выдал всего семьдесят рублей. Попробуй с этими деньгами проживи в Москве! Нищета, да и только. Хоть садись с фуражкой в подземном переходе какого-нибудь метро.

Отдохнув, Асланов оделся и вышел из гостиницы.

На площади Восстания он спросил у одного из прохожих, где улица Чайковского?

Перейдя площадь, он скоро увидел на высоком здании

звездно-полосатое полотнище американского флага, и сердце его взволнованно забилось. Вот наконец-то дом, к которому он стремился!

Асланов с равнодушным видом прошелся по улице туда-сюда, разглядывая и запоминая все, что попадалось на глаза: балконы и высокие двери здания, решетки на первом этаже, затянутые стальной паутиной окна, потрепанный ветрами и дождями звездно-полосатый флаг, милицейские посты...

Асланов понимал, что он, офицер, рано или поздно привлечет к себе внимание, если будет стоять столбом у здания посольства. Лучше бы, конечно, прийти сюда в цивильной одежде, постоять в очереди, послушать, о чем говорят люди. А сейчас не ровен час набредет сюда патруль, поинтересуется, что он тут делает?

Нет-нет, надо сделать вид, что американское посольство его совершенно не интересует, что он здесь, у здания, оказался случайно.

Асланов двинулся за угол дома, прошел по какому-то переулку, поглядывая на здание посольства, размышляя, нельзя ли приблизиться к нему с другой стороны? Наверно, об этом подумали и до него: между зданием посольства и соседним жилым домом угнездилась массивная милицейская будка, у которой стояли и беседовали два дюжих милицейских офицера, а поверху, над крышей будки, была натянута проволока. С этой стороны здания, у окованной, распахнутой двери изнывала небольшая очередь — люди, как показалось Асланову, еврейской национальности.

В тени разлапистого пыльного тополя Асланов рассеянно наблюдал за жизнью Садового кольца. Многорядно мчались бесконечные потоки машин, окна домов на той стороне улицы матово и сонно отсвечивали, плавились от жары, а здесь, в тени тополя, было прохладнее, дышалось легче.

— Анкета нужна, майор? — услышал вдруг Асланов чей-то ровный молодой голос и обернулся. На него спокойно, оценивающе смотрел парень.

— Анкета на выезд, — пояснил он, поймав недоуменный взгляд Асланова.

Асланов вежливо улыбнулся.

— Это что — дефицит?

— Ну... попробуй достань.

— Нет-нет, ничего не нужно, — ответил Асланов и, докурив сигарету, неторопливо пошел прочь, сразу же решив, что это парень с Лубянки: отчего это он подошел именно к нему и предложил анкету? Чем он, Асланов, привлек его внимание? Какой дал повод?

Покружив по переулку, Асланов остановился напротив главных въездных ворот посольства. Жизнь тут била ключом: через каждые две-три минуты в эти ворота кто-нибудь въезжал или выезжал. Ворота были тяжелые, литые, но довольно легко и охотно ползали туда-сюда по направляющему рельсу, подчиняясь воле двух сидящих в будке милиционеров. Наверно, они хорошо знали сотрудников посольства в лицо, ибо многих пропускали, не спрашивая документов. Лишь однажды, примерно за полчаса осторожного наблюдения Асланов заметил, что старший лейтенант милиции вышел из будки и посмотрел у подъехавшего на темно-синем «вольво» господина какие-то бумаги.

«Выход у меня один, — думал Асланов. — Или подойти к кому-нибудь из сотрудников посольства, сидящих в машине, или позвонить. Но как узнать номер телефона, у кого спросить?»

Он снова спустился по переулку, постоял на перекрестке. Здесь, у светофора, останавливаются практически все автомобили, выезжающие из ворот посольства. Значит, обратиться к человеку из неприступной этой крепости шанс все-таки есть, но нужно хотя бы внешне, визуально, на свой страх и риск, попытаться разобраться, кто есть кто, попросить содействия, помощи.

Мысленно Асланов выбрал укромное местечко за отелем «Мир» и попытался представить, как может выглядеть его обращение к какому-нибудь дипломату, остановившемуся на перекрестке у светофора. Допустим, он, Асланов, подойдет к машине, попросит человека, сидящего за рулем, об услуге — познакомьте, мол, меня, господин хороший, с кем-нибудь из специалистов вашего посольства, интересующихся советскими радиолокационными станциями...

Глупо. И опасно. Этот «господин хороший» возьмет да и скажет тем парням в милицейской будке у ворот посольства: дескать, чего это пристает к честным людям вон тот ваш офицеришка с провокационными предложениями. Вы бы поинтересовались...

Нет, так действовать в самом деле нельзя, нечего даже пытаться. Надо поменять тактику и поскорее уматывать отсюда, хватит мозолить глаза. Чекисты где-нибудь рядом, не может быть, чтобы люди с Лубянки не интересовались, кто бродит возле американского посольства...

Асланов походил еще вверх-вниз по Девятинскому переулку, с новым интересом приглядываясь к машинам с дипломатическими номерами. Кто же, черт возьми, ездит в этих машинах? И не может быть, чтобы никто из владельцев этих машин не интересовался новой советской радиолокационной станцией, работающей против «Стелса»! Есть такие люди, он в этом уверен. Их просто нужно найти!

Придется все же рисковать, искать какие-то другие контакты.

Вот белый шикарный «мерседес», рядом — «тойота», мышисто-серого благородного цвета, новенькая, ухоженная. На этих машинах ездят, конечно, респектабельные, деловые люди. Но чем они занимаются здесь, в России? Как узнаешь?

У «тойоты» приоткрыты стекла дверей, на переднем сиденье, справа, стоит кофр. Значит, хозяин машины ушел ненадолго, скоро вернется. И не специально ли оставил в машине полуоткрытые стекла? Кто знает!

Ах черт, снова пересохло в горле, и руки отчего-то сделались влажными. Никогда такого лета в Москве не было, а, может, и было, но он, Асланов, не знает об этом. В столице он не жил, бывал лишь наездами. Форменная рубашка прилипла к шее, к плечам, фуражка раскаленной сковородкой давит на виски. Как было бы хорошо в какой-нибудь тенниске-безрукавке, в легких белых брюках, а не в этих суконных зеленых трубах — температура в штанах, наверное, за пятьдесят. И попить бы сейчас прохладного «Пепси», а лучше, пожалуй, пива. Мечты!..

Да, стекла приспущены у «тойоты» не случайно. «Тойота» — как почтовый ящик. Напиши записку и бросай.

Нет, лучше позвонить. Но как узнать номер нужного ему телефона?

Асланов постоял под липой, покурил, делая вид, что ожидает троллейбус. Кажется, никто не обращал на него внимания, да так оно и было. Парень с анкетами куда-то исчез.

Рядом топтался какой-то неказистого вида, в потрепанном пиджаке мужичок, курил, поглядывая на Асланова.

Мужичку этому явно некуда было девать время, он искал собеседника. Обратился к Асланову, жалуясь на судьбу:

— С утра тут маюсь. Сказали — жди. А чего ждать, кого...

Мужичок стал рассказывать: собрался в Америку, крепко его обидели в родном совхозе директор и главный механик, беги хоть на край света. Вот он и решился.

«Врет, что ли? — вяло думал Асланов. — Из совхоза бежать... Хотя, черт его знает, может, и правду говорит».

— Но все-таки, кого ждешь-то? — нейтрально спросил Асланов.

— Дак вот телефон дали, — мужичок протянул ему какую-то бумагу. — Стало быть, вызов на беседу в совхоз прислали. Я и приехал. А что? Ты думаешь, не смогу в Америке, да? — задиристо спросил он. — Небось такие же трактора да машины, как и у нас. Токо издеваться не будут.

— Ну, а говорить-то ты там как собираешься? — усмехнулся Асланов. — На каком языке?

— Да я кой-чего подучил, — мужичок вдруг расцвел и выхватил из кармана пиджака русско-английский разговорник и с трудом, косноязычно, проговорил несколько фраз.

Асланов необидно рассмеялся.

— Ну, с таким языком ты далеко не уедешь, — сказал он, еще раз глянув на номер телефона. — На курсы бы, что ли, пошел.

— Да какие в нашей Боровлянке курсы, что ты! — махнул мужичок рукой. — Учителка по английскому мне помогла, а потом я этот разговорник купил в киоске... Нет, уеду, уеду! Житья от Аронова не стало. Чего ни сделаешь — все не так, все не эдак! Хоть плачь, хоть в петлю лезь!.. Умный, конешно, Аронов-то, образованный, мне с ним чижало тягаться.

— Ну и бежать тоже не выход, — сказал Асланов и пошел восвояси, повторяя в уме номер. Потом остановился у телефона-автомата и набрал нужные цифры.

— Это посольство?

— Да, посольство, — ответили ему на том конце провода, и Асланов положил трубку. Кажется, ему повезло.

Он перешел Садовое кольцо, скоро очутился на улице Качалова и, выбрав стоявшую в глубине квартала телефонную будку, снова позвонил:

— Алло, вы не могли бы мне напомнить номер теле-

фона вашего посольства... Понимаете, я потерял записную книжку...

— Какие у вас проблемы? — с Аслановым говорили на довольно приличном русском языке.

Асланов, поддавшись доверительности голоса, решил идти напрямую.

— Понимаете... Мне нужно поговорить с вашим представителем. Я советский офицер. Специалист по радиолокационным станциям. Помогите мне!..

В трубке помолчали.

— Вы хотите что-то нам предлагать?

— Да.

— Хорошо, я вас понял. Позвоните вот по этому номеру. — И человек назвал цифры.

— Кого спросить?

— Никого не надо спрашивать. Скажите то, что вы имеете сказать.

И трубка запикала...

Асланов тут же, в будке, записал на газете номер и пошел прочь. Решил, что позвонит из другого автомата. Долго бродил по каким-то переулкам, пересекал дворы, пока наконец не нашел то, что искал: телефон стоял особняком у какого-то трехэтажного старого дома, где, судя по всему, шел ремонт. Лучшего места, пожалуй, не найти.

Плотно прикрыв дверцу, Асланов стал крутить диск.

— Алло!.. Посольство Соединенных Штатов?.. Мне дали ваш номер, прошу меня выслушать!

— Кто дал? — уточнил спокойный голос.

— Ну... Я сначала обращался вот по этому номеру... Мне назвали ваш.

— О'кей! Слушаю вас. Говорите. Только не очень быстро. Я чувствую, вы волнуетесь?

— Да, есть немного, правильно. В общем, так...

И Асланов четко сказал, что он научный сотрудник одного из военных НИИ Города-на-Дону, в Москве в командировке, хотел бы встретиться с американскими специалистами, интересующимися радиолокационными станциями.

— Это имеет отношение к вашему «Стелсу»! — прибавил Асланов, не зная, как называть своего незримого собеседника: то ли господин, то ли «мистер». Черт его знает!

— Назовите вашу фамилию и звание, — вежливо попросила трубка.

Асланов назвал. А трубку тут же положили.

«Что за черт? — думал озадаченный Асланов, вышагивая теперь по шумной улице Воровского. — Не иначе, за провокатора меня приняли. Главное, все выспросил и трубку кинул. Козел! Мог бы и сказать что-нибудь. Ладно».

Он скоро нашел еще один, не бросающийся в глаза телефон-автомат, снова набрал знакомый номер, и тот же голос ответил ему:

— Слушаю вас. Говорите.

— Але!.. У нас разговор как-то закончился странно. Вы меня узнали?

— Да, я вас хорошо узнал, — сказал вежливый голос. — И мы с вами поговорили.

— Да, но... Вы ничего не ответили.

— Все, что вы сказали, я записал. Вот, пожалуйста: майор Асланов, научный сотрудник военного НИИ в Городе-на-Дону. Так?

— Так.

— Ну и все остальное записано, не волнуйтесь. Больше вам помочь ничем не могу. До свидания.

В трубке опять мерзко запикало, Асланов с сердцем дунул в нее, с грохотом повесил на рычаг, вышел из будки. Разговор этот представлялся ему совсем не таким. Ясно, что его приняли или за провокатора, или за придурка-шутника. Узнал откуда-то номер телефона, позвонил...

М-да. Не так, видно, надо действовать. Но как?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поездка в Москву не принесла Асланову удовлетворения, томила неопределенностью. Что будет дальше? И стоило ли предпринимать этот вояж? Прошло две недели, но никаких известий не было, да и будут ли они? Может, и хорошо, что не будут, — все забудется, уляжется само собой... Да, но зачем тогда было заваривать эту кашу? Ах черт, если была бы возможность как-нибудь по-другому решить его проблемы! Но как? Нужны деньги, деньги, деньги!

Наверное, американцам идея сотрудничества с военным специалистом по советским радиолокационным станциям «не показалась». А скорее всего ему просто не поверили. Но речь ведь идет о «Стелсе», самолете-невидимке. Зна-

ющие люди сразу бы определили, с кем имеют дело и что это за ценная, опасная для «Стелса» штука — приемно-передающее устройство для шумоподобных сигналов!

Зря он, пожалуй, заварил эту кашу. Надо было найти Вадима, дававшего объявление в газете, потолковать с ним с глазу на глаз, сказать все как есть. Мол, нуждаюсь в деньгах, технических идей полно, кое-что могу продать. Но Вадим сразу же сказал: с закрытыми предприятиями не связываюсь, с КГБ дело иметь не хочу. Коротко и ясно. Он и сам, Асланов, понимает что к чему: тематика по «Стелсу» закрытая, более того, секретная, шутить тут не стоит. Или — или. Или честно паши, делай то, что от тебя требует Рябоконь, или...

Запявшись работой в отделе, Асланов не мог все же освободиться от терзающих душу мыслей, снова и снова анализировал свое поведение в Москве, находил, что сделал все правильно, никто его не мог видеть и тем более сфотографировать.

...Шла третья неделя после возвращения Асланова из Москвы, никаких звонков не раздавалось, и майор стал мало-помалу успокаиваться, решив, что его никто уже не потревожит. Пожалуй, это и к лучшему. Надо забыть обо всем — о самой поездке, о том страшном риске, которому он себя подвергал, о бессонных ночах. Да, он рискнул. Не получилось из этой затеи ничего, ну и ладно. Надо дальше жить и думать. Деньги все равно нужны. И надо их раздобыть...

— Асланов! К телефону!

В раскрытой двери лаборатории стоял подполковник Калинников и нетерпеливо махал рукой.

Асланов взял трубку и весь превратился в напряженный слух. Звонил Вадим.

(Продолжение следует)

Евгений ЮШИН

ПАДЕВЫЙ МЕД

ПИСЬМО К ДРУГУ

Приветствую тебя, чубатый, рыжий!
Покинутость твоих осенних глаз
Теперь, быть может, горестней и тише,
Чем в брошенной избе иконостас.

Над Русью сумрак. От того и жмется
Слеза к щеке, что тысячи людей
Пришли с пустыми ведрами к колодцу,
А он отравлен мусором идей.

Ну, что же, в сумрак главное виднее.
Пора и нам с тобою порешить:
С душой ли чистой сделаться беднее
Или на деньги душу положить?

Наш лютый век похож на мясорубку,
Где все перемололи: тьму и свет.
Не годы жизнь слагают, но поступки.
Пора бы жить, не отмеряя лет.

Взгляни вокруг! Кто вырвался из плена?!
И кто ликует, рвет ошметки пут?..
А был бы кто-то счастлив переменам,
Когда бы знал, куда они ведут?

Пойдем, мой друг. О главном не забудем.
Все гуще сумрак липнет на окно.
А то, что предстоит изведать людям,
Познать пока не каждому дано.

* * *

Тает над городом пленка озонвая.
Сколько ж нам выпало годами мглистыми?

Все-то мы боремся с жидомасонами,
Антисемитами и сионистами.

Толпы змеятся в посольство с прошеньями:
Выехать тщатся, кудрями повитые.
Кто же их гонит?.. «Судьбы ли решения?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?»

Все-то мы боремся. Жить-то и некогда.
За топоры! И мощнее, чем за морем,
Избы поставим. Уехать нам некуда.
Сами себе мы рокфеллеры-хаммеры.

К делу! Речами мы сыты аж до носу.
Чувствую: мышцы теплом наливаются.
Поле накормит, коль низко поклонимся.
К легкому хлебу душа не потянется.

* * *

Анатолию Житному

По черному жиру земли,
По серому пороху праха
Горбатые судьбы прошли
Прожженною жизнью барака.

Томись, одинокая грусть!
Душа беспредельна, как Русь,
И, словно кобыла под плеткой,
Под водкой не чувствует груз.

Вонзая, как финки, глаза —
Затишье гитарой грызи,
Лечи себя хрипом и воем,
А иначе выжить — нельзя.

В утратах не видно ни зги.
Как трубы, дымятся мозги.
И сердце не кровью гудит,
А жидкою топью обид.

Все прожито, все не сберег:
И лес облученный оглох,
И высохло горло реки,
И выродились мужики.

Ах, люди!.. Что с вами стряслось?
Одна только жадность и злость.
Недаром в державе моей
Гниет на ветвях соловей.

Петля ослепленной луны
Цепляет в воде валуны.
И мимо обрыва — слепа —
Змеится удавкой тропа.

Убил красоту — не спастись.
Окстись, человече, окстись!
Пусть боль твое сердце сосет —
Она-то тебя и спасет.

* * *

Сухое небо пахнет глиной.
Гудит гончарный круг земли.
И в небо длинной пуповиной
Ночные тянутся огни.

Они, родившиеся криком,
Молитвой, вызревшей в крови,
К просторам вечным и великим
Восходят в поиске любви.

Мы все немножечко бродяги.
Дружище, расправляй крыла!
И на обочине оврага
За это выпьем из горла.

И как бы век наш окаянный
Ни каркал дымною трубой,
Мы влажной простынью тумана
Утремся поутру с тобой.

И, окунув лицо в ладони,
Закрыв глаза, увидим вдруг,
Как горячо целуют кони
Росою обожженный луг.

На даль родную ветром ляжем,
У звезд задумчивость украв.
И мир услышит души наши
Зелеными ушами трав.

* * *

Ветром неба, пучиной дна
Поднимается в путь волна,
И бежит она по воде,
Словно ноженьки по судьбе...

А вдали, где река слегка
Поворачивает бока,
Бездорожьем бредут они —
Моросящие сел огни.

— Чуть покачиваясь впотьмах
На горбатых волнах-холмах,
В диких росах сгорев по грудь,
Вы откуда вершите путь?

— Мы идем по земле своей
Из далеко-далеких дней,
Где под ветром ржаной луны
Волей вскормлены табуны.

Теплым медом густел очаг,
И от сока земли в садах
Рвались яблоки пополам,
Солнце таяло по холмам.

Но однажды ножом со дна,
Искривясь, поднялвсь волна,
И пошла она по воде,
Словно ноженьки по беде.

Сабли молний рубили даль,
И ложились сады под сталь,
И катился свинец громов,
И давил поселенья в кровь.

А потом и поля вокруг,
И лесов окоемный круг,
Вместе с церковью над горой
Затопило слепой водой.

...Под луною — озер следы.
Над луною — огни седы.
И плывут в небесах они —
Убиенных жилищ огни.

ПАДЕВЫЙ МЕД

Паленое облако сбросило шерсть,
Оплавились пламенем кроны окрест.
И дымом березы овеяли свет,
Как пачка раскуренных враз сигарет.

Вдохну этой осени падевый мед.
А солнце уходит и скоро зайдет,
И скоро молитву слепого грача
Прочту по копченым чешуйкам ручья.
А солнце заходит, и осень грядет.
Вдохну этой осени падеаый мед.
И помниться будут под ветреный свищ
Ночные личинки незрячих жилищ.
Уснула Россия...
на пашне, во мгле.
Останкино в кайфе сидит на игле.
И пухнет луна — одиночества прыщ.
Ночные личинки незрячих жилищ
Обрюзгли от пива, опухли от сна.
Но утро скользнет, словно в речке блесна,
Рассветится дедом сколоченный сруб.

Я время слизну с окровавленных губ,
Я свистну, и вспыхнет сибирская сталь,
И славой раскатится русская даль.

Вечернюю родину грабят ветра,
Но падевым медом живу до утра.

* * *

Горькая, молчаливая, милая сторона.
В розовой дрожи осени пухнут бока дорог.
Звезды грачами склеваны. Ссадиною — луна.
Плачет рябина пьяная ягодой на порог.

Бабка к углу прошаркала, скинула ватник с плеч,
Из пузырька запечного масло в лампаду льет:
«Все нас, касатик, бросили. Видишь вон — в крыше течь.
Как в городах деревня-то, ладно ль теперь живет?»

Не позабыть, не выстрадать, не уберечь в горсти
Эту в хвоинках, серую, теплую, словно пух,
Эту с цветами, птицами, реками сквозь мосты
Землю мою веселую, брошенную под плуг.

Перемешали с химией, перемололи с гайками,
Перепоили водкою, перетолкли в дыму...
Ладит икону строгую бабка бумажными маками.
«Бабка, кому ж ты молишься?» —
«Как же, милок, Ему».

* * *

В который раз сиротски взвыла степь
И ясноокий взгляд ее затмился.
Где ратаи твои?
Один — ослеп.
Другой — убит,
А тот, кто выжил, — спился.
Людской любовью я уже не тщусь.
Живая кровь поджаривает пятки.
Ужель опять с подбитым глазом Русь
Пойдет плясать с похмелья вприсядку?
И, подивившись горести своей,
Опамятовшись, вытрется слезами.
И вновь проснется в сердце соловей
Под синими туманами Рязани.
Так было...
И неужто в оный раз
Глухая мука боль земли задушит
И снова лишь разор, да мутный глаз
К раскаянью приветит наши души?
Веди меня, Всесветивя звезда!
Люби себя, окраинное поле!
Уж больно так, что я не чую боли
И только слышу: стонут провода.

* * *

Повыцвели глаза и брови,
Стекли морщины по щекам,
Уже осеннее здоровье
Щекочет кости мужика.

Не то узда упала в кадку,
Не то супонь оборвалась —
Идет мужик, грешно и сладко
На всю деревню матерясь.

Бурчит на курицу-дурнуху,
На остобрыдевшую муху,
Нахально севшую на лоб.
Себя по лбу с размаха — шлеп!

И я смеюсь,
И он хохочет,
Глаза повыцвели, но хочет
Душа и шуток, и любви,
И озорства еще в достатке,
Кричит кобыле:
«Все в порядке!
Ты только муху излови!»

И я смеюсь,
А он уж нижет
На вилы сено
И под нишу
Кладет кипучий, светлый стог,
Да так лелейно, словно это
Не стог, а песнь цветов и лета.
Я б так, наверное, не смог.

И где ж нам в мире суетливом
Понять под городской луной,
Что можно ссориться с крапивой
И обниматься с бузиной...

Гуляй, покуда ходят плечи,
Покуда ноги землю мнут,
Покуда сумерки овечья
Лучей выдерживают кнут,
Покуда хмурою волчицей
К дороге подползает лес
И звонко по зубам водица
Поет колодезную песнь.
...А синей осенью в окошко
Смотри, покуда не темно,
И солнце спелую морошку
Рассыплет на твое окно.

* * *

Пропахший подзаборным сором,
Латая глиной сапоги,
Никола все бредет по селам:
То пищи сыщет, то деньги.

Кому-то выложит лежанку,
Кому-то выправит порог:
«Плати, старуха, сколь не жалко.
Кто б, как не я, тебе помог?»

В кармане пыльном горсть окурков
Переберет — и дым трубой.
Вздохнет старуха: «Так придурком
Всю жизнь? А сам-то уж седой».

И поведет рукой по дому:
«А то — живи? Работы — воз».
Никола сплюнет на солому
И не ответит на расспрос.

Почешет ноготь о щетину,
И с мутной каплей на носу
Уйдет... свою судьбу-судьбину
Не променяв на колбасу.

* * *

Люди добрые, горожане, не у каждого из вас есть Родина
С розовым клевером сладким — до боли на краешке языка.
Пойдемте со мной. Не все еще продано
С молотка...
В зеленых, смиренных, поющих и чистых пролесках
Остался йодистый запах грибной, зверобойный и дикий,
С тягучей хвоинкой и нежным омшеловым блеском,
С упругим орешником, вереском и земляникой.
Там в каждом июне в дыму родников полнолунных
Сгорают медовые, острые осы созвездий,
И терпкие губы травы ненасытно и юно
Росу собирают — полночные слезы невесты.

А там, где есть Родина — вы понимаете, — в синем
Дальнем, речном, неоглядном, лесном окоеме,
С радугой и со слепыми дождями по глинам,
С гулким ворчащим огнем в незапамятном доме, —
Там, в безопрятном увиве дорог сиротливых
Около топкого пойма печали и боли,
В буйстве полночного ветра, в смирении ивы,
И начинается
Горькое русское поле.

Москва

СТАЛИН ВСЕ ЭТО ПРЕДВИДЕЛ

1952 год. Прошло семь лет после окончания жестокой и разрушительной войны, унесшей 27 миллионов жизней советских граждан. Западные эксперты предрекали, что СССР понадобятся десятки лет, чтобы восстановить разрушенное войной народное хозяйство. Но уже к 1950 году промышленный потенциал страны был в основном восстановлен. Экономика страны быстро и уверенно развивалась. Возрастал жизненный уровень людей. С 1948 года началось беспрецедентное по масштабам систематическое снижение розничных цен на все продовольственные и промышленные товары. Страна и народ уверенно глядели в будущее.

Грандиозные успехи, а иначе их не назовешь, свидетельствовали о том, что проводимая экономическая политика является правильной. Ее надо было осмыслить, закрепить и сделать доступной для понимания широких народных масс. С этой целью лично И. В. Сталиным было поручено Институту экономики АН СССР организовать работу по созданию учебника политической экономии социализма.

Учебник рождался в жарких дискуссиях. Выявилось, что ясного понимания сути экономических процессов, происходящих в стране, у многих ученых, даже в ранге академиков, нет. Над многими умами довлели схемы и штампы, почерпнутые в политэкономии капитализма, и они стремились приспособить их для объяснения социалистической экономики.

Подготовленный проект учебника и материалы дискуссии, связанной с ним, были представлены И. В. Сталину. Он внимательно ознакомился с документами и сделал развернутые замечания, которые и составили основное содержание его работы «Экономические проблемы социализма в СССР». Эта работа в значительной степени раскрывает теоретические основы эффективной экономической политики, проводимой под руководством И. В. Сталина. Из его замечаний становится ясно, что эта политика не была плодом случайной импровизации, а основывалась на твердом фундаменте марксистского учения. Но применительно к социализму Маркс, Энгельс, Ленин дали лишь исходные теоретические посылки, так сказать, компас, указывающий направление движения. Пройти же по нелегкому пути строительства социализма было историей предначертано советскому народу под руководством И. В. Сталина. Н надо отдать должное И. В. Сталину: он не позволил сбиться с пути.

В центре внимания работы И. В. Сталина — вопрос о характере экономических законов при социализме и прежде всего о законе стоимости и связанном с ним товарном производстве. Последнее не случайно. Вопрос о товарном производстве при социализме является тем самым главным вопросом, от решения которого зависит направленность экономической политики и характер решения всех частных вопросов хозяйственного строительства. И. В. Сталин в этом вопросе занимает отчетливую антитоварную позицию. «...Мы, марксисты, исходим из известного марксистского положения о том, что переход от социализма к коммунизму и коммунистический принцип распределения продуктов по потребностям исключают всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары, а вместе с тем и превращение их в стоимость».

Согласно теории марксизма развитие экономических отношений от товарных, рыночных к плановым есть однонаправленный исторический процесс. Когда государственная власть действует в его русле, она ускоряет экономическое развитие; когда действует против, «она терпит крах через известный промежуток времени» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 417). Процесс этот обуславливается развитием средств производства и прежде всего орудий труда. Чем более развиты они, тем менее приемлема рыночная, товарная форма экономической связи и настоятельнее необходимо планомерное ведение хозяйства. Таким образом, компас марксистской теории однозначно показывает направленность движения: от рыночных, товарных отношений к плановым. И. В. Сталин при решении хозяйственных вопросов ориентируется по этому компасу. Вместе с тем, умудренный прошлым опытом, И. В. Сталин не форсирует устранение товарных отношений. Попытка перескочить через этапы приводит к печальным последствиям. Поэтому И. В. Сталин решительно критикует как тех, кто считает, «что Советская власть «все может», что ей «все нипочем», что она может уничтожить законы науки, сформировать «новые законы», так и тех, кто заявляет, «что поскольку социалистическое общество не ликвидирует товарные формы производства, у нас должны быть якобы восстановлены все экономические категории, свойственные капитализму...».

Внимательно следя за динамикой развития производственных отношений, И. В. Сталин делает важное наблюдение: «Наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода...» Действительно, в производственных отношениях социализма, обслуживаемых учетными формами, позаимствованными в практике товарного хозяйства, происходили существенные изменения: формы наполнялись новым, нетоварным содержанием. И здесь бы сказать свое слово экономической науке: дать анализ, разработать новый категориальный аппарат. К сожалению, этого при жизни И. В. Сталина сделано не было.

После смерти И. В. Сталина в экономической науке развернулась острая борьба между теми, кто считал необходимым укреплять плановые начала в экономике («антитоварники»), и теми, кто намеревался восстановить товарные отношения («товарники»). Борьба эта имела свои истоки в «великом споре, — как назвал его К. Маркс, — между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предприятием, в чем заключается политическая экономия рабочего класса» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 9).

И. В. Сталин оставил крепкую и быстро развивающуюся экономику. Оценивая ее возможности в соревновании двух систем, западные эксперты в конце пятидесятых годов с тревогой отмечали: «Россия переживает чрезвычайно бурный экономический рост... Советская экономическая угроза велика и быстро нарастает» (Линдсей Ф.). «Советский экономический вызов реален и опасен, и об этом надо заявить прямо» (А. Ноув).

Первые чувствительные удары по эффективному хозяйственному механизму, созданному в годы сталинских пятилеток, были нанесены в конце 50-х годов двумя крупными реорганизациями: переходом от отраслевого управления промышленностью к территориальному (1957 г.) и передачей сельскохозяйственной техники, сосредоточенной в машинно-тракторных станциях (МТС), колхозам (1958 г.).

Ликвидация отраслевых министерств подорвала возможности научно-технического прогресса, так как огромные территории страны не обладали возможностями осуществить необходимую для этого концентрацию научных сил и материальных средств. О второй реорганизации следует сказать особо.

Когда советские экономисты Санина и Венжер обратились к Сталину с предложением продать в собственность колхозов технику, сосредоточенную в МТС, то он отклонил его, отметив, что оно возникло «на базе непонимания марксизма», так как предполагает «расширение сферы действия товарного обращения». Данное предложение, отметил Сталин, направлено против хода истории, и реализация его «подорвет механизацию сельского хозяйства, снизит темпы колхозного производства». Практика свидетельствует, что это предвидение оказалось правильным: если за пять лет, предшествующих реорганизации, с 1954 по 1958 год включительно, продукция земледелия устойчиво росла и увеличилась на 48 процентов, то последующие после реорганизации пять лет (1959—1963 гг.) роста не было и наблюдалось повсеместное снижение урожайности.

Следующей крупной акцией «товарников» было включение в текст Программы КПСС, принятой XXII съездом партии в 1961 году, положения о необходимости «полностью использовать товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, присущим им в период социализма». Эта на первый взгляд безобидная

законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются правительствами, создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу. Но их смешивать никак нельзя.

Марксизм понимает законы науки — все равно, идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки.

Значит ли это, что, например, результаты действий законов природы, результаты действий сил природы вообще неотвратимы, что разрушительные действия сил природы везде и всегда происходят со стихийно-неумолимой силой, не поддающейся воздействию людей? Нет, не значит. Если исключить астрономические, геологические и некоторые другие аналогичные процессы, где люди, если они даже познали законы их развития, действительно бессильны воздействовать на них, то во многих других случаях люди далеко не бессильны в смысле возможности их воздействия на процессы природы. Во всех таких случаях люди, познав законы природы, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества.

Возьмем один из многочисленных примеров. В древнейшую эпоху разлив больших рек, наводнения, уничтожение в связи с этим жилищ и посевов считались неотвратимым бедствием, против которого люди были бессильны. Однако с течением времени, с развитием человеческих знаний, когда люди научились строить плотины и гидростанции, оказалось возможным отвратить от общества бедствия наводнений, казавшиеся раньше неотвратимыми. Более того, люди научились обуздывать разрушительные силы природы, так сказать, оседлать их, обратить силу воды на пользу общества и использовать ее для орошения полей, для получения энергии.

Значит ли это, что люди тем самым отменили законы природы, законы науки, создали новые законы природы, новые законы науки? Нет, не значит. Дело в том, что вся эта процедура предотвращения действий разрушительных сил воды и использования их в интересах общества проходит без какого бы то ни было нарушения, изменения или уничтожения законов науки, без создания новых законов науки. Наоборот, вся эта процедура осуществляется на точном основании законов природы, законов науки, ибо какое-либо нарушение законов природы, малейшее их нарушение привело бы лишь к расстройству дела, к срыву процедуры.

То же самое надо сказать о законах экономического развития, о законах политической экономии — все равно, идет ли речь о периоде капитализма или о периоде социализма. Здесь так же, как и в естествознании, законы экономического развития являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу, но они не могут уничтожить их или создать новые экономические законы.

Одна из особенностей политической экономии состоит в том, что ее законы в отличие от законов естествознания недолговечны, что они, по крайней мере большинство из них, действуют в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам. Но они, эти законы, не уничтожаются, а теряют силу в силу новых экономических условий и сходят со сцены, чтобы уступить место новым законам, которые не создаются волею людей, а возникают на базе новых экономических условий.

Ссылаются на «Анти-Дюринг» Энгельса, на его формулу о том, что с ликвидацией капитализма и обобществлением средств производства люди получат власть над своими средствами производства, что они получат свободу от гнета общественно-экономических отношений, станут «господами» своей общественной жизни. Энгельс называет эту свободу «познанной необходимостью». А что может означать «познанная необходимость»? Это означает, что люди, познав объективные законы («необходимость»), будут их применять вполне сознательно в интересах общества. Именно поэтому Энгельс говорит там же, что:

«Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству».

Как видно, формула Энгельса говорит отнюдь не в пользу тех, которые думают, что можно уничтожить при социализме существующие экономические законы и создать новые. Наоборот, она требует не уничтожения, а познания экономических законов и умелого их применения.

Говорят, что экономические законы носят стихийный характер,

что действия этих законов являются неотвратимыми, что общество бессильно перед ними. Это неверно. Это — фетишизация законов, отдача себя в рабство законам. Доказано, что общество не бессильно перед лицом законов, что общество может, познав экономические законы и опираясь на них, ограничить сферу их действия, использовать их в интересах общества и «оседлать» их, как это имеет место в отношении сил природы и их законов, как это имеет место в приведенном выше примере о разливе больших рек.

Ссылаются на особую роль Советской власти в деле построения социализма, которая якобы дает ей возможность уничтожить существующие законы экономического развития и «сформировать» новые. Это также неверно.

Особая роль Советской власти объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что Советская власть должна была не заменить одну форму эксплуатации другой формой, как это было в старых революциях, а ликвидировать всякую эксплуатацию; во-вторых, тем, что ввиду отсутствия в стране каких-либо готовых зачатков социалистического хозяйства она должна была создать, так сказать, на «пустом месте» новые, социалистические формы хозяйства.

Задача эта безусловно трудная и сложная, не имеющая прецедентов. Тем не менее Советская власть выполнила эту задачу с честью. Но она выполнила ее не потому, что будто бы уничтожила существующие экономические законы и «сформировала» новые, а только лишь потому, что она опиралась на экономический закон **обязательного соответствия** производственных отношений характеру производительных сил. Производительные силы нашей страны, особенно в промышленности, имели общественный характер, форма же собственности была частная, капиталистическая. Опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, Советская власть обобществила средства производства, сделала их собственностью всего народа и тем уничтожила систему эксплуатации, создала социалистические формы хозяйства. Не будь этого закона и не опираясь на него, Советская власть не смогла бы выполнить своей задачи.

Экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил давно пробивает себе дорогу в капиталистических странах. Если он еще не пробил себе дорогу и не вышел на простор, то это потому, что он встречает сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. Здесь мы сталкиваемся с другой особенностью экономических законов. В отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, задевающего интересы отживающих сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил. Нужна, следовательно, сила, общественная сила, способная преодолеть это сопротивление. Такая сила нашлась в нашей стране в виде союза рабочего класса и крестьянства, представляющих подавляющее большинство общества. Такой силы не нашлось еще в других, капиталистических странах. В этом секрет того, что Советской власти удалось разбить старые силы общества, а экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил получил у нас полный простор.

Говорят, что необходимость планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства нашей страны дает возможность Советской власти уничтожить существующие и создать новые экономические законы. Это совершенно неверно. Нельзя смешивать наши годовые и пятилетние планы с объективным экономическим законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Закон планомерного развития народного хозяйства возник как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме. Он возник на базе обобществления средств производства, после того, как закон конкуренции и анархии производства потерял силу. Он вступил в действие потому, что социалистическое народное хозяйство можно вести лишь на основе экономического закона планомерного развития народного хозяйства. Это значит, что закон планомерного развития народного хозяйства дает **возможность** нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но **возможность** нельзя смешивать с **действительностью**. Это — две разные вещи. Чтобы эту возможность превратить в действительность, нужно изучить этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона. Нельзя сказать, что наши годовые и пятилетние планы полностью отражают требования этого экономического закона.

Говорят, что некоторые экономические законы, в том числе и закон стоимости, действующие у нас при социализме, являются «преобразованными» или даже «коренным образом преобразованными» законами на основе планового хозяйства. Это тоже неверно. Нельзя «преобразовать» законы, да еще «коренным образом». Если можно их преобразовать, то можно и уничтожить, заменив другими законами. Тезис о «преобразовании» законов есть пережиток от неправильной формулы об «уничтожении» и «сформировании» законов. Хотя формула о преобразовании экономических

законов давно уже вошла у нас в обиход, придется от нее отказаться в интересах точности. Можно ограничить сферу действия тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия, если, конечно, они имеются, но нельзя их «преобразовать» или «уничтожить».

Следовательно, когда говорят о «покорении» сил природы или экономических сил, о «господстве» над ними и т. д., то этим вовсе не хотят сказать, что люди могут «уничтожить» законы науки или «сформировать» их. Наоборот, этим хотят сказать лишь то, что люди могут открыть законы, познать их, овладеть ими, научиться применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах общества и таким образом покорить их, добиться господства над ними.

Итак, законы политической экономии при социализме являются объективными законами, отражающими закономерность процессов экономической жизни, совершающихся независимо от нашей воли. Люди, отрицающие это положение, отрицают, по сути дела, науку, отрицая же науку, отрицают тем самым возможность всякого предвидения, — следовательно, отрицают возможность руководства экономической жизнью.

Могут сказать, что все сказанное здесь правильно и общеизвестно, но в нем нет ничего нового и что, следовательно, не стоит тратить время на повторение общеизвестных истин. Конечно, здесь действительно нет ничего нового, но было бы неправильно думать, что не стоит тратить время на повторение некоторых известных нам истин. Дело в том, что к нам, как руководящему ядру, каждый год подходят тысячи новых молодых кадров, они горят желанием помочь нам, горят желанием показать себя, но не имеют достаточно марксистского воспитания, не знают многих, нам хорошо известных, истин и вынуждены блуждать в потемках. Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя, и они начинают воображать, что Советская власть «все может», что ей «все нипочем», что она может уничтожить законы науки, сформировать новые законы. Как нам быть с этими товарищами? Как их воспитать в духе марксизма-ленинизма? Я думаю, что систематическое повторение так называемых «общеизвестных» истин, терпеливое их разъяснение является одним из лучших средств марксистского воспитания этих товарищей.

2. Вопрос о товарном производстве при социализме.

Некоторые товарищи утверждают, что партия поступила неправильно, сохранив товарное производство после того, как она взяла

власть и национализировала средства производства в нашей стране. Они считают, что партия должна была тогда же устранить товарное производство. Они ссылаются при этом на Энгельса, который говорит:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями» (см. «Анти-Дюринг»).

Эти товарищи глубоко ошибаются.

Разберем формулу Энгельса. Формулу Энгельса нельзя считать вполне ясной и точной, так как в ней нет указания, идет ли речь о взятии во владение общества всех средств производства или только части средств производства, т. е. все ли средства производства переданы в общенародное достояние или только часть средств производства. Значит, эту формулу Энгельса можно понять и так, и этак.

В другом месте «Анти-Дюринга» Энгельс говорит об овладении «**всеми** средствами производства», об овладении «**всей** совокупностью средств производства». Значит, Энгельс в своей формуле имеет в виду национализацию не части средств производства, а всех средств производства, т. е. передачу в общенародное достояние средств производства не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Из этого следует, что Энгельс имеет в виду такие страны, где капитализм и концентрация производства достаточно развиты не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве для того, чтобы экспроприировать **все** средства производства страны и передать их в общенародную собственность. Энгельс считает, следовательно, что в **таких** странах следовало бы наряду с обобществлением **всех** средств производства устранить товарное производство. И это, конечно, правильно.

Такой страной являлась в конце прошлого века, к моменту появления в свет «Анти-Дюринга», лишь одна страна — Англия, где развитие капитализма и концентрация производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве были доведены до такой точки, что была возможность в случае взятия власти пролетариатом передать **все** средства производства в стране в общенародное достояние и устранить из обихода товарное производство.

Я отвлекаюсь в данном случае от вопроса о значении для Англии внешней торговли с ее громадным удельным весом в народном хозяйстве Англии. Я думаю, что только по изучении этого вопроса можно было бы окончательно решить вопрос о судьбе товарного производства в Англии после взятия власти пролетариатом и национализации **всех** средств производства.

Впрочем, не только в конце прошлого столетия, но и в настоя-

щее время ни одна страна еще не достигла той степени развития капитализма и концентрации производства в сельском хозяйстве, какую наблюдаем в Англии. Что касается остальных стран, то там, несмотря на развитие капитализма в деревне, имеется еще достаточно многочисленный класс мелких и средних собственников-производителей в деревне, судьбу которых следовало бы определить в случае взятия власти пролетариатом.

Но вот вопрос: как быть пролетариату и его партии, если в той или иной стране, в том числе в нашей стране, имеются благоприятные условия для взятия власти пролетариатом и ниспровержения капитализма, где капитализм в промышленности до того концентрировал средства производства, что можно их экспроприировать и передать во владение общества, но где сельское хозяйство, несмотря на рост капитализма, до того еще раздроблено между многочисленными мелкими и средними собственниками-производителями, что не представляется возможности ставить вопрос об экспроприации этих производителей?

На этот вопрос формула Энгельса не дает ответа. Впрочем, она и не должна отвечать на этот вопрос, так как она возникла на базе другого вопроса, а именно — вопроса о том, какова должна быть судьба товарного производства после того, как обобществлены **все** средства производства.

Итак, как быть, если обобществлены **не все** средства производства, а только часть средств производства, а благоприятные условия для взятия власти пролетариатом имеются налицо, — следует ли взять власть пролетариату и нужно ли сразу после этого уничтожить товарное производство?

Нельзя, конечно, назвать ответом мнение некоторых горе-марксистов, которые считают, что при таких условиях следовало бы отказаться от взятия власти и ждать, пока капитализм успеет разорить миллионы мелких и средних производителей, превратив их в батраков, и концентрировать средства производства в сельском хозяйстве, что только после этого можно было бы поставить вопрос о взятии власти пролетариатом и обобществлении **всех** средств производства. Понятно, что на такой «выход» не могут пойти марксисты, если они не хотят опозорить себя вконец.

Нельзя также считать ответом мнение других горе-марксистов, которые думают, что следовало бы, пожалуй, взять власть и пойти на экспроприацию мелких и средних производителей в деревне и обобществить их средства производства. На этот бессмысленный и преступный путь также не могут пойти марксисты, ибо такой путь подорвал бы всякую возможность победы пролетарской революции, отбросил бы крестьянство надолго в лагерь врагов пролетариата.

Ответ на этот вопрос дал Ленин в своих трудах о «продналоге» и в своем знаменитом «кооперативном плане».

Ответ Ленина сводится коротко к следующему:

а) не упускать благоприятных условий для взятия власти, взять власть пролетариату, не дожидаясь того момента, пока капитализм сумеет разорить многомиллионное население мелких и средних индивидуальных производителей;

б) экспроприировать средства производства в промышленности и передать их в общенародное достояние;

в) что касается мелких и средних индивидуальных производителей, объединять их постепенно в производственные кооперативы, т. е. в крупные сельскохозяйственные предприятия, колхозы;

г) развивать всемерно индустрию и подвести под колхозы современную техническую базу крупного производства, причем не экспроприировать их, а, наоборот, усиленно снабжать их первоклассными тракторами и другими машинами;

д) для экономической же смычки города и деревни, промышленности и сельского хозяйства сохранить на известное время товарное производство (обмен через куплю-продажу), как **единственно приемлемую** для крестьян форму экономических связей с городом, и развернуть вовсю советскую торговлю, государственную и кооперативно-колхозную, вытесняя из товарооборота всех и всяких капиталистов.

История нашего социалистического строительства показывает, что этот путь развития, начертанный Лениным, полностью оправдал себя.

Не может быть сомнения, что для всех капиталистических стран, имеющих более или менее многочисленный класс мелких и средних производителей, этот путь развития является единственно возможным и целесообразным для победы социализма.

Говорят, что товарное производство при всех условиях все же должно привести и обязательно приведет к капитализму. Это неверно. Не всегда и не при всяких условиях! Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это — две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, **если** существует частная собственность на средства производства, **если** рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, **если**, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишенные средств производства, вынуждены продавать свою рабо-

чую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства.

Ну а если нет этих условий в наличии, превращающих товарное производство в капиталистическое производство, если средства производства составляют уже не частную, а социалистическую собственность, если системы наемного труда не существует и рабочая сила не является больше товаром, если система эксплуатации давно уже ликвидирована, — как быть тогда: можно ли считать, что товарное производство все же приведет к капитализму? Нет, нельзя считать. А ведь наше общество является именно таким обществом, где частная собственность на средства производства, система наемного труда, система эксплуатации давно уже не существуют.

Нельзя рассматривать товарное производство как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий. Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму. Спрашивается, почему не может товарное производство обслуживать также на известный период наше социалистическое общество, не приводя к капитализму, если иметь в виду, что товарное производство не имеет у нас такого неограниченного и всеобъемлющего распространения, как при капиталистических условиях, что оно у нас поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации?

Говорят, что после того, как установилось в нашей стране господство общественной собственности на средства производства, а система наемного труда и эксплуатации ликвидирована, существование товарного производства потеряло смысл, что следовало бы ввиду этого устранить товарное производство.

Это также неверно. В настоящее время у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная — общенародная, и колхозная, которую нельзя назвать общенародной. В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность. В колхозных же предприятиях, хотя средства производства (земля, машины) и принадлежат государству, однако продукция производства составляет собственность отдельных колхозов, так как труд в колхозах, как и семена, — свой собственный, а землей, которая передана колхозам в вечное пользование, колхозы распоряжаются фактически как своей собственностью, несмотря на то, что они не могут ее продать, купить, сдать в аренду или заложить.

Это обстоятельство ведет к тому, что государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий, тогда как колхозной продукцией, как своей собственностью, распоряжаются лишь колхозы. Но колхозы не хотят отчуждать своих продуктов иначе как в виде товаров, в обмен на которые они хотят получить нужные им товары. Других экономических связей с городом, кроме товарных, кроме обмена через куплю-продажу, в настоящее время колхозы не приемлют. Поэтому товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда Ленин провозгласил необходимость всемерного разворота товарооборота.

Конечно, когда вместо двух основных производственных секторов, государственного и колхозного, появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжения всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его «денежным хозяйством» исчезнет, как ненужный элемент народного хозяйства. Но пока этого нет, пока остаются два основных производственных сектора, товарное производство и товарное обращение должны остаться в силе, как необходимый и весьма полезный элемент в системе нашего народного хозяйства. Каким образом произойдет создание единого объединенного сектора, путем ли простого поглощения колхозного сектора государственным сектором, что мало вероятно (ибо это было бы воспринято как экспроприация колхозов), или путем организации единого общенародного хозяйственного органа (с представительством от госпромышленности и колхозов) с правом сначала учета всей потребительской продукции страны, а с течением времени — также распределения продукции в порядке, скажем, продуктообмена, — это вопрос особый, требующий отдельного обсуждения.

Следовательно, наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей (государство, колхозы, кооперация), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиться в капиталистическое производство и которому суждено обслуживать совместно с его «денежным хозяйством» дело развития и укрепления социалистического производства.

Поэтому совершенно не правы те товарищи, которые заявляют,

что, поскольку социалистическое общество не ликвидирует товарные формы производства, у нас должны быть якобы восстановлены все экономические категории, свойственные капитализму: рабочая сила, как товар, прибавочная стоимость, капитал, прибыль на капитал, средняя норма прибыли и т. п. Эти товарищи смешивают товарное производство с капиталистическим производством и полагают, что раз есть товарное производство, то должно быть и капиталистическое производство. Они не понимают, что наше товарное производство коренным образом отличается от товарного производства при капитализме.

Более того, я думаю, что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из «Капитала» Маркса, где Маркс занимался анализом капитализма, и искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям. Я имею в виду, между прочим, такие понятия, как «необходимый» и «прибавочный» труд, «необходимый» и «прибавочный» продукт, «необходимое» и «прибавочное» время. Маркс анализировал капитализм для того, чтобы выяснить источник эксплуатации рабочего класса, прибавочную стоимость, и дать рабочему классу, лишенному средств производства, духовное оружие для свержения капитализма. Понятно, что Маркс пользуется при этом понятиями (категориями), вполне соответствующими капиталистическим отношениям. Но более чем странно пользоваться теперь этими понятиями, когда рабочий класс не только не лишен власти и средств производства, а, наоборот, держит в своих руках власть и владеет средствами производства. Довольно абсурдно звучат теперь, при нашем строе, слова о рабочей силе, как товаре, и о «найме» рабочих: как будто рабочий класс, владеющий средствами производства, сам себе нанимается и сам себе продает свою рабочую силу. Столь же странно теперь говорить о «необходимом» и «прибавочном» труде: как будто труд рабочих в наших условиях, отданный обществу на расширение производства, развитие образования, здравоохранения, на организацию обороны и т. д., не является столь же необходимым для рабочего класса, стоящего ныне у власти, как и труд, затраченный на покрытие личных потребностей рабочего и его семьи.

Следует отметить, что Маркс в своем труде «Критика Готской программы», где он исследует уже не капитализм, а, между прочим, первую фазу коммунистического общества, признает труд, отданный обществу на расширение производства, на образование, здравоохранение, управленческие расходы, образование резервов и т. д., столь же необходимым, как и труд, затраченный на покрытие потребительских нужд рабочего класса.

Я думаю, что наши экономисты должны покончить с этим несоответствием между старыми понятиями и новым положением вещей

в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению.

Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь пришло время, когда мы должны, наконец, ликвидировать это несоответствие.

3. Вопрос о законе стоимости при социализме.

Иногда спрашивают: существует ли и действует ли у нас, при нашем социалистическом строе, закон стоимости?

Да, существует и действует. Там, где есть товары и товарное производство, не может не быть и закона стоимости.

Сфера действия закона стоимости распространяется у нас прежде всего на товарное обращение, на обмен товаров через куплю-продажу, на обмен главным образом товаров личного потребления. Здесь, в этой области, закон стоимости сохраняет за собой, конечно, в известных пределах роль регулятора.

Но действия закона стоимости не ограничиваются сферой товарного обращения. Они распространяются также на производство. Правда, закон стоимости не имеет регулирующего значения в нашем социалистическом производстве, но он все же воздействует на производство, и этого нельзя не учитывать при руководстве производством. Дело в том, что потребительские продукты, необходимые для покрытия затрат рабочей силы в процессе производства, производятся у нас и реализуются как товары, подлежащие действию закона стоимости. Здесь именно и открывается воздействие закона стоимости на производство. В связи с этим на наших предприятиях имеют актуальное значение такие вопросы, как вопрос о хозяйственном расчете и рентабельности, вопрос о себестоимости, вопрос о ценах и т. п. Поэтому наши предприятия не могут обойтись и не должны обходиться без учета закона стоимости.

Хорошо ли это? Не плохо. При нынешних наших условиях это действительно не плохо, так как это обстоятельство воспитывает наших хозяйственников в духе рационального ведения производства и дисциплинирует их. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников считать производственные величины, считать их точно и так же точно учитывать реальные вещи в производстве, а не заниматься болтовней об «ориентировочных данных», взятых с потолка. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников искать, находить и использовать скрытые резервы, таящиеся в недрах производства, а не топтать их ногами. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников систематически улучшать методы производства, снижать себестоимость производства, осуществлять хозяй-

ственный расчет и добиваться рентабельности предприятий. Это — хорошая практическая школа, которая ускоряет рост наших хозяйственных кадров и превращение их в настоящих руководителей социалистического производства на нынешнем этапе развития.

Беда не в том, что закон стоимости воздействует у нас на производство. Беда в том, что наши хозяйственники и плановики, за немногими исключениями, плохо знакомы с действиями закона стоимости, не изучают их и не умеют учитывать их в своих расчетах. Этим, собственно, и объясняется та неразбериха, которая все еще царит у нас в вопросе о политике цен. Вот один из многочисленных примеров. Некоторое время тому назад было решено упорядочить в интересах хлопководства соотношение цен на хлопок и на зерно, уточнить цены на зерно, продаваемое хлопкоробам, и поднять цены на хлопок, сдаваемый государству. В связи с этим наши хозяйственники и плановики внесли предложение, которое не могло не изумить членов ЦК, так как по этому предложению цена на тонну зерна предлагалась почти такая же, как цена на тонну хлопка, при этом цена на тонну зерна была приравнена к цене на тонну печеного хлеба. На замечания членов ЦК о том, что цена на тонну печеного хлеба должна быть выше цены на тонну зерна ввиду добавочных расходов на помол и выпечку, что хлопок вообще стоит намного дороже, чем зерно, о чем свидетельствуют также мировые цены на хлопок и на зерно, авторы предложения не могли сказать ничего вразумительного. Ввиду этого ЦК пришлось взять это дело в свои руки, снизить цены на зерно и поднять цены на хлопок. Что было бы, если бы предложение этих товарищей получило законную силу? Мы разорили бы хлопкоробов и остались бы без хлопка.

Значит ли, однако, все это, что действия закона стоимости имеют у нас такой же простор, как при капитализме, что закон стоимости является у нас регулятором производства? Нет, не значит. На самом деле сфера действия закона стоимости при нашем экономическом строе строго ограничена и поставлена в рамки. Уже было сказано, что сфера действия товарного производства при нашем строе ограничена и поставлена в рамки. То же самое надо сказать о сфере действия закона стоимости. Несомненно, что отсутствие частной собственности на средства производства и обобществление средств производства как в городе, так и в деревне не могут не ограничивать сферу действия закона стоимости и степень его воздействия на производство.

В том же направлении действует закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, заменивший собой закон конкуренции и анархии производства.

В том же направлении действуют наши годовые и пятилетние

планы и вообще вся наша хозяйственная политика, опирающиеся на требования закона планомерного развития народного хозяйства.

Все это вместе ведет к тому, что сфера действия закона стоимости строго ограничена у нас и закон стоимости не может при нашем строе играть роль регулятора производства.

Этим, собственно, и объясняется тот «поразительный» факт, что, несмотря на непрерывный и бурный рост нашего социалистического производства, закон стоимости не ведет у нас к кризисам перепроизводства, тогда как тот же закон стоимости, имеющий широкую сферу действия при капитализме, несмотря на низкие темпы роста производства в капиталистических странах, — ведет к периодическим кризисам перепроизводства.

Говорят, что закон стоимости является постоянным законом, обязательным для всех периодов исторического развития, что если закон стоимости и потеряет силу как регулятор меновых отношений в период второй фазы коммунистического общества, то он сохранит на этой фазе развития свою силу как регулятор отношений между различными отраслями производства, как регулятор распределения труда между отраслями производства.

Это совершенно неверно. Стоимость, как и закон стоимости, есть историческая категория, связанная с существованием товарного производства. С исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с ее формами, и закон стоимости.

На второй фазе коммунистического общества количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путем, не через посредство стоимости и ее форм, как это бывает при товарном производстве, а прямо и непосредственно — количеством времени, количеством часов, израсходованным на производство продуктов. Что же касается распределения труда, то распределение труда между отраслями производства будет регулироваться не законом стоимости, который потеряет силу к этому времени, а ростом потребностей общества в продуктах. Это будет общество, где производство будет регулироваться потребностями общества, а учет потребностей общества приобретет первостепенное значение для планирующих органов.

Совершенно неправильно также утверждение, что при нашем нынешнем экономическом строе, на первой фазе развития коммунистического общества, закон стоимости регулирует будто бы «пропорции» распределения труда между различными отраслями производства.

Если бы это было верно, то непонятно, почему у нас не развивают вовсю легкую промышленность, как наиболее рентабельную, преимущественно перед тяжелой промышленностью, являющейся часто менее рентабельной, а иногда и вовсе не рентабельной?

Если бы это было верно, то непонятно, почему не закрывают у нас ряд пока еще нерентабельных предприятий тяжелой промышленности, где труд рабочих не дает «должного эффекта», и не открывают новых предприятий безусловно рентабельной легкой промышленности, где труд рабочих мог бы дать «больший эффект»?

Если бы это было верно, то непонятно, почему не перебрасывают у нас рабочих из малорентабельных предприятий, хотя и очень нужных для народного хозяйства, в предприятия более рентабельные, согласно закона стоимости, якобы регулирующего «пропорции» распределения труда между отраслями производства?

Очевидно, что, идя по стопам этих товарищей, нам пришлось бы отказаться от примата производства средств производства в пользу производства средств потребления. А что значит отказаться от примата производства средств производства? Это значит уничтожить возможность непрерывного роста нашего народного хозяйства, ибо невозможно осуществлять непрерывный рост народного хозяйства, не осуществляя вместе с тем примата производства средств производства.

Эти товарищи забывают, что закон стоимости может быть регулятором производства лишь при капитализме, при наличии частной собственности на средства производства, при наличии конкуренции, анархии производства, кризисов перепроизводства. Они забывают, что сфера действия закона стоимости ограничена у нас наличием общественной собственности на средства производства, действием закона планомерного развития народного хозяйства, — следовательно, ограничена также нашими годовыми и пятилетними планами, являющимися приблизительным отражением требований этого закона.

Некоторые товарищи делают отсюда вывод, что закон планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства уничтожают принцип рентабельности производства. Это совершенно неверно. Дело обстоит как раз наоборот. Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе, скажем, 10—15 лет, что было бы единственно правильным подходом к вопросу, то временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действия закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный материальный

ущерб, и обеспечивая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами.

Короче: не может быть сомнения, что при наших нынешних социалистических условиях производства закон стоимости не может быть «регулятором пропорций» в деле распределения труда между различными отраслями производства.

4. Вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, а также вопрос о ликвидации различий между ними.

Заголовок этот затрагивает ряд проблем, существенно отличающихся друг от друга, однако я объединяю их в одной главе не для того, чтобы смешать их друг с другом, а исключительно для краткости изложения.

Проблема уничтожения противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством представляет известную проблему, давно уже поставленную Марксом и Энгельсом. Экономической основой этой противоположности является эксплуатация деревни городом, экспроприация крестьянства и разорение большинства деревенского населения всем ходом развития промышленности, торговли, кредитной системы при капитализме. Поэтому противоположность между городом и деревней при капитализме нужно рассматривать как противоположность интересов. На этой почве возникло враждебное отношение деревни к городу и вообще к «городским людям».

Несомненно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации, с укреплением социалистического строя в нашей стране должна была исчезнуть и противоположность интересов между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Оно так и произошло. Огромная помощь нашему крестьянству со стороны социалистического города, со стороны нашего рабочего класса, оказанная в деле ликвидации помещиков и кулачества, укрепила почву для союза рабочего класса и крестьянства, а систематическое снабжение крестьянства и его колхозов первоклассными тракторами и другими машинами превратило союз рабочего класса и крестьянства в дружбу между ними. Конечно, рабочие и колхозное крестьянство составляют все же два класса, отличающиеся друг от друга по своему положению. Но это различие ни в какой мере не ослабляет их дружбу. Наоборот, их интересы лежат на одной общей линии, на линии укрепления социалистического строя и победы коммунизма. Не удивительно

поэтому, что от былого недоверия, а тем более ненависти деревни к городу не осталось и следа.

Все это означает, что почва для противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством уже ликвидирована нынешним нашим социалистическим строем.

Это, конечно, не значит, что уничтожение противоположности между городом и деревней должно повести к «гибели больших городов» (см. «Анти-Дюринг» Энгельса). Большие города не только не погибнут, но появятся еще новые большие города, как центры наибольшего роста культуры, как центры не только большой индустрии, но и переработки сельскохозяйственных продуктов и мощного развития всех отраслей пищевой промышленности. Это обстоятельство облегчит культурный расцвет страны и приведет к выравниванию условий быта в городе и деревне.

Аналогичное положение имеем мы с проблемой уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Эта проблема также является известной проблемой, давно поставленной Марксом и Энгельсом. Экономической основой противоположности между умственным и физическим трудом является эксплуатация людей физического труда со стороны представителей умственного труда. Всем известен разрыв, существовавший при капитализме между людьми физического труда предприятий и руководящим персоналом. Известно, что на базе этого разрыва развивалось враждебное отношение рабочих к директору, к мастеру, к инженеру и другим представителям технического персонала, как к их врагам. Понятно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации должна была исчезнуть и противоположность интересов между физическим и умственным трудом. И она действительно исчезла при нашем современном социалистическом строе. Теперь люди физического труда и руководящий персонал являются не врагами, а товарищами-друзьями, членами единого производственного коллектива, кровно заинтересованными в преуспевании и улучшении производства. От былой вражды между ними не осталось и следа.

Совершенно другой характер имеет проблема исчезновения различий между городом (промышленностью) и деревней (сельским хозяйством), между физическим и умственным трудом. Эта проблема не ставилась классиками марксизма. Это — новая проблема, поставленная практикой нашего социалистического строительства.

Не является ли эта проблема надуманной, имеет ли она для нас какое-либо практическое или теоретическое значение? Нет, эту

проблему нельзя считать надуманной. Наоборот, она является для нас в высшей степени серьезной проблемой.

Если взять, например, различие между сельским хозяйством и промышленностью, то оно сводится у нас не только к тому, что условия труда в сельском хозяйстве отличаются от условий труда в промышленности, но прежде всего и главным образом к тому, что в промышленности мы имеем общенародную собственность на средства производства и продукцию производства, тогда как в сельском хозяйстве имеем не общенародную, а групповую, колхозную собственность. Уже говорилось, что это обстоятельство ведет к сохранению товарного обращения, что только с исчезновением этого различия между промышленностью и сельским хозяйством может исчезнуть товарное производство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Следовательно, нельзя отрицать, что исчезновение этого существенного различия между сельским хозяйством и промышленностью должно иметь для нас первостепенное значение.

То же самое нужно сказать о проблеме уничтожения существенного различия между трудом умственным и трудом физическим. Эта проблема имеет для нас также первостепенное значение. До начала разворота массового соцсоревнования рост промышленности шел у нас со скрипом, а многие товарищи ставили даже вопрос о замедлении темпов развития промышленности. Объясняется это главным образом тем, что культурно-технический уровень рабочих был слишком низок и далеко отставал от уровня технического персонала. Дело, однако, изменилось коренным образом после того, как соцсоревнование приняло у нас массовый характер. Именно после этого промышленность пошла вперед ускоренным темпом. Почему соцсоревнование приняло массовый характер? Потому, что среди рабочих нашлись целые группы товарищей, которые не только освоили технический минимум, но пошли дальше, стали в уровень с техническим персоналом, стали поправлять техников и инженеров, ломать существующие нормы, как устаревшие, вводить новые, более современные нормы и т. п. Что было бы, если бы не отдельные группы рабочих, а большинство рабочих подняло свой культурно-технический уровень до уровня инженерно-технического персонала? Наша промышленность была бы поднята на высоту, недосягаемую для промышленности других стран. Следовательно, нельзя отрицать, что уничтожение существенного различия между умственным и физическим трудом путем поднятия культурно-технического уровня рабочих до уровня технического персонала не может не иметь для нас первостепенного значения.

Некоторые товарищи утверждают, что со временем исчезнет не

только существенное различие между промышленностью и сельским хозяйством, между физическим и умственным трудом, но исчезнет также всякое различие между ними. Это неверно. Уничтожение существенного различия между промышленностью и сельским хозяйством не может привести к уничтожению всякого различия между ними. Какое-то различие, хотя и несущественное, безусловно останется ввиду различий в условиях работы в промышленности и в сельском хозяйстве. Даже в промышленности, если иметь в виду различные ее отрасли, условия работы не везде одинаковы: условия работы, например, шахтеров отличаются от условий работы рабочих механизированной обувной фабрики, условия работы рудокопов отличаются от условий работы машиностроительных рабочих. Если это верно, то тем более должно сохраниться известное различие между промышленностью и сельским хозяйством.

То же самое надо сказать насчет различия между трудом умственным и трудом физическим. Существенное различие между ними в смысле разрыва в культурно-техническом уровне безусловно исчезнет. Но какое-то различие, хотя и несущественное, все же сохранится, хотя бы потому, что условия работы руководящего состава предприятий неодинаковы с условиями работы рабочих.

Товарищи, утверждающие обратное, опираются, должно быть, на известную формулировку в некоторых моих выступлениях, где говорится об уничтожении различия между промышленностью и сельским хозяйством, между умственным и физическим трудом, без оговорки о том, что речь идет об уничтожении **существенного**, а не всякого различия. Товарищи так именно и поняли мою формулировку, предположив, что она означает уничтожение всякого различия. Но это значит, что формулировка была неточная, неудовлетворительная. Ее нужно откинуть и заменить другой формулировкой, говорящей об уничтожении существенных различий и сохранении несущественных различий между промышленностью и сельским хозяйством, между умственным и физическим трудом.

5. Вопрос о распаде единого мирового рынка и углублении кризиса мировой капиталистической системы.

Наиболее важным экономическим результатом второй мировой войны и ее хозяйственных последствий нужно считать распад единого всеохватывающего мирового рынка. Это обстоятельство определило дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы.

Вторая мировая война сама была порождена этим кризисом.

Каждая из двух капиталистических коалиций, вцепившихся друг в друга во время войны, рассчитывала разбить противника и добиться мирового господства. В этом они искали выход из кризиса. Соединенные Штаты Америки рассчитывали вывести из строя наиболее опасных своих конкурентов, Германию и Японию, захватить зарубежные рынки, мировые ресурсы сырья и добиться мирового господства.

Однако война не оправдала этих надежд. Правда, Германия и Япония были выведены из строя, как конкуренты трех главных капиталистических стран: США, Англии, Франции. Но наряду с этим от капиталистической системы отпали Китай и другие народно-демократические страны в Европе, образовав вместе с Советским Союзом единый и мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма. Экономическим результатом существования двух противоположных лагерей явилось то, что единый всеохватывающий мировой рынок распался, в результате чего мы имеем теперь два параллельных мировых рынка, тоже противостоящих друг другу.

Следует отметить, что США и Англия с Францией сами содействовали, конечно, помимо своей воли, образованию и укреплению нового параллельного мирового рынка. Они подвергли экономической блокаде СССР, Китай и европейские народно-демократические страны, не вошедшие в систему «плана Маршалла», думая этим удушить их. На деле же получилось не удушение, а укрепление нового мирового рынка.

Все же основное в этом деле состоит, конечно, не в экономической блокаде, а в том, что за период после войны эти страны экономически сомкнулись и наладили экономическое сотрудничество и взаимопомощь. Опыт этого сотрудничества показывает, что ни одна капиталистическая страна не могла бы оказать такой действительной и технически квалифицированной помощи народно-демократическим странам, какую оказывает им Советский Союз. Дело не только в том, что помощь эта является максимально дешевой и технически первоклассной. Дело прежде всего в том, что в основе этого сотрудничества лежит искреннее желание помочь друг другу и добиться общего экономического подъема. В результате мы имеем высокие темпы развития промышленности в этих странах. Можно с уверенностью сказать, что при таких темпах развития промышленности скоро дело дойдет до того, что эти страны не только не будут нуждаться в завозе товаров из капиталистических стран, но сами почувствуют необходимость отпускать на сторону избыточные товары своего производства.

Но из этого следует, что сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам

будет не расширяться, а сокращаться, что условия мирового рынка сбыта для этих стран будут ухудшаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться. В этом, собственно, и состоит углубление общего кризиса мировой капиталистической системы в связи с распадом мирового рынка.

Это чувствуют сами капиталисты, ибо трудно не почувствовать потерю таких рынков, как СССР, Китай. Они стараются перекрыть эти трудности «планом Маршалла», войной в Корее, гонкой вооружения, милитаризацией промышленности. Но это очень похоже на то, что утопающие хватаются за соломинку.

В связи с таким положением перед экономистами встали два вопроса:

а) Можно ли утверждать, что известный тезис Сталина об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма, высказанный до второй мировой войны, — все еще остается в силе?

б) Можно ли утверждать, что известный тезис Ленина, высказанный им весной 1916 года, о том, что, несмотря на загнивание капитализма, «в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде», — все еще остается в силе?

Я думаю, что нельзя этого утверждать. Ввиду новых условий, возникших в связи со второй мировой войной, оба тезиса нужно считать утратившими силу.

6. Вопрос о неизбежности войн между капиталистическими странами.

Некоторые товарищи утверждают, что в силу развития новых международных условий после второй мировой войны во́йны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными. Они считают, что противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами, что Соединенные Штаты Америки достаточно подчинили себе другие капиталистические страны для того, чтобы не дать им воевать между собой и ослаблять друг друга, что передовые люди капитализма достаточно научены опытом двух мировых войн, нанесших серьезный ущерб всему капиталистическому миру, чтобы позволить себе вновь втянуть капиталистические страны в войну между собой, — что ввиду всего этого войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными.

Эти товарищи ошибаются. Они видят внешние явления, мелькающие на поверхности, но не видят тех глубинных сил, которые хотя и действуют пока незаметно, но все же будут определять ход событий.

Внешне все будто бы обстоит «благополучно»: Соединенные Штаты Америки посадили на паек Западную Европу, Японию и другие капиталистические страны; Германия (Западная), Англия, Франция, Италия, Япония, попавшие в лапы США, послушно выполняют веления США. Но было бы неправильно думать, что это «благополучие» может сохраниться «на веки вечные», что эти страны будут без конца терпеть господство и гнет Соединенных Штатов Америки, что они не попытаются вырваться из американской неволи и стать на путь самостоятельного развития.

Возьмем прежде всего Англию и Францию. Несомненно, что эти страны являются империалистическими. Несомненно, что дешевое сырье и обеспеченные рынки сбыта имеют для них первостепенное значение. Можно ли полагать, что они будут без конца терпеть нынешнее положение, когда американцы под шумок «помощи» по линии «плана Маршалла» внедряются в экономику Англии и Франции, стараясь превратить ее в придаток экономики Соединенных Штатов Америки, когда американский капитал захватывает сырье и рынки сбыта в англо-французских колониях и готовит таким образом катастрофу для высоких прибылей англо-французских капиталистов? Не вернее ли будет сказать, что капиталистическая Англия, а вслед за ней и капиталистическая Франция в конце концов будут вынуждены вырваться из объятий США и пойти на конфликт с ними для того, чтобы обеспечить себе самостоятельное положение и, конечно, высокие прибыли?

Перейдем к главным побежденным странам, к Германии (Западной), Японии. Эти страны влачат теперь жалкое существование под сапогом американского империализма. Их промышленность и сельское хозяйство, их торговля, их внешняя и внутренняя политика, весь их быт скованы американским «режимом» оккупации. А ведь эти страны вчера еще были великими империалистическими державами, потрясавшими основы господства Англии, США, Франции в Европе, в Азии. Думать, что эти страны не попытаются вновь подняться на ноги, сломить «режим» США и вырваться на путь самостоятельного развития, — значит верить в чудеса.

Говорят, что противоречия между капитализмом и социализмом сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами. Теоретически это, конечно, верно. Это верно не только теперь, в настоящее время, — это было верно также перед второй мировой войной. И это более или менее понимали руководители капиталистических стран. И все же вторая мировая война началась не с войны с СССР, а с войны между капиталистическими странами. Почему? Потому, во-первых, что война с СССР, как с страной социализма, опаснее для капитализма, чем война между капиталистическими странами, ибо, если война между капиталистическими

странами ставит вопрос только о преобладании таких-то капиталистических стран над другими капиталистическими странами, то война с СССР обязательно должна поставить вопрос о существовании самого капитализма. Потому, во-вторых, что капиталисты, хотя и шумят в целях «пропаганды» об агрессивности Советского Союза, сами не верят в его агрессивность, так как они учитывают мирную политику Советского Союза и знают, что Советский Союз сам не нападет на капиталистические страны.

После первой мировой войны тоже считали, что Германия окончательно выведена из строя, так же как некоторые товарищи думают теперь, что Япония и Германия окончательно выведены из строя. Тогда тоже говорили и шумели в прессе о том, что Соединенные Штаты Америки посадили Европу на паек, что Германия не может больше встать на ноги, что отныне войны между капиталистическими странами не должно быть. Однако, несмотря на это, Германия поднялась и стала на ноги как великая держава через каких-либо 15—20 лет после своего поражения, вырвавшись из неволи и став на путь самостоятельного развития. При этом характерно, что не кто иной, как Англия и Соединенные Штаты Америки помогли Германии подняться экономически и поднять ее военно-экономический потенциал. Конечно, США и Англия, помогая Германии подняться экономически, имели при этом в виду направить поднявшуюся Германию против Советского Союза, использовать ее против страны социализма. Однако Германия направила свои силы в первую очередь против англо-франко-американского блока. И когда гитлеровская Германия объявила войну Советскому Союзу, то англо-франко-американский блок не только не присоединился к гитлеровской Германии, а, наоборот, был вынужден вступить в коалицию с СССР против гитлеровской Германии.

Следовательно, борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма.

Спрашивается, какая имеется гарантия, что Германия и Япония не поднимутся вновь на ноги, что они не попытаются вырваться из американской неволи и зажить своей самостоятельной жизнью? Я думаю, что таких гарантий нет.

Но из этого следует, что неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе.

Говорят, что тезис Ленина о том, что империализм неизбежно порождает войны, нужно считать устаревшим, поскольку выросли в настоящее время мощные народные силы, выступающие в защиту мира, против новой мировой войны. Это неверно.

Современное движение за мир имеет своей целью поднять народные массы на борьбу за сохранение мира, за предотвращение новой мировой войны. Следовательно, оно не преследует цели свержения капитализма и установления социализма, — оно ограничивается демократическими целями борьбы за сохранение мира. В этом отношении современное движение за сохранение мира отличается от движения в период первой мировой войны за превращение войны империалистической в гражданскую войну, так как это последнее движение шло дальше и преследовало социалистические цели.

Возможно, что при известном стечении обстоятельств борьба за мир разовьется кое-где в борьбу за социализм, но это будет уже не современное движение за мир, а движение за свержение капитализма.

Вероятнее всего, что современное движение за мир, как движение за сохранение мира, в случае успеха приведет к предотвращению **данной** войны, к временной ее отсрочке, к временному сохранению **данного** мира, к отставке воинствующего правительства и замене его другим правительством, готовым временно сохранить мир. Это, конечно, хорошо. Даже очень хорошо. Но этого все же недостаточно для того, чтобы уничтожить неизбежность войн вообще между капиталистическими странами. Недостаточно, так как при всех этих успехах движения в защиту мира империализм все же сохраняется, остается в силе, — следовательно, остается в силе также неизбежность войн.

Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм.

7. Вопрос об основных экономических законах современного капитализма и социализма.

Как известно, вопрос об основных экономических законах капитализма и социализма несколько раз выдвигался на дискуссии. Высказывались различные мнения на этот счет вплоть до самых фантастических. Правда, большинство участников дискуссии слабо реагировало на это дело, и никакого решения на этот счет не было намечено. Однако никто из участников дискуссии не отрицал существования таких законов.

Существует ли основной экономический закон капитализма? Да, существует. Что это за закон, в чем состоят его характерные черты? Основной экономический закон капитализма — это такой закон, который определяет не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы развития капиталистического производства, а все главные стороны и все главные процессы этого

развития, — следовательно, определяет существо капиталистического производства, его сущность.

Не является ли закон стоимости основным экономическим законом капитализма? Нет. Закон стоимости есть прежде всего закон товарного производства. Он существовал до капитализма и продолжает существовать, как и товарное производство, после свержения капитализма, например, в нашей стране, правда, с ограниченной сферой действия. Конечно, закон стоимости, имеющий широкую сферу действия в условиях капитализма, играет большую роль в деле развития капиталистического производства, но он не только не определяет существа капиталистического производства и основ капиталистической прибыли, но даже не ставит таких проблем. Поэтому он не может быть основным экономическим законом современного капитализма.

По тем же соображениям не может быть основным экономическим законом капитализма закон конкуренции и анархии производства, или закон неравномерного развития капитализма в различных странах.

Говорят, что закон средней нормы прибыли является основным экономическим законом современного капитализма. Это неверно. Современный капитализм, монополистический капитализм, не может удовлетворяться средней прибылью, которая к тому же имеет тенденцию к снижению ввиду повышения органического состава капитала. Современный монополистический капитализм требует не средней прибыли, а максимума прибыли, необходимого для того, чтобы осуществлять более или менее регулярно расширенное воспроизводство.

Более всего подходит к понятию основного экономического закона капитализма закон прибавочной стоимости, закон рождения и возрастания капиталистической прибыли. Он действительно предопределяет основные черты капиталистического производства. Но закон прибавочной стоимости является слишком общим законом, не затрагивающим проблемы высшей нормы прибыли, обеспечение которой является условием развития монополистического капитализма. Чтобы восполнить этот пробел, нужно конкретизировать закон прибавочной стоимости и развить его дальше применительно к условиям монополистического капитализма, учтя при этом, что монополистический капитализм требует не всякой прибыли, а именно максимальной прибыли. Это и будет основной экономический закон современного капитализма.

Главные черты и требования основного экономического закона современного капитализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей.

Говорят, что среднюю прибыль все же можно было бы считать вполне достаточной для капиталистического развития в современных условиях. Это неверно. Средняя прибыль есть низший предел рентабельности, ниже которого капиталистическое производство становится невозможным. Но было бы смешно думать, что воротилы современного монополистического капитализма, захватывая колонии, порабощая народы и затевая войны, стараются обеспечить себе всего лишь среднюю прибыль. Нет, не средняя прибыль и не сверхприбыль, представляющая, как правило, всего лишь некоторое превышение над средней прибылью, а именно максимальная прибыль является двигателем монополистического капитализма. Именно необходимость получения максимальных прибылей толкает монополистический капитализм на такие рискованные шаги, как закабаление и систематическое ограбление колоний и других отсталых стран, превращение ряда независимых стран в зависимые страны, организация новых войн, являющихся для воротил современного капитализма лучшим «бизнесом» для извлечения максимальных прибылей, наконец, попытки завоевания мирового экономического господства.

Значение основного экономического закона капитализма состоит, между прочим, в том, что он, определяя все важнейшие явления в области развития капиталистического способа производства, его подъемы и кризисы, его победы и поражения, его достоинства и недостатки, — весь процесс его противоречивого развития, — дает возможность понять и объяснить их.

Вот один из многочисленных «поразительных» примеров.

Всем известны факты из истории и практики капитализма, демонстрирующие бурное развитие техники при капитализме, когда капиталисты выступают как знаменосцы передовой техники, как революционеры в области развития техники производства. Но известны также факты другого рода, демонстрирующие приостановку развития техники при капитализме, когда капиталисты выступают как реакционеры в области развития новой техники и переходят нередко на ручной труд.

Чем объяснить это вопиющее противоречие? Его можно объяснить лишь основным экономическим законом современного капитализма, то есть необходимостью получения максимальных прибылей. Капитализм стоит за новую технику, когда она сулит ему наибольшие прибыли. Капитализм стоит против новой техники и за

переход на ручной труд, когда новая техника не сулит больше наибольших прибылей.

Так обстоит дело с основным экономическим законом современного капитализма.

Существует ли основной экономический закон социализма? Да, существует. В чем состоят существенные черты и требования этого закона? Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Следовательно: вместо обеспечения максимальных прибылей,— обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества; вместо развития производства с перерывами от подъема к кризису и от кризиса к подъему, — непрерывный рост производства; вместо периодических перерывов в развитии техники, сопровождающихся разрушением производительных сил общества, — непрерывное совершенствование производства на базе высшей техники.

Говорят, что основным экономическим законом социализма является закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Это неверно. Планомерное развитие народного хозяйства, а значит, и планирование народного хозяйства, являющееся более или менее верным отражением этого закона, сами по себе ничего не могут дать, если неизвестно, во имя какой задачи совершается плановое развитие народного хозяйства, или если задача неясна. Закон планомерного развития народного хозяйства может дать должный эффект лишь в том случае, если имеется задача, во имя осуществления которой совершается плановое развитие народного хозяйства. Эту задачу не может дать сам закон планомерного развития народного хозяйства. Ее тем более не может дать планирование народного хозяйства. Эта задача содержится в основном экономическом законе социализма в виде его требований, изложенных выше. Поэтому действия закона планомерного развития народного хозяйства могут получить полный простор лишь в том случае, если они опираются на основной экономический закон социализма.

Что касается планирования народного хозяйства, то оно может добиться положительных результатов лишь при соблюдении двух условий: а) если оно правильно отражает требования закона планомерного развития народного хозяйства, б) если оно сообразуется во всем с требованиями основного экономического закона социализма.

8. Другие вопросы.

1) Вопрос о внеэкономическом принуждении при феодализме.

Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю.

2) Вопрос о личной собственности колхозного двора.

Неправильно было бы сказать в проекте учебника, что «каждый колхозный двор имеет в личном пользовании корову, мелкий скот и птицу». На самом деле, как известно, корова, мелкий скот, птица и т. д. находятся не в личном пользовании, а в личной **собственности** колхозного двора. Выражение «в личном пользовании» взято, по-видимому, из Примерного Устава сельскохозяйственной артели. Но в Примерном Уставе сельскохозяйственной артели допущена ошибка. В Конституции СССР, которая разрабатывалась более тщательно, сказано другое, а именно:

«Каждый колхозный двор... имеет в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь».

Это, конечно, правильно.

Следовало бы, кроме того, поподробнее сказать, что каждый колхозник имеет в личной собственности от одной до стольких-то коров, смотря по местным условиям, столько-то овец, коз, свиней (тоже от — до, смотря по местным условиям) и неограниченное количество домашней птицы (уток, гусей, кур, индюшек).

Эти подробности имеют большое значение для наших зарубежных товарищей, которые хотят знать точно, что же, собственно, осталось у колхозного двора в его личной собственности, после того как осуществлена у нас коллективизация сельского хозяйства.

3) Вопрос о стоимости арендной платы крестьян помещикам, а также о стоимости расходов на покупку земли.

В проекте учебника сказано, что в результате национализации земли «крестьянство освободилось от арендных платежей помещикам в сумме около 500 миллионов рублей ежегодно» (надо сказать «золотом»). Эту цифру следовало бы уточнить, так как она учитывает, как мне кажется, арендную плату не во всей России, а только в большинстве губерний России. Надо при этом иметь в виду, что в ряде окраин России арендная плата уплачивалась натурой, что, видимо, не учтено авторами проекта учебника. Кроме того, нужно иметь в виду, что крестьянство освободилось не только от арендной платы, но и от ежегодных расходов на покупку земли. Учтено ли это в проекте учебника? Мне кажется, что не учтено, а следовало бы учесть.

4) Вопрос о сращивании монополий с государственным аппаратом.

Выражение «сращивание» не подходит. Это выражение поверхностно и описательно отмечает сближение монополий и государства, но не раскрывает экономического смысла этого сближения. Дело в том, что в процессе этого сближения происходит не просто сращивание, а подчинение государственного аппарата монополиям. Поэтому следовало бы выкинуть слово «сращивание» и заменить его словами «подчинение государственного аппарата монополиям».

5) Вопрос о применении машин в СССР.

В проекте учебника сказано, что «в СССР машины применяются во всех случаях, когда они сберегают труд обществу». Это совсем не то, что следовало бы сказать. Во-первых, машины в СССР всегда сберегают труд обществу, ввиду чего мы не знаем случаев, когда бы они в условиях СССР не сберегали труд обществу. Во-вторых, машины не только сберегают труд, но они вместе с тем облегчают труд работников, ввиду чего в наших условиях в отличие от условий капитализма рабочие с большой охотой используют машины в процессе труда.

Поэтому следовало бы сказать, что нигде так охотно не применяются машины, как в СССР, ибо машины сберегают труд обществу и облегчают труд рабочих, и, так как в СССР нет безработицы, рабочие с большой охотой используют машины в народном хозяйстве.

6) Вопрос о материальном положении рабочего класса в капиталистических странах.

Когда говорят о материальном положении рабочего класса, обычно имеют в виду занятых в производстве рабочих и не принимают в расчет материальное положение так называемой резервной армии безработных. Правильно ли такое отношение к вопросу о материальном положении рабочего класса? Я думаю, что неправильно. Если существует резервная армия безработных, членам которой нечем жить, кроме как продажей своей рабочей силы, то безработные не могут не входить в состав рабочего класса, но если они входят в состав рабочего класса, их нищенское положение не может не влиять на материальное положение рабочих, занятых в производстве. Я думаю поэтому, что при характеристике материального положения рабочего класса в капиталистических странах следовало бы принять в расчет также положение резервной армии безработных рабочих.

7) Вопрос о национальном доходе.

Я думаю, что следовало бы безусловно включить в проект учебника новую главу о национальном доходе.

8) Вопрос о специальной главе в учебнике о Ленине и Сталине как о создателях политической экономии социализма.

Я думаю, что главу «Марксистское учение о социализме. Создание В. И. Лениным и И. В. Сталиным политической экономии социализма» следует исключить из учебника. Она совершенно не нужна в учебнике, так как ничего нового не дает и лишь бледно повторяет то, что более подробно сказано в предыдущих главах учебника.

Что касается остальных вопросов, у меня нет каких-либо замечаний к «предложениям» товарищей Островитянова, Леонтьева, Шепилова, Гатовского и других.

9. Международное значение марксистского учебника политической экономии.

Я думаю, что товарищи не учитывают всего значения марксистского учебника политической экономии. Учебник нужен не только для нашей советской молодежи. Он особенно нужен для коммунистов всех стран и для людей, сочувствующих коммунистам. Наши зарубежные товарищи хотят знать, каким образом мы вырвались из капиталистической неволи, каким образом преобразовали мы экономику страны в духе социализма, как мы добились дружбы с крестьянством, как мы добились того, что наша недавно еще нищая и слабая страна превратилась в страну богатую, могущественную, что из себя представляют колхозы, почему мы, несмотря на обобществление средств производства, не уничтожаем товарного производства, денег, торговли и т. д. Они хотят знать все это и многое другое не для простого любопытства, а для того, чтобы учиться у нас и использовать наш опыт для своей страны. Поэтому появление хорошего марксистского учебника политической экономии имеет не только внутриполитическое, но и большое международное значение.

Нужен, следовательно, учебник, который мог бы служить настольной книгой революционной молодежи не только внутри страны, но и за рубежом. Он не должен быть слишком объемистым, так как слишком объемистый учебник не может быть настольной книгой и его трудно будет освоить — одолеть. Но он должен содержать все основное, касающееся как экономики нашей страны, так и экономики капитализма и колониальной системы.

Некоторые товарищи предлагали во время дискуссии включить в учебник целый ряд новых глав, историки — по истории, политики — по политике, философы — по философии, экономисты — по экономике. Но это привело бы к тому, что учебник разросся бы до необъятных размеров. Этого, конечно, нельзя допустить. Учеб-

ник использует исторический метод для иллюстрации проблем политической экономии, но это еще не значит, что мы должны превратить учебник политической экономии в историю экономических отношений.

Нам нужен учебник в 500, максимум в 600 страниц — не больше. Это будет настольная книга по марксистской политической экономии — хороший подарок молодым коммунистам всех стран.

Впрочем, ввиду недостаточного уровня марксистского развития большинства компартий зарубежных стран такой учебник мог бы принести большую пользу также и немолодым кадровым коммунистам этих стран.

10. Пути улучшения проекта учебника политической экономии.

Некоторые товарищи во время дискуссии слишком усердно «разносили» проект учебника, ругали его авторов за ошибки и упущения, утверждали, что проект не удался. Это несправедливо. Конечно, ошибки и упущения имеются в учебнике, — они почти всегда бывают в большом деле. Но, как бы там ни было, подавляющее большинство участников дискуссии все же признало, что проект учебника может служить основой будущего учебника и нуждается лишь в некоторых поправках и дополнениях. Действительно, стоит только сравнить проект учебника с имеющимися в обращении учебниками политической экономии, чтобы притти к выводу, что проект учебника стоит на целую голову выше существующих учебников. В этом большая заслуга авторов проекта учебника.

Я думаю, что для улучшения проекта учебника следовало бы назначить немногочисленную комиссию со включением туда не только авторов учебника и не только сторонников большинства участников дискуссии, но и противников большинства, ярых критиков проекта учебника.

Хорошо было бы включить в комиссию также опытного статистика для проверки цифр и внесения в проект новых статистических материалов, а также опытного юриста для проверки точности формулировок.

Членов комиссии следовало бы освободить временно от всякой другой работы, обеспечив их полностью в материальном отношении, с тем, чтобы они могли целиком отдаться работе над учебником.

Кроме того, следовало бы назначить редакционную комиссию, скажем, из трех человек для окончательной редакции учебника.

Это необходимо также для того, чтобы добиться единства стиля, которого нет, к сожалению, в проекте учебника.

Срок представления готового учебника в ЦК — 1 год.

И. СТАЛИН

1952 г. 1 февраля.

ОТВЕТ т-щу НОТКИНУ, Александру Ильичу

Товарищ Ноткин!

Я не торопился с ответом, так как поставленные Вами вопросы не считаю срочными. Тем более, что есть другие вопросы, имеющие срочный характер, которые, естественно, отвлекают внимание в сторону от Вашего письма.

Отвечаю по пунктам.

По пункту первому.

В «Замечаниях» имеется известное положение о том, что общество не бессильно перед лицом законов науки, что люди могут, познав экономические законы, использовать их в интересах общества. Вы утверждаете, что это положение не может быть распространено на другие формации общества, что оно может иметь силу лишь при социализме и коммунизме, что стихийный характер экономических процессов, например, при капитализме не дает обществу возможности использовать экономические законы в интересах общества.

Это неверно. В эпоху буржуазной революции, например, во Франции буржуазия использовала против феодализма известный закон об обязательном соответствии производственных отношений характеру производительных сил, низвергла феодальные производственные отношения, создала новые, буржуазные производственные отношения и привела эти производственные отношения в соответствие с характером производительных сил, выросших в недрах феодального строя. Буржуазия сделала это не в силу особых своих способностей, а потому, что она кровно была заинтересована в этом. Феодалы сопротивлялись этому делу не в силу своей тупости, а потому, что они кровно были заинтересованы помешать осуществлению этого закона.

То же самое надо сказать о социалистической революции в

нашей стране. Рабочий класс использовал закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, ниспроверг буржуазные производственные отношения, создал новые, социалистические производственные отношения и привел их в соответствие с характером производительных сил. Он мог это сделать не в силу особых своих способностей, а потому, что он кровно был заинтересован в этом деле. Буржуазия, которая из передовой силы на заре буржуазной революции успела уже превратиться в контрреволюционную силу, всячески сопротивлялась проведению этого закона в жизнь, — сопротивлялась не в силу своей неорганизованности и не потому, что стихийный характер экономических процессов толкал ее на сопротивление, а главным образом потому, что она была кровно заинтересована против проведения этого закона в жизнь.

Следовательно:

1. Использование экономических процессов, экономических законов в интересах общества происходит в той или иной мере не только при социализме и коммунизме, но и при других формациях;

2. Использование экономических законов всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплеку, причем знаменосцем использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс, тогда как отживающие классы сопротивляются этому делу.

Разница в этом деле между пролетариатом, с одной стороны, и другими классами, когда-либо совершившими на протяжении истории перевороты в производственных отношениях, с другой стороны, состоит в том, что классовые интересы пролетариата сливаются с интересами подавляющего большинства общества, ибо революция пролетариата означает не уничтожение той или иной формы эксплуатации, а уничтожение всякой эксплуатации, тогда как революции других классов, уничтожая лишь ту или иную форму эксплуатации, ограничивались рамками их узко-классовых интересов, находящихся в противоречии с интересами большинства общества.

В «Замечаниях» говорится о классовой подоплеке дела использования экономических законов в интересах общества. Там сказано, что «в отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, задевающего интересы отживающих сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил». Однако Вы не обратили на это внимания.

По пункту второму.

Вы утверждаете, что полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил может быть достигнуто лишь при социализме и коммунизме, а при других формациях может быть осуществлено лишь неполное соответствие.

Это неверно. В эпоху после буржуазной революции, когда буржуазия разрушила феодальные производственные отношения и установила буржуазные производственные отношения, безусловно, были периоды, когда буржуазные производственные отношения полностью соответствовали характеру производительных сил. В противном случае капитализм не мог бы развиться с такой быстротой, с какой он развивался после буржуазной революции.

Далее, нельзя понимать в абсолютном смысле слова «полное соответствие». Их нельзя понимать так, что будто бы при социализме не существует никакого отставания производственных отношений от роста производительных сил. Производительные силы являются наиболее подвижными и революционными силами производства. Они бесспорно идут впереди производственных отношений и при социализме. Производственные отношения спустя лишь некоторое время преобразуются применительно к характеру производительных сил.

Как же в таком случае следует понимать слова «полное соответствие»? Их следует понимать так, что при социализме дело обычно не доходит до конфликта между производственными отношениями и производительными силами, что общество имеет возможность своевременно привести в соответствие отстающие производственные отношения с характером производительных сил. Социалистическое общество имеет возможность сделать это, потому что оно не имеет в своем составе отживающих классов, могущих организовать сопротивление. Конечно, и при социализме будут отстающие инертные силы, не понимающие необходимости изменения в производственных отношениях, но их, конечно, нетрудно будет преодолеть, не доводя дело до конфликта.

По пункту третьему.

Из Ваших рассуждений вытекает, что средства производства и прежде всего орудия производства, производимые нашими национализированными предприятиями, Вы рассматриваете как товар.

Можно ли рассматривать средства производства при нашем социалистическом строе как товар? По-моему, никак нельзя.

Товар есть такой продукт производства, который продается любому покупателю, причем при продаже товара товаровладелец

теряет право собственности на него, а покупатель становится собственником товара, который может перепродать, заложить, сгноить его. Подходят ли средства производства под такое определение? Ясно, что не подходят. Во-первых, средства производства «продаются» не всякому покупателю, они не «продаются» даже колхозам, они только распределяются государством среди своих предприятий. Во-вторых, владелец средств производства — государство при передаче их тому или иному предприятию ни в какой мере не теряет права собственности на средства производства, а наоборот, полностью сохраняет его. В-третьих, директора предприятий, получившие от государства средства производства, не только не становятся их собственниками, а наоборот, утверждаются, как уполномоченные советского государства по использованию средств производства, согласно планов, преподанных государством.

Как видно, средства производства при нашем строе никак нельзя подвести под категорию товаров.

Почему же в таком случае говорят о стоимости средств производства, об их себестоимости, об их цене и т. п.?

По двум причинам.

Во-первых, это необходимо для калькуляции, для расчетов, для определения доходности и убыточности предприятий, для проверки и контроля предприятий. Но это всего лишь формальная сторона дела.

Во-вторых, это необходимо для того, чтобы в интересах внешней торговли осуществлять дело продажи средств производства иностранным государствам. Здесь, в области внешней торговли, но **только в этой области**, наши средства производства действительно являются товарами, и они действительно продаются (без кавычек).

Выходит таким образом, что в области внешнеторгового оборота средства производства, производимые нашими предприятиями, сохраняют свойства товаров как по существу, так и формально, тогда как в области экономического оборота внутри страны средства производства теряют свойства товаров, перестают быть товарами и выходят за пределы сферы действия закона стоимости, сохраняя лишь внешнюю оболочку товаров (калькуляция и пр.).

Чем объяснить это своеобразие?

Дело в том, что в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для развития нового. Так обстоит дело не

только с товарами, но и с деньгами в нашем экономическом обороте, так же как и с банками, которые, теряя свои старые функции и приобретая новые, сохраняют старую форму, используемую социалистическим строем.

Если подойти к делу с точки зрения формальной, с точки зрения процессов, происходящих на поверхности явлений, можно притти к неправильному выводу о том, что категории капитализма сохраняют будто бы силу в нашей экономике. Если же подойти к делу с марксистским анализом, делающим строгое различие между содержанием экономического процесса и его формой, между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями, — то можно притти к единственно правильному выводу о том, что от старых категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, по существу же они изменились у нас коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства.

По пункту четвертому.

Вы утверждаете, что закон стоимости оказывает регулирующее воздействие на цены «средств производства», изготовляемых в сельском хозяйстве и сдаваемых государству по заготовительным ценам. Вы имеете при этом в виду такие «средства производства», как сырье, например, хлопок. Вы могли бы добавить к этому также лен, шерсть и прочее сельскохозяйственное сырье.

Следует прежде всего отметить, что в данном случае сельское хозяйство производит не «средства производства», а одно из средств производства — сырье. Нельзя играть словами «средства производства». Когда марксисты говорят о производстве средств производства, они имеют в виду прежде всего производство орудий производства — то, что Маркс называет «механическими средствами труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства», составляющей «характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства». Ставить на одну доску часть средств производства (сырье) и средства производства, в том числе орудия производства, — значит грешить против марксизма, ибо марксизм исходит из определяющей роли орудий производства в сравнении со всеми другими средствами производства. Всякому известно, что сырье само по себе не может производить орудий производства, хотя некоторые виды сырья и необходимы как материал для производства орудий производства, тогда как никакое сырье не может быть произведено без орудий производства.

Далее. Является ли воздействие закона стоимости на цену сырья, производимого в сельском хозяйстве, **регулирующим** воз-

действием, как это утверждаете Вы, товарищ Ноткин? Оно было бы регулирующим, если бы у нас существовала «свободная» игра цен на сельскохозяйственное сырье, если бы у нас действовал закон конкуренции и анархии производства, если бы у нас не было планового хозяйства, если бы производство сырья не регулировалось планом. Но так как все эти «если» отсутствуют в системе нашего народного хозяйства, то воздействие закона стоимости на цену сельскохозяйственного сырья никак не может быть регулирующим. Во-первых, цены у нас на сельскохозяйственное сырье твердые, установленные планом, а не «свободные». Во-вторых, размеры производства сельскохозяйственного сырья определяются не стихией и не какими-либо случайными элементами, а планом. В-третьих, орудия производства, необходимые для производства сельскохозяйственного сырья, сосредоточены не в руках отдельных лиц или групп лиц, а в руках государства. Что же остается после этого от регулирующей роли закона стоимости? Выходит, что сам закон стоимости регулируется указанными выше фактами, свойственными социалистическому производству.

Следовательно, нельзя отрицать того, что закон стоимости воздействует на образование цен сельскохозяйственного сырья, что он является одним из факторов этого дела. Но тем более нельзя отрицать и того, что это воздействие не является и не может быть регулирующим.

По пункту пятому.

Говоря о рентабельности социалистического народного хозяйства, я возражал в своих «Замечаниях» некоторым товарищам, которые утверждают, что поскольку наше плановое народное хозяйство не дает большого предпочтения рентабельным предприятиям и допускает существование наряду с этими предприятиями также и нерентабельных предприятий, — оно убивает будто бы самый принцип рентабельности в хозяйстве. В «Замечаниях» сказано, что рентабельность с точки зрения отдельных предприятий и отраслей производства не идет ни в какое сравнение с той высшей рентабельностью, которую дает нам социалистическое производство, избавляя нас от кризисов перепроизводства и обеспечивая нам непрерывный рост производства.

Но было бы неправильно делать из этого вывод, что рентабельность отдельных предприятий и отраслей производства не имеет особой ценности и не заслуживает того, чтобы обратить на нее серьезное внимание. Это, конечно, неверно. Рентабельность отдельных предприятий и отраслей производства имеет громадное значение с точки зрения развития нашего производства. Она

должна быть учитываема как при планировании строительства, так и при планировании производства. Это — азбука нашей хозяйственной деятельности на нынешнем этапе развития.

По пункту шестому.

Неясно, как нужно понимать Ваши слова, касающиеся капитализма: «расширенное производство в сильно деформированном виде». Нужно сказать, что таких производств, да еще расширенных, не бывает на свете.

Очевидно, что после того, как мировой рынок раскололся и сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам стала сокращаться, циклический характер развития капитализма — рост и сокращение производства — должен все же сохраниться. Однако рост производства в этих странах будет происходить на суженной базе, ибо объем производства в этих странах будет сокращаться.

По пункту седьмому.

Общий кризис мировой капиталистической системы начался в период первой мировой войны, особенно в результате отпадения Советского Союза от капиталистической системы. Это был первый этап общего кризиса. В период второй мировой войны развернулся второй этап общего кризиса, особенно после отпадения от капиталистической системы народно-демократических стран в Европе и в Азии. Первый кризис в период первой мировой войны и второй кризис в период второй мировой войны нужно рассматривать не как отдельные, оторванные друг от друга самостоятельные кризисы, а как этапы развития общего кризиса мировой капиталистической системы.

Является ли общий кризис мирового капитализма только политическим или только экономическим кризисом? Ни то, ни другое. Он является общим, т. е. всесторонним кризисом мировой системы капитализма, охватывающим как экономику, так и политику. При этом понятно, что в основе его лежит все более усиливающееся разложение мировой экономической системы капитализма, с одной стороны, и растущая экономическая мощь отпавших от капитализма стран — СССР, Китая и других народно-демокрвтических стран, с другой стороны.

И. СТАЛИН

21 апреля 1952 г.

ОБ ОШИБКАХ т. ЯРОШЕНКО Л. Д.

Членам Политбюро ЦК ВКП(б) недавно было разослано товарищем Ярошенко письмо от 20 марта сего года по ряду экономических вопросов, обсуждавшихся на известной ноябрьской дискуссии. В письме имеется жалоба его автора на то, что в основных обобщающих документах по дискуссии, так же как и в «Замечаниях» товарища Сталина, «не нашла никакого отражения точка зрения» т. Ярошенко. В записке имеется, кроме того, предложение т. Ярошенко о том, чтобы разрешить ему составить «Политическую экономию социализма» в течение одного года или полутора лет, дав ему для этого двух помощников.

Я думаю, что придется рассмотреть по существу как жалобу т. Ярошенко, так и его предложение.

Начнем с жалобы.

Итак, в чем состоит «точка зрения» т. Ярошенко, которая не получила никакого отражения в названных выше документах.

I

ГЛАВНАЯ ОШИБКА т. ЯРОШЕНКО.

Если охарактеризовать точку зрения т. Ярошенко в двух словах, то следует сказать, что она является немарксистской, — следовательно, глубоко ошибочной.

Главная ошибка т. Ярошенко состоит в том, что он отходит от марксизма в вопросе о роли производительных сил и производственных отношений в развитии общества, чрезмерно преувеличивает роль производительных сил, также чрезмерно преуменьшает роль производственных отношений и кончает дело тем, что объявляет производственные отношения при социализме частью производительных сил.

Тов. Ярошенко согласен признать некоторую роль за производственными отношениями в условиях «антагонистических классовых противоречий», поскольку здесь производственные отношения «противоречат развитию производительных сил». Но эту роль он ограничивает отрицательной ролью, ролью фактора, тормозящего развитие производительных сил, сковывающего их развитие. Других функций, каких-либо положительных функций производственных отношений т. Ярошенко не видит.

Что касается социалистического строя, где уже нет «антагонистических классовых противоречий» и где производственные отношения «больше не противоречат развитию производительных сил», — то т. Ярошенко считает, что здесь какая бы то ни было

самостоятельная роль производственных отношений исчезает, производственные отношения перестают быть серьезным фактором развития и они поглощаются производительными силами, как часть целым. При социализме «производственные отношения людей, говорит т. Ярошенко, входят в организацию производительных сил, как средство, как момент этой организации» (см. письмо т. Ярошенко в Политбюро ЦК).

Какова же в таком случае главная задача Политической экономии социализма? Тов. Ярошенко отвечает: «Главная проблема Политической экономии социализма поэтому **не в том**, чтобы изучать производственные отношения людей социалистического общества, **а в том**, чтобы разрабатывать и развивать научную теорию организации производительных сил в общественном производстве, теорию планирования развития народного хозяйства» (см. речь т. Ярошенко на Пленуме дискуссии).

Этим, собственно, и объясняется, что т. Ярошенко не интересуется такими экономическими вопросами социалистического строя, как наличие различных форм собственности в нашей экономике, товарное обращение, закон стоимости и проч., считая их второстепенными вопросами, вызывающими лишь схоластические споры. Он прямо заявляет, что в его Политической экономии социализма «споры о роли той или другой категории политической экономии социализма — стоимость, товар, деньги, кредит и др., — принимающие зачастую у нас схоластический характер, **заменяются** здравыми рассуждениями о рациональной организации производительных сил в общественном производстве, научном обосновании такой организации» (см. речь т. Ярошенко на Секции Пленума дискуссии).

Следовательно, политическая экономия без экономических проблем.

Тов. Ярошенко думает, что достаточно наладить «рациональную организацию производительных сил», чтобы переход от социализма к коммунизму произошел без особых трудностей. Он считает, что этого вполне достаточно для перехода к коммунизму. Он прямо заявляет, что «при социализме основная борьба за построение коммунистического общества сводится к борьбе за правильную организацию производительных сил и рациональное их использование в общественном производстве» (см. речь на Пленуме дискуссии). Тов. Ярошенко торжественно провозглашает, что «Коммунизм — это высшая научная организация производительных сил в общественном производстве».

Выходит, оказывается, что существо коммунистического строя исчерпывается «рациональной организацией производительных сил».

Из всего этого т. Ярошенко делает вывод, что не может быть единой Политической экономии для всех общественных формаций, что должны быть две политические экономии: одна — для досоциалистических общественных формаций, предметом которой является изучение производственных отношений людей, другая — для социалистического строя, предметом которой должно являться не изучение производственных, т. е. экономических, отношений, а изучение вопросов рациональной организации производительных сил.

Такова точка зрения т. Ярошенко.

Что можно сказать об этой точке зрения?

Неверно, во-первых, что роль производственных отношений в истории общества ограничивается ролью тормоза, сковывающего развитие производительных сил. Когда марксисты говорят о тормозящей роли производственных отношений, то они имеют в виду не всякие производственные отношения, а только старые производственные отношения, которые уже не соответствуют росту производительных сил и, следовательно, тормозят их развитие. Но, кроме старых производственных отношений, существуют, как известно, новые производственные отношения, заменяющие собой старые. Можно ли сказать, что роль новых производственных отношений сводится к роли тормоза производительных сил? Нет, нельзя. Наоборот, новые производственные отношения являются той **главной** и решающей силой, которая, собственно, и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах.

Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашей советской промышленности в течение пятилеток. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили старые, капиталистические производственные отношения в октябре 1917 года новыми, социалистическими производственными отношениями. Без этого переворота в производственных, экономических отношениях нашей страны производительные силы прозябали бы у нас так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах.

Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20—25 лет. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне новыми, коллективистическими производственными отношениями. Без этого производственного переворота производительные силы нашего сельского хозяйства прозябали бы так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах.

Конечно, новые производственные отношения не могут остаться и не остаются вечно новыми, они начинают стареть и впадать в противоречие с дальнейшим развитием производительных сил, они начинают терять роль главного двигателя производительных сил и превращаются в их тормоз. Тогда на место таких производственных отношений, ставших уже старыми, появляются новые производственные отношения, роль которых состоит в том, чтобы быть главным двигателем дальнейшего развития производительных сил.

Это своеобразие развития производственных отношений от роли тормоза производительных сил к роли главного их двигателя вперед и от роли главного двигателя к роли тормоза производительных сил составляет один из главных элементов марксистской материалистической диалектики. Это знают теперь все приготовишки от марксизма. Этого не знает, оказывается, т. Ярошенко.

Неверно, во-вторых, что самостоятельная роль производственных, т. е. экономических, отношений исчезает при социализме, что производственные отношения поглощаются производительными силами, что общественное производство при социализме сводится к организации производительных сил. Марксизм рассматривает общественное производство как целое, имеющее две неразрывные стороны: производительные силы общества (отношения общества к природным силам, в борьбе с которыми оно добывает необходимые материальные блага) и производственные отношения (отношения людей друг к другу в процессе производства). Это — две различные стороны общественного производства, хотя они связаны друг с другом неразрывно. И именно потому, что они являются различными сторонами общественного производства, они могут воздействовать друг на друга. Утверждать, что одна из этих сторон может быть поглощена другой и превращена в ее составную часть, — значит серьезнейшим образом согрешить против марксизма.

Маркс говорит:

«В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (см. «К. Маркс и Ф. Энгельс», т. V, стр. 429).

Следовательно, общественное производство состоит из двух сторон, которые при всем том, что они неразрывно связвны друг с другом, отражают все же два ряда различных отношений: отношения людей к природе (производительные силы) и отношения

людей друг к другу в процессе производства (производственные отношения). Только наличие обеих сторон производства дает нам общественное производство, все равно, идет ли речь о социалистическом строе или о других общественных формациях.

Тов. Ярошенко, очевидно, не вполне согласен с Марксом. Он считает, что это положение Маркса неприменимо к социалистическому строю. Именно поэтому он сводит проблему Политической экономии социализма к задаче рациональной организации производительных сил, отбрасывая прочь производственные, экономические отношения и отрывая от них производительные силы.

Следовательно, вместо марксистской Политической экономии у т. Ярошенко получается что-то вроде «Всеобщей организационной науки» Богданова.

Таким образом, взяв правильную мысль о том, что производительные силы являются наиболее подвижными и революционными силами производства, т. Ярошенко доводит эту мысль до абсурда, до отрицания роли производственных, экономических отношений при социализме, причем вместо полнокровного общественного производства у него получается однобокая и тощая технология производства — что-то вроде Бухаринской «общественно-организационной техники».

Маркс говорит:

«В общественном производстве своей жизни (то есть в производстве материальных благ, необходимых для жизни людей. — **И. Ст.**) люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (см. предисловие «К критике политической экономии»).

Это значит, что каждая общественная формация, в том числе и социалистическое общество, имеет свой экономический базис, состоящий из совокупности производственных отношений людей. Встает вопрос, как обстоит дело у т. Ярошенко с экономическим базисом социалистического строя? Как известно, т. Ярошенко уже ликвидировал производственные отношения при социализме, как более или менее самостоятельную область, включив то малое, что осталось от них, в состав организации производительных сил. Спрашивается, имеет ли социалистический строй свой собственный экономический базис? Очевидно, что, поскольку производственные отношения исчезли при социализме, как более или менее самостоятельная сила, социалистический строй остается без своего экономического базиса.

Следовательно, социалистический строй без своего экономического базиса. Получается довольно веселая история...

Возможен ли вообще общественный строй без своего экономического базиса? Тов. Ярошенко, очевидно, считает, что возможен. Ну а марксизм считает, что таких общественных строев не бывает на свете.

Неверно, наконец, что коммунизм есть рациональная организация производительных сил, что рациональная организация производительных сил исчерпывает существо коммунистического строя, что стоит рационально организовать производительные силы, чтобы перейти к коммунизму без особых трудностей. В нашей литературе имеется другое определение, другая формула коммунизма, а именно ленинская формула: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Тов-щу Ярошенко, очевидно, не нравится ленинская формула, и он заменяет ее своей собственной самодельной формулой: «Коммунизм — это высшая научная организация производительных сил в общественном производстве».

Во-первых, никому не известно, что из себя представляет эта, рекламируемая т-щем Ярошенко, «высшая научная» или «рациональная» организация производительных сил, каково ее конкретное содержание? Тов. Ярошенко десятки раз повторяет эту мифическую формулу в своих речах на Пленуме, секциях дискуссии, в своем письме на имя членов Политбюро, но он нигде ни единым словом не пытается разъяснить, как, собственно, следует понимать «рациональную организацию» производительных сил, которая якобы исчерпывает собой сущность коммунистического строя.

Во-вторых, если уж сделать выбор между двумя формулами, то следует отбросить не ленинскую формулу, являющуюся единственно правильной, а так называемую формулу т. Ярошенко, явно надуманную и немарксистскую, взятую из Богдановского арсенала — «Всеобщей организационной науки».

Тов. Ярошенко думает, что стоит добиться рациональной организации производительных сил, чтобы получить изобилие продуктов и перейти к коммунизму, перейти от формулы: «каждому по труду» к формуле: «каждому по потребностям». Это большое заблуждение, изобличающее полное непонимание законов экономического развития социализма. Тов. Ярошенко слишком просто, по-детски просто представляет условия перехода от социализма к коммунизму. Тов. Ярошенко не понимает, что нельзя добиться ни изобилия продуктов, могущего покрыть все потребности общества, ни перехода к формуле «каждому по потребностям», оставляя в

силе такие экономические факты, как колхозно-групповая собственность, товарное обращение и т. п. Тов. Ярошенко не понимает, что раньше, чем перейти к формуле «каждому по потребностям», нужно пройти ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества, в течение которых труд из средства только лишь поддержания жизни будет превращен в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества.

Для того, чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, нужно осуществить по крайней мере три основных предварительных условия.

1. Необходимо, во-первых, прочно обеспечить не мифическую «рациональную организацию» производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства. Преимущественный рост производства средств производства необходим не только потому, что оно должно обеспечить оборудованием как свои собственные предприятия, так и предприятия всех остальных отраслей народного хозяйства, но и потому, что без него вообще невозможно осуществить расширенное воспроизводство.

2. Необходимо, во-вторых, путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение тоже путем постепенных переходов заменить системой продуктообмена, чтобы центральная власть или другой какой-либо общественно-экономический центр мог охватить всю продукцию общественного производства в интересах общества.

Тов. Ярошенко ошибается, утверждая, что при социализме нет никакого противоречия между производственными отношениями и производительными силами общества. Конечно, наши нынешние производственные отношения переживают тот период, когда они, вполне соответствуя росту производительных сил, двигают их вперед семимильными шагами. Но было бы неправильно успокаиваться на этом и думать, что не существует никаких противоречий между нашими производительными силами и производственными отношениями. Противоречия безусловно есть и будут, поскольку развитие производственных отношений отстает и будет отставать от развития производительных сил. При правильной политике руководящих органов эти противоречия не могут превратиться в противоположность, и дело здесь не может дойти до конфликта между производственными отношениями и производительными силами общества. Другое дело, если мы будем проводить неправильную

политику, вроде той, которую рекомендует т. Ярошенко. В этом случае конфликт будет неизбежен, и наши производственные отношения могут превратиться в серьезнейший тормоз дальнейшего развития производительных сил.

Поэтому задача руководящих органов состоит в том, чтобы своевременно подметить нарастающие противоречия и вовремя принять меры к их преодолению путем приспособления производственных отношений к росту производительных сил. Это касается прежде всего таких экономических явлений, как групповая — колхозная собственность, товарное обращение. Конечно, в настоящее время эти явления с успехом используются нами для развития социалистического хозяйства, и они приносят нашему обществу несомненную пользу. Несомненно, что они будут приносить пользу и в ближайшем будущем. Но было бы непростительной слепотой не видеть, что эти явления вместе с тем уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием. Не может быть сомнения, что чем дальше, тем больше будут тормозить эти явления дальнейший рост производительных сил нашей страны. Следовательно, задача состоит в том, чтобы ликвидировать эти противоречия путем постепенного превращения колхозной собственности в общенародную собственность и введения продуктообмена — тоже в порядке постепенности — вместо товарного обращения.

3. Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии.

Что требуется для этого?

Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к

одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления.

Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму.

Только после выполнения всех этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет надеяться, что труд будет превращен в глазах членов общества из обузы «в первую жизненную потребность» (Маркс), что «труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» (Энгельс), что общественная собственность будет расцениваться всеми членами общества как незыблемая и неприкосновенная основа существования общества.

Только после выполнения всех этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет перейти от социалистической формулы — «от каждого по способностям, каждому по труду» к коммунистической формуле — «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Это будет коренной переход от одной экономики, от экономики социализма — к другой, высшей экономике, к экономике коммунизма.

Как видно, дело с переходом от социализма к коммунизму обстоит не так просто, как это воображает т. Ярошенко.

Пытаться свести все это сложное и многообразное дело, требующее серьезнейших экономических изменений, к «рациональной организации производительных сил», как это делает т. Ярошенко, — значит подменить марксизм богдановщиной.

II.

ДРУГИЕ ОШИБКИ тов. ЯРОШЕНКО.

1. Из своей неправильной точки зрения т. Ярошенко делает неправильные выводы о характере и предмете политической экономии.

Тов. Ярошенко отрицает необходимость единой политической экономии для всех общественных формаций, исходя из того, что каждая общественная формация имеет свои специфические экономические законы. Но он совершенно неправ, и он расходится здесь с такими марксистами, как Энгельс, Ленин.

Энгельс говорит, что политическая экономия есть «наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в **различных человеческих обществах** и при которых, соответственно

этому, всякий раз происходит распределение продуктов» («Анти-Дюринг»). Следовательно, политическая экономия изучает законы экономического развития не одной какой-либо общественной формации, а различных общественных формаций.

С этим, как известно, вполне согласен Ленин, который в своих критических замечаниях по поводу книжки Бухарина «Экономика переходного периода» сказал, что Бухарин неправ, ограничивая сферу действия политической экономии товарным и прежде всего капиталистическим производством, заметив при этом, что Бухарин делает здесь «шаг назад против Энгельса».

С этим вполне согласуется определение политической экономии, данное в проекте учебника политической экономии, где сказано, что политическая экономия есть наука, изучающая «законы общественного производства и распределения материальных благ **на различных ступенях** развития человеческого общества».

Оно и понятно. Различные общественные формации в своем экономическом развитии подчиняются не только своим специфическим экономическим законам, но и тем экономическим законам, которые общи для всех формаций, например, таким законам, как закон об единстве производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций. Стало быть, общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами.

Энгельс был совершенно прав, когда он говорил:

«Чтобы всесторонне провести эту критику буржуазной политической экономии, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах» («Анти-Дюринг»).

Очевидно, что здесь, в этом вопросе т. Ярошенко перекликается с Бухариным.

Далее. Тов. Ярошенко утверждает, что в его «Политической экономии социализма» «категории политической экономии — стоимость, товар, деньги, кредит и др. — **заменяются** здравыми рассуждениями о рациональной организации производительных сил в общественном производстве», что, следовательно, предметом **этой** политической экономии являются **не** производственные отношения социализма, а «разработка и развитие научной теории организации производительных сил, теории планирования народного хозяйства

и т. п.», что производственные отношения при социализме теряют свое самостоятельное значение и поглощаются производительными силами, как их составная часть.

Нужно сказать, что такой несусветной тарабарщины не разводил еще у нас ни один свихнувшийся «марксист». Ведь что значит политическая экономия социализма без экономических, производственных проблем? Разве бывает на свете такая политическая экономия? Что значит заменить в политической экономии социализма экономические проблемы проблемами организации производительных сил? Это значит ликвидировать политическую экономию социализма. Тов. Ярошенко так именно и поступает, — он ликвидирует политическую экономию социализма. Здесь он полностью смыкается с Бухариным. Бухарин **говорил**, что с уничтожением капитализма должна уничтожиться политическая экономия. Тов. Ярошенко этого не говорит, но он это **делает**, ликвидируя политическую экономию социализма. Правда, при этом он делает вид, что не вполне согласен с Бухариным, но это — хитрость, притом хитрость копеечная. На самом деле он делает то, что проповедывал Бухарин и против чего выступал Ленин. Тов. Ярошенко плетется по стопам Бухарина.

Дальше. Тов. Ярошенко проблемы политической экономии социализма сводит к проблемам рациональной организации производительных сил, к проблемам планирования народного хозяйства и т. п. Но он глубоко заблуждается. Проблемы рациональной организации производительных сил, планирования народного хозяйства и т. п. являются не предметом политической экономии, а предметом хозяйственной политики руководящих органов. Это две различные области, которых нельзя смешивать. Тов. Ярошенко спутал эти две различные вещи и попал впросак. Политическая экономия изучает законы развития производственных отношений людей. Хозяйственная политика делает из этого практические выводы, конкретизирует их и строит на этом свою повседневную работу. Загружать политическую экономию вопросами хозяйственной политики значит загубить ее как науку.

Предметом политической экономии являются производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов. Все это вместе составляет предмет политической экономии.

В этом определении отсутствует слово «обмен», фигурирующее в определении Энгельса. Оно отсутствует потому, что «обмен»

понимается многими обычно как обмен товаров, свойственный не всем, а лишь некоторым общественным формациям, что вызывает иногда недоразумение, хотя Энгельс под словом «обмен» понимал не только товарный обмен. Однако, как видно, то, что Энгельс понимал под словом «обмен», нашло свое место в упомянутом определении, как его составная часть. Следовательно, по своему содержанию это определение предмета политической экономии полностью совпадает с определением Энгельса.

2. Когда говорят об основном экономическом законе той или иной общественной формации, обычно исходят из того, что последняя не может иметь несколько основных экономических законов, что она может иметь лишь один какой-либо основной экономический закон, именно как **основной** закон. В противном случае мы имели бы несколько основных экономических законов для каждой общественной формации, что противоречит самому понятию об основном законе. Однако т. Ярошенко с этим несогласен. Он считает, что можно иметь не один, а несколько основных экономических законов социализма. Это невероятно, но это факт. В своей речи на Пленуме дискуссии он говорит:

«Величины и соотношения материальных фондов общественного производства и воспроизводства определяются наличием и перспективой роста рабочей силы, вовлекаемой в общественное производство. Это есть основной экономический закон социалистического общества, обусловливающий структуру социалистического общественного производства и воспроизводства».

Это первый основной экономический закон социализма.

В той же речи т. Ярошенко заявляет:

«Соотношения между I и II подразделениями обусловливаются в социалистическом обществе потребностью производства средств производства в размерах, необходимых для вовлечения в общественное производство всего работоспособного населения. Это основной экономический закон социализма и в то же время это требование нашей Конституции, вытекающее из права на труд советских людей».

Это, так сказать, второй основной экономический закон социализма.

Наконец, в своем письме на имя членов Политбюро т. Ярошенко заявляет:

«Исходя из этого, существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно сформулировать, мне кажется, примерно следующим образом: непрерывно растущее и совершенствующееся производство материальных и культурных условий жизни общества».

Это уже третий основной экономический закон социализма.

Все ли эти законы являются основными экономическими законами социализма или только один из них, а если только один из них, то какой именно, — на эти вопросы т. Ярошенко не дает ответа в своем последнем письме на имя членов Политбюро. Формулируя основной экономический закон социализма в своем письме на имя членов Политбюро, он, надо полагать, «забыл», что в своей речи на Пленуме дискуссии три месяца назад он уже сформулировал два других основных экономических закона социализма, видимо, полагая, что на эту более чем сомнительную комбинацию не обратят внимания. Но, как видно, его расчеты не оправдались.

Допустим, что первых двух основных экономических законов социализма, сформулированных тов-щем Ярошенко, не существует больше, что основным экономическим законом социализма т. Ярошенко отныне считает третью его формулировку, изложенную в письме на имя членов Политбюро. Обратимся к письму т. Ярошенко.

Тов. Ярошенко говорит в этом письме, что он несогласен с определением основного экономического закона социализма, данным в «Замечаниях» т. Сталина. Он говорит:

«Главным в этом определении является «обеспечение максимального удовлетворения... потребностей всего общества». Производство показано здесь как средство для достижения этой главной цели — удовлетворения потребностей. Такое определение дает основание полагать, что формулированный Вами основной экономический закон социализма исходит не из примата производства, а из примата потребления».

Очевидно, что т. Ярошенко совершенно не понял существа проблемы и не видит того, что разговоры о примате потребления или производства совершенно не имеют отношения к делу. Когда говорят о примате тех или иных общественных процессов перед другими процессами, то исходят обычно из того, что оба эти процесса являются более или менее однородными. Можно и нужно говорить о примате производства средств производства перед производством средств потребления, так как и в том и в другом случае мы имеем дело с производством, следовательно, они более или менее однородны. Но нельзя говорить, неправильно было бы говорить о примате потребления перед производством или производства перед потреблением, так как производство и потребление представляют две совершенно различные области, правда, связанные друг с другом, но все же различные области. Тов. Ярошенко очевидно не понимает, что речь идет здесь не о примате потребления или производстве, а о том, какую цель ставит общество перед общественным производством, какой задаче подчиняет оно общественное производство, скажем, при социализме. Поэтому

совершенно не относятся к делу также разговоры т. Ярошенко о том, что «основу жизни социалистического общества, как и всякого другого общества, составляет производство». Тов. Ярошенко забывает, что люди производят не для производства, а для удовлетворения своих потребностей. Он забывает, что производство, оторванное от удовлетворения потребностей общества, хиреет и гибнет.

Можно ли вообще говорить о цели капиталистического или социалистического производства, о задачах, которым подчинено капиталистическое или социалистическое производство? Я думаю, что можно и должно.

Маркс говорит:

«Непосредственной целью капиталистического производства является производство не товаров, а прибавочной стоимости или прибыли в ее развитой форме; не продукта, а прибавочного продукта. С этой точки зрения самый труд производителен лишь постольку, поскольку он создает прибыль или прибавочный продукт для капитала. Поскольку рабочий этого не создает, его труд непроизводителен. Масса примененного производительного труда, следовательно, представляет для капитала интерес лишь постольку, поскольку благодаря ей — или соответственно ей — растет количество прибавочного труда; лишь постольку необходимо то, что мы назвали необходимым рабочим временем. Поскольку труд не дает этого результате, он является излишним и должен быть прекращен.

Цель капиталистического производства всегда состоит в создании максимума прибавочной стоимости или максимума прибавочного продукта с минимумом авансированного капитала; поскольку этот результат не достигается чрезмерным трудом рабочих, возникает тенденция капитала, состоящая в стремлении произвести данный продукт с возможно меньшей затратой, — в стремлении к сбережению рабочей силы и издержек...

Сами рабочие представляются при таком понимании тем, чем они действительно являются в капиталистическом производстве, — только средствами производства, а не самоцелью и не целью производства». (См. «Теории прибавочной стоимости», том II, часть 2.)

Эти слова Маркса замечательны не только в том отношении, что они коротко и точно определяют цель капиталистического производства, но и в том отношении, что они намечают ту основную цель, ту главную задачу, которая должна быть поставлена перед социалистическим производством.

Следовательно, цель капиталистического производства — извлечение прибылей. Что касается потребления, оно нужно капитализму лишь постольку, поскольку оно обеспечивает задачу извлечения

прибылей. Вне этого вопрос о потреблении теряет для капитализма смысл. Человек с его потребностями исчезает из поля зрения.

Какова же цель социалистического производства, какова та главная задача, выполнению которой должно быть подчинено общественное производство при социализме?

Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей. Цель социалистического производства, как говорится в «Замечаниях» т. Сталина: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества».

Тов. Ярошенко думает, что он имеет здесь дело с «приматом» потребления перед производством. Это, конечно, недомыслие. На самом деле мы имеем здесь дело не с приматом потребления, а с подчинением социалистического производства основной его цели обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Следовательно, обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, — это **цель** социалистического производства; непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники, — это **средство** для достижения цели. Таков основной экономический закон социализма.

Желая сохранить так называемый «примат» производства перед потреблением, т. Ярошенко утверждает, что «основной экономический закон социализма» состоит «в непрерывном росте и совершенствовании производства материальных и культурных условий общества». Это совершенно неверно. Тов. Ярошенко грубо извращает и портит формулу, изложенную в «Замечаниях» т. Сталина. У него производство из средства превращается в цель, а обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества — исключается. Получается рост производства для роста производства, производство, как самоцель, а человек с его потребностями исчезает из поля зрения тов-ща Ярошенко.

Поэтому неудивительно, что вместе с исчезновением человека, как цели социалистического производства, исчезают в «концепции» тов-ща Ярошенко последние остатки марксизма.

Таким образом, у т. Ярошенко получился не «примат» производства перед потреблением, а что-то вроде «примата» буржуазной идеологии перед идеологией марксистской.

3. Особо стоит вопрос о марксовой теории воспроизводства. Тов. Ярошенко утверждает, что марксова теория воспроизводства является теорией только лишь капиталистического воспроизводства, что она не содержит чего-либо такого, что могло бы иметь силу для других общественных формаций, в том числе для социалистической общественной формации. Он говорит:

«Перенесение схемы воспроизводства Маркса, разработанной им для капиталистического хозяйства, на социалистическое общественное производство является продуктом догматического понимания учения Маркса и противоречит сущности его учения». (См. речь т. Ярошенко на Пленуме дискуссии.)

Он утверждает далее, что «Схема воспроизводства Маркса не соответствует экономическим законам социалистического общества и не может служить основой для изучения социалистического воспроизводства». (См. там же.)

Касаясь марксовой теории простого воспроизводства, где устанавливается определенное соотношение между производством средств производства (I-ое подразделение) и производством средств потребления (II-ое подразделение), т. Ярошенко говорит:

«Соотношение между первым и вторым подразделениями не обусловливается в социалистическом обществе формулой Маркса В+М первого подразделения и С второго подразделения. В условиях социализма указанная взаимосвязь в развитии между первым и вторым подразделениями не должна иметь места». (См. там же.)

Он утверждает, что «Разработанная Марксом теория о соотношениях I и II подразделений неприемлема в наших социалистических условиях, так как в основе теории Маркса лежит капиталистическое хозяйство с его законами». (См. письмо т. Ярошенко на имя членов Политбюро.)

Так разносит т. Ярошенко марксову теорию воспроизводства.

Конечно, марксова теория воспроизводства, выработанная в результате изучения законов капиталистического производства, отражает специфику капиталистического производства и, естественно, облечена в форму товарно-капиталистических стоимостных отношений. Иначе и не могло быть. Но видеть в марксовой теории воспроизводства только эту форму и не замечать ее основы, не замечать ее основного содержания, имеющего силу не только для капиталистической общественной формации, — значит ничего не понять в этой теории. Если бы т. Ярошенко понимал что-либо в этом деле, то он понял бы и ту очевидную истину, что марксовы схемы воспроизводства отнюдь не исчерпываются отражением специфики капиталистического производства, что они содержат вместе с тем целый ряд основных положений воспроизводства, имеющих силу для всех общественных формаций, в том числе и особенно для социалистической общественной формации. Такие основные положения марксовой теории воспроизводства, как положение о разделении общественного производства на производ-

ство средств производства и производство средств потребления; положение о преимущественном росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве; положение о соотношении между I и II подразделениями; положение о прибавочном продукте как единственном источнике накопления; положение об образовании и назначении общественных фондов; положение о накоплении как единственном источнике расширенного воспроизводства — все эти основные положения марксовой теории воспроизводства являются теми самыми положениями, которые имеют силу не только для капиталистической формации и без применения которых не может обойтись ни одно социалистическое общество при планировании народного хозяйства. Характерно, что сам т. Ярошенко, так высокомерно фыркающий на марксовы «схемы воспроизводства», вынужден сплошь и рядом прибегать к помощи этих «схем» при обсуждении вопросов социалистического воспроизводства.

А как смотрели на это дело Ленин, Маркс?

Всем известны критические замечания Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». В этих замечаниях Ленин, как известно, признал, что марксова формула соотношения между I и II подразделениями, против которой ополчается т. Ярошенко, остается в силе как для социализма, так и для «чистого коммунизма», т. е. для второй фазы коммунизма.

Что касается Маркса, то он, как известно, не любил отвлекаться в сторону от изучения законов капиталистического производства и не занимался в своем «Капитале» вопросом о применимости его схем воспроизводства к социализму. Однако в 20 главе II тома «Капитала» в рубрике «Постоянный капитал подразделения I», где он трактует об обмене продуктов I подразделения внутри этого подразделения, Маркс как бы мимоходом замечает, что обмен продуктов в этом подразделении протекал бы при социализме с таким же постоянством, как при капиталистическом производстве. Маркс говорит:

«Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что продукты подразделения I в целях воспроизводства не с меньшим постоянством распределялись бы как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно осталась бы в той сфере производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие места производства, и таким образом между различными местами производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях» (см. Маркс, «Капитал», т. II, изд. 8-е, стр. 307).

Следовательно, Маркс вовсе не считал, что его теория воспроизводства имеет силу только лишь для капиталистического производства, хотя он и занимался исследованием законов капиталистического производства. Наоборот, он, как видно, исходил из того, что его теория воспроизводства может иметь силу и для социалистического производства.

Следует отметить, что Маркс в «Критике Готской программы» при анализе экономики социализма и переходного периода к коммунизму исходит из основных положений своей теории воспроизводства, считая их очевидно обязательными для коммунистического строя.

Следует также отметить, что Энгельс в своем «Анти-Дюринге», критикуя «социалитарную систему» Дюринга и характеризуя экономику социалистического строя, также исходит из основных положений теории воспроизводства Маркса, считая их обязательными для коммунистического строя.

Таковы факты.

Выходит, что и здесь, в вопросе о воспроизводстве, т. Ярошенко, несмотря на его развязный тон в отношении «схем» Маркса, оказался вновь на мели.

4. Свое письмо на имя членов Политбюро т. Ярошенко кончает предложением — поручить ему составить «Политическую экономию социализма». Он пишет:

«Исходя из изложенного мною на пленарном заседании, секции и в настоящем письме определения предмета науки политической экономии социализма, используя марксистский диалектический метод, я могу в течение года, не более полтора года, при помощи двух человек, разработать теоретические решения основных вопросов политической экономии социализма; изложить марксистскую, ленинско-сталинскую теорию политической экономии социализма, теорию, которая превратит эту науку в действенное орудие борьбы народа за коммунизм».

Нельзя не признать, что т. Ярошенко не страдает скромностью. Более того, пользуясь стилем некоторых литераторов, можно сказать: «даже совсем наоборот».

Выше уже говорилось, что т. Ярошенко смешивает политическую экономию социализма с хозяйственной политикой руководящих органов. То, что он считает предметом политической экономии социализма — рациональная организация производительных сил, планирование народного хозяйства, образование общественных фондов и т. д. — является не предметом политической экономии социализма, а предметом хозяйственной политики руководящих органов.

Я уже не говорю о том, что серьезные ошибки, допущенные

т. Ярошенко, и его немарксистская «точка зрения» не располагают к тому, чтобы дать т. Ярошенко такое поручение.

* * *

Выводы:

1) Жалоба т. Ярошенко на руководителей дискуссии лишена смысла, так как руководители дискуссии, будучи марксистами, не могли отразить в своих обобщающих документах немарксистскую «точку зрения» т. Ярошенко;

2) просьбу т. Ярошенко поручить ему написать Политическую экономию социализма — нельзя считать серьезной, хотя бы потому, что от нее разит хлестаковщиной.

И. СТАЛИН

22 мая 1952 г.

ОТВЕТ ТОВАРИЩАМ САНИНОЙ А. В. И ВЕНЖЕРУ В. Г.

Я получил ваши письма. Как видно, авторы этих писем глубоко и серьезно изучают проблемы экономики нашей страны. В письмах имеется немало правильных формулировок и интересных соображений. Однако наряду с этим там имеются и некоторые серьезные теоретические ошибки. В настоящем ответе я думаю остановиться на этих именно ошибках.

1. Вопрос о характере экономических законов социализма

Т. т. Санина и Венжер утверждают, что «только благодаря сознательному действию советских людей, занятых материальным производством, и возникают экономические законы социализма». Это положение совершенно неправильно.

Существуют ли закономерности экономического развития объективно, вне нас, независимо от воли и сознания людей? Марксизм отвечает на этот вопрос положительно. Марксизм считает, что законы политической экономии социализма являются отражением в головах людей объективных закономерностей, существующих вне нас. Но формула т.т. Саниной и Венжера отвечает на этот вопрос отрицательно. Это значит, что эти товарищи становятся на точку зрения неправильной теории, утверждающей, что законы экономического развития при социализме «создаются», «преобразуются» руководящими органами общества. Иначе говоря, они рвут с марксизмом и становятся на путь субъективного идеализма.

Конечно, люди могут открыть эти объективные закономерности, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества. Но они не могут ни «создавать» их, ни «преобразовать».

Допустим, что мы стали на минутку на точку зрения неправильной теории, отрицающей существование объективных закономерностей в экономической жизни при социализме и провозглашающей возможность «создания» экономических законов, «преобразования» экономических законов. К чему это привело бы? Это привело бы к тому, что мы попали бы в царство хаоса и случайностей, мы очутились бы в рабской зависимости от этих случайностей, мы лишили бы себя возможности не то что понять, а просто разобраться в этом хаосе случайностей.

Это привело бы к тому, что мы ликвидировали бы политическую экономию как науку, ибо наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей. Ликвидировав же науку, мы лишили бы себя возможности предвидеть ход событий в экономической жизни страны, то есть мы лишили бы себя возможности наладить хотя бы самое элементарное экономическое руководство.

В конечном счете мы оказались бы во власти произвола «экономических» авантюристов, готовых «уничтожить» законы экономического развития и «создать» новые законы без понимания и учета объективных закономерностей.

Всем известна классическая формулировка марксистской позиции по этому вопросу, данная Энгельсом в его «Анти-Дюринге»:

«Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства, и его защитники, — до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в молниях грозы и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человеку. Когда с современными производительными силами станут обра-

щаться сообразно с их познанной, наконец природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт порабощает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению».

2. Вопрос о мерах повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности.

Какие мероприятия необходимы для того, чтобы поднять колхозную собственность, которая является, конечно, не общенародной собственностью, до уровня общенародной («национальной») собственности?

Некоторые товарищи думают, что необходимо просто национализировать колхозную собственность, объявив ее общенародной собственностью, по примеру того, как это было сделано в свое время с капиталистической собственностью. Это предложение совершенно неправильно и безусловно неприемлемо. Колхозная собственность есть социалистическая собственность, и мы никак не можем обращаться с ней как с капиталистической собственностью. Из того, что колхозная собственность является не общенародной собственностью, ни в коем случае не следует, что колхозная собственность не является социалистической собственностью.

Эти товарищи полагают, что передача собственности отдельных лиц и групп в собственность государства является единственной или, во всяком случае, лучшей формой национализации. Это неверно. На самом деле передача в собственность государства является не единственной и даже не лучшей формой национализации, а первоначальной формой национализации, как правильно говорит об этом Энгельс в «Анти-Дюринге». Безусловно, что пока существует государство, передача в собственность государства является наиболее понятной первоначальной формой национализации. Но государство будет существовать не на веки вечные. С расширением сферы действия социализма в большинстве стран мира государство будет отмирать, и, конечно, в связи с этим отпадет вопрос о передаче имущества отдельных лиц и групп в собственность государству. Государство отомрет, а общество

останется. Следовательно, в качестве преемника общенародной собственности будет выступать уже не государство, которое отомрет, а само общество в лице его центрального, руководящего экономического органа.

Что же в таком случае нужно предпринять, чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности?

В качестве основного мероприятия для такого повышения колхозной собственности т.т. Санина и Венжер предлагают: продать в собственность колхозам основные орудия производства, сосредоточенные в машинно-тракторных станциях, разгрузить таким образом государство от капитальных вложений в сельское хозяйство и добиться того, чтобы сами колхозы несли на себе ответственность за поддержание и развитие машинно-тракторных станций. Они говорят:

«Было бы неправильно полагать, что колхозные вложения должны будут главным образом направляться на нужды культуры колхозной деревни, е на нужды сельскохозяйственного производства по-прежнему основную массу вложений должно будет производить государство. А не верней ли будет освободить государство от этого бремени,* ввиду полной способности колхозов принять это бремя всецело на себя. У государства найдется немало дел для вложения своих средств в целях создания в стране изобилия предметов потребления».

Для обоснования этого предложения авторы предложения выдвигают несколько доводов.

Во-первых. Ссылаясь на слова Сталина о том, что средства производства не продаются даже колхозам, авторы предложения подвергают сомнению это положение Сталина, заявляя, что государство все же продает средства производства колхозам, такие средства производства, как мелкий инвентарь, вроде кос и серпов, мелких двигателей и т. д. Они считают, что если государство продает колхозам эти средства производства, то оно могло бы продать им и все другие средства производства вроде машин МТС.

Этот довод несостоятелен. Конечно, государство продает колхозам мелкий инвентарь, как это полагается по Уставу сельскохозяйственной артели и по Конституции. Но можно ли ставить на одну доску мелкий инвентарь и такие основные средства производства в сельском хозяйстве, как машины МТС, или, скажем, земля, которая тоже ведь является одним из основных средств производства в сельском хозяйстве? Ясно, что нельзя. Нельзя, так как мелкий инвентарь ни в какой степени не решает судьбу колхозного производства, тогда как такие средства производства, как машины МТС и земля, всецело решают судьбу сельского хозяйства в наших современных условиях.

Нетрудно понять, что когда Сталин говорил о том, что средства производства не продаются колхозам, он имел в виду не мелкий инвентарь, а основные средства сельскохозяйственного производства: машины МТС, земля. Авторы играют словами «средства производства» и смешивают две различные вещи, не замечая, что они попадают впросак.

Во-вторых. Т. т. Санина и Венжер ссылаются далее на то, что в период начала массового колхозного движения — в конце 1929 и в начале 1930 годов ЦК ВКП(б) сам стоял за то, чтобы передать в собственность колхозам машинно-тракторные станции, требуя от колхозов погасить стоимость машинно-тракторных станций в течение трех лет. Они считают, что хотя тогда это дело и провалилось «ввиду бедности» колхозов, но теперь, когда колхозы стали богатыми, можно было бы вернуться к этой политике — продаже колхозам МТС.

Этот довод также несостоятелен. В ЦК ВКП(б) действительно было принято решение о продаже МТС колхозам в начале 1930 года. Решение это было принято по предложению группы ударников-колхозников в виде опыта, в виде пробы, с тем, чтобы в ближайшее время вернуться к этому вопросу и вновь его рассмотреть. Однако первая же проверка показала нецелесообразность этого решения, и через несколько месяцев, а именно в конце 1930 года, решение было отменено.

Дальнейший рост колхозного движения и развитие колхозного строительства окончательно убедили как колхозников, так и руководящих работников, что сосредоточение основных орудий сельскохозяйственного производства в руках государства, в руках машинно-тракторных станций является единственным средством обеспечения высоких темпов роста колхозного производства.

Мы все радуемся колоссальному росту сельскохозяйственного производства нашей страны, росту зернового производства, производства хлопка, льна, свеклы и т. д. Где источник этого роста? Источник этого роста в современной технике, в многочисленных современных машинах, обслуживающих все эти отрасли производства. Дело тут не только в технике вообще, а в том, что техника не может стоять на одном месте, она должна все время совершенствоваться, что старая техника должна выводиться из строя и заменяться новой, а новая — новейшей. Без этого немыслим поступательный ход нашего социалистического земледелия, немыслимы ни большие урожаи, ни изобилие сельскохозяйственных продуктов. Но что значит вывести из строя сотни тысяч колесных тракторов и заменить их гусеничными, заменить десятки тысяч устаревших комбайнов новыми, создать новые машины, скажем, для технических культур? Это значит нести миллиардные расходы,

которые могут окупиться лишь через 6—8 лет. Могут ли поднять эти расходы наши колхозы, если даже они являются миллионерами? Нет, не могут, так как они не в состоянии принять на себя миллиардные расходы, которые могут окупиться лишь через 6—8 лет. Эти расходы может взять на себя только государство, ибо оно и только оно в состоянии принять на себя убытки от вывода из строя старых машин и замены их новыми, ибо оно и только оно в состоянии терпеть эти убытки в течение 6—8 лет с тем, чтобы по истечении этого срока возместить произведенные расходы.

Что значит после всего этого требовать продажи МТС в собственность колхозам? Это значит вогнать в большие убытки и разорить колхозы, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства.

Отсюда вывод: предлагая продажу МТС в собственность колхозам, т. т. Санина и Венжер делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории.

Допустим на минутку, что мы приняли предложение т. т. Саниной и Венжера и стали продавать в собственность колхозам основные орудия производства, машинно-тракторные станции. Что из этого получилось бы?

Из этого получилось бы, во-первых, что колхозы стали бы собственниками основных орудий производства, т. е. они попали бы в исключительное положение, какого не имеет в нашей стране ни одно предприятие, ибо, как известно, даже национализированные предприятия не являются у нас собственниками орудий производства. Чем можно обосновать это исключительное положение колхозов, какими соображениями прогресса, продвижения вперед? Можно ли сказать, что такое положение способствовало бы повышению колхозной собственности до уровня общенародной собственности, что оно ускорило бы переход нашего общества от социализма к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что такое положение могло бы лишь отдалить колхозную собственность от общенародной собственности и привело бы не к приближению к коммунизму, а, наоборот, к удалению от него?

Из этого получилось бы, во-вторых, расширение сферы действия товарного обращения, ибо колоссальное количество орудий сельскохозяйственного производства попало бы в орбиту товарного обращения. Как думают т. т. Санина и Венжер, может ли способствовать расширение сферы товарного обращения нашему продвижению к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что оно может лишь затормозить наше продвижение к коммунизму?

Основная ошибка т. т. Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при со-

циализме, не понимают, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму. Они, видимо, думают, что можно и при товарном обращении перейти от социализма к коммунизму, что товарное обращение не может помешать этому делу. Это глубокое заблуждение, возникшее на базе непонимания марксизма.

Критикуя «хозяйственную коммуну» Дюринга, действующую в условиях товарного обращения, Энгельс в своем «Анти-Дюринге» убедительно доказал, что наличие товарного обращения неминуемо должно привести так называемые «хозяйственные коммуны» Дюринга к возрождению капитализма. Т. т. Санина и Венжер, видимо, не согласны с этим. Тем хуже для них. Ну а мы, марксисты, исходим из известного марксистского положения о том, что переход от социализма к коммунизму и коммунистический принцип распределения продуктов по потребностям исключают всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары, а вместе с тем и превращение их в стоимость.

Так обстоит дело с предложением и доводами т. т. Саниной и Венжера.

Что же в конце концов следует предпринять, чтобы повысить колхозную собственность до уровня общенародной собственности?

Колхоз есть предприятие необычное. Колхоз работает на земле и обрабатывает землю, которая давно уже является не колхозной, а общенародной собственностью. Следовательно, колхоз не является собственником обрабатываемой им земли.

Далее. Колхоз работает при помощи основных орудий производства, представляющих не колхозную, а общенародную собственность. Следовательно, колхоз не является собственником основных орудий производства.

Дальше. Колхоз — предприятие кооперативное, он пользуется трудом своих членов и распределяет доходы среди членов по трудодням, причем у колхоза есть свои семена, которые ежегодно возобновляются и идут в производство.

Спрашивается: чем же собственно владеет колхоз, где та колхозная собственность, которой он может распоряжаться вполне свободно, по собственному усмотрению? Такой собственностью является продукция колхоза, продукция колхозного производства: зерно, мясо, масло, овощи, хлопок, свекла, лен и т. д., не считая построек и личного хозяйства колхозников на усадьбе. Дело в том, что значительная часть этой продукции, излишки колхозного производства поступают на рынок и включаются таким образом в систему товарного обращения. Это именно обстоятельство и мешает сейчас поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности. Поэтому именно с этого конца и нужно

развернуть работу по повышению колхозной собственности до уровня общенародной.

Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть.

У нас нет еще развитой системы продуктообмена, но есть зачатки продуктообмена в виде «отоваривания» сельскохозяйственных продуктов. Как известно, продукция хлопководческих, льноводческих, свекловичных и других колхозов уже давно «отоваривается», правда, «отоваривается» не полностью, частично, но все же «отоваривается». Заметим мимоходом, что слово «отоваривание» неудачное слово, его следовало бы заменить продуктообменом. Задача состоит в том, чтобы эти зачатки продуктообмена организовать во всех отраслях сельского хозяйства и развить их в широкую систему продуктообмена с тем, чтобы колхозы получали за свою продукцию не только деньги, а главным образом необходимые изделия. Такая система потребует громадного увеличения продукции, отпускаемой городом деревне, поэтому ее придется вводить без особой торопливости, по мере накопления городских изделий. Но вводить ее нужно неуклонно, без колебаний, шаг за шагом сокращая сферу действия товарного обращения и расширяя сферу действия продуктообмена.

Такая система, сокращая сферу действия товарного обращения, облегчит переход от социализма к коммунизму. Кроме того, она даст возможность включить основную собственность колхозов, продукцию колхозного производства в общую систему общенародного планирования.

Это и будет реальным и решающим средством для повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности при наших современных условиях.

Выгодна ли такая система для колхозного крестьянства? Безусловно выгодна. Выгодна, так как колхозное крестьянство будет получать от государства гораздо больше продукции и по более дешевым ценам, чем при товарном обращении. Всем известно, что колхозы, имеющие с правительством договора о продуктообмене («отоваривание»), получают несравненно больше выгод, чем колхозы, не имеющие таких договоров. Если систему продуктообмена распространить на все колхозы в стране, то эти выгоды станут достоянием всего нашего колхозного крестьянства.

И. СТАЛИН

1952 г. 28 сентября.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перечитывая сейчас «Экономические проблемы социализма в СССР», естественно, приходишь к выводу, что это лучшее в политэкономической, обществоведческой литературе о новой формации за последние полвека. Автор четко и без всяких красивостей излагает свои мысли, знает, чего хочет и куда вести страну, никогда не теряет чувство ответственности и потому внушает доверие.

Все это, однако, не означает, что «Проблемы» лишены недостатков. Так, Сталин непоследователен при рассмотрении действия закона стоимости в социалистическом народном хозяйстве. По его мнению, оно обладает двойственной природой: средства производства создаются здесь как продукт прямого производительного потребления и применяются, не выходя из общенародной собственности; предметы потребления производятся как товары и подвержены всем перипетиям купли — продажи. Сталин не выявил качественной разницы между предметами потребления, оседающими в общенародном секторе экономики, возмещающими рабочую силу работников государственных предприятий и организаций, с одной стороны, и предметами потребления, продаваемыми колхозам и колхозникам, единоличникам, за рубеж, — с другой. В первом случае — возмещение рабочей силы, не носящей характера товара, то, что именовалось государственной торговлей, выступало как всего лишь товарно-денежная форма распределения по труду, во втором — речь шла о межсобственнической торговле как таковой. Неучет этой качественной разницы позволил потом «рыночникам», совершенно распоясавшимся в годы «перестройки», смазать специфику социалистических производственных отношений во имя утверждения на их место слегка прикрытых формул капиталистического хозяйствования, разглагольствовать о рынке «вообще», в то время как социализм допускает всего лишь «рынок» потребительских благ, но не рынок капитала и рабочей силы. Данный пример наглядно показал, что на первый взгляд маленькая уступка или неточность в методологии со временем способна вырасти в гигантский просчет всемирно-исторического масштаба, способный поставить под вопрос существование целой общественной системы.

К сожалению, несмотря на ряд верных замечаний о роли общественных и личных потребностей при социализме, Сталин четко не поставил вопрос о месте закона стоимости при определении соотношения между затратами и результатами производства. Он был близок к тому, чтобы определить критерий эффективности социалистической экономики как отношение произведенной полезности к израсходованным ресурсам, но, не имея соответствующих методик (которых, кстати, нет и по сие время), не решил проблему.

Большой ошибкой Сталина был сделанный под влиянием послевоенных успехов Советского Союза и подъема революционно-освободительного движения в мире прогноз, «что сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам будет не расширяться, а сокращаться, что условия мирового рынка сбыта для этих стран будут ухудшаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться». Верно, конечно, что в известный период времени после распада единого капиталистического мирового рынка на два — капиталистический и социалистический — дела шли по этой схеме. Но мировой капитал не дремал и усиленно изыскивал средства своей подпитки. Одним из них явилось использование достижений научно-технической революции, смелый переход к эксплуатации преимущественно квалифицированной (интеллектуальной) рабочей силы, другим — умелое маневрирование в ходе национально-освободительных революций и распада колониальной системы империализма.

Теперь очевидно, что коммунисты не использовали свой исторический шанс и длительное историческое время для обеспечения прочного перевеса сил. Создав в «третьем», бывшем колониальном мире резерв своего экстенсивного роста, рынок сбыта и сырьевую базу, капитализм «вывернулся» на несколько десятилетий из грозившей беды, а сейчас перешел в контрнаступление. Разумеется, Сталин не ответствен за недальновидность и предательство своих последующих преемников. Но и он мог бы быть прозорливее, особенно в отношении оценки научно-технического прогресса и «зрелости», «жизнестойкости» социалистического общества.

Ричард КОСОЛАПОВ

Аркадий КРАСНОЯРЦЕВ

РОССИИ НЕ ИССЯКНУТЬ И НЕ СГИНУТЬ...

(Старая сказка на новый лад)

Над Русью вновь творят эксперименты,
Нас довели до нищенской сумы.
Из-за границ к нам едут диссиденты,
Предатели выходят из тюрьмы.

Славянское единство развалилось,
Но нашу несгибаемую Русь
Враг не увидит сдавшейся на милость —
Я в этом чем угодно поклянусь.

Пока живет в народе дух бунтарский,
Пока понятье «Родина» в чести —
Всегда найдутся Минин и Пожарский,
Чтоб Русское Отечество спасти.

России не иссякнет и не сгинет,
Как ни желали б этого врагя.
Она одежды импортные скинет,
Наденет, если нужно, сапоги;

Не станет слушать сумасбродных песен,
Народ губящих хуже, чем вино,
Сметет с экранов импортную плесень,
И к нам вернется доброе кино.

К нам радостная песня возвратится,
В которой есть мотив и есть слова.
В Российскую столицу превратится
Из чужеземной ярмарки Москва.

Так будет! Это знаю, в это верю!
России предстоит еще открыть
В блистательное будущее двери,
И это никому не отменить!

России не иссякнуть и не сгинуть,
И по миру с сумою не летать.
Ей нужно шкуру импортную скинуть,
Чтоб из лягушки вновь царевной стать!

Мурманск

Сергей АРИНЧИН

ИКАРЫ

* * *

Не за стеклом — а у моей руки
Глянцует дождь дрожащих листьев стаю,
И под дождем гулиют сквозняки,
Охапки запахов рассеянно теряя.

Пора дождей. В плену лесных полян
В такое время стыло и тревожно,
И низких туч косматый караван
Мое пристанище минует осторожно.

Не жгу костер и не спешу уйти —
Один как перст и в целом мирозданье.
Пора дождей... Пора с ума сойти
От этой грусти на лесной поляне...

В сыром бору по злому колдовству —
Черны стволы у корабельных сосен...
И я Тебя с небес, как Свет, зову, —
Но дождь мой голос по земле разносит...

* * *

В холщовых рубищах, босые,
Из дальней Русской стороны
Икары к солнцу возносили
Мечту с отчаяньем земным.
От нищих изб и горькой доли,
От страдной муки в черный год,

От неизбывной жажды воли
Рождался трепетный полет.
От белых птиц на небе синем,
От тонких всхлипов жеребят
В душе мятежной зрела сила —
Обнять пылающий закат.
За миг беспечный и крылатый
И за истошный крик «ЛЕЧУ-У!!!»
Они несли на камни плату
И шли на плаху к палачу.

Мне б зачерпнуть воды студеной
В живых ключах моей земли
Для этих крыльев опаленных,
Что так немногое смогли,
Что так немногое успели
Отнять у грязи и тщеты,
Что так неистово горели
И обрывались с высоты, —
Для тех родных — безвестных, первых —
Чья вера в Небеса жива
Лазурно-чистым светом в Нерли
И куполами Покрова.

* * *

Блестит над Экондой звезда,
Простор пустынен и печален,
И сопок низкая гряда
Всплывает лунными ночами.

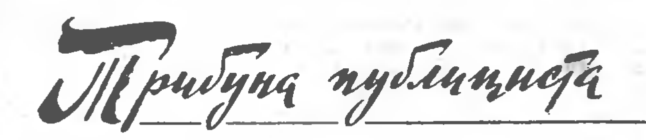
Печурка греет зимовье,
Куржак подтаял на окошке...
Впотьмах напарник мой дотошный
Угрюмо возится с ружьем.

Ему в ответ киваю: «Да...»
Я тоже этим опечален, —
Что жизнь уходит, как вода,
Плывем — и некуда причалить.

Что так доверчиво хотим
От жизни безупречных истин,
Что тишину калечит выстрел
В том мире, где сейчас гостим.

И — кто мы?.. То ли мы в плену
У затаившейся Природы, —
То ль это Высшая Свобода —
С Ней слиться в Истину одну?..

Красноярск

Владимир ЁРГУС

МИРОВЫЕ ТЕМНЫЕ СИЛЫ

Публикация в журнале «Молодая гвардия» (№ 3—4) за 1992 год материалов, касающихся деятельности «пятой колонны» в предвоенное время (глава из книги И. Ландовского «Красная симфония») — событие в общественно-политической жизни страны весьма заметное, ибо последние тридцать лет, можно сказать, эта тема не «выходила» за пределы мадридского двора, оставаясь тайной за семью печатями. Нельзя, правда, назвать и этот «прорыв» слишком удачным, однако «исповедь» первого посла СССР во Франции Х. Г. Раковского дает основание для серьезного разговора о деятельности международных темных сил, предвоенный характер которых стал все сильнее и явственнее проявлять себя в нашей действительности.

Но нельзя не отдать и должное таланту Раковского или тем, кто ему помогал, в деле подмены сути изложенного, когда основной фон «пятой колонны» как бы растворяется в событиях, а на его место приходит «Маркс-конспиратор» и доминирует над всем происходящим. Тут уж следователь Габриель (Рэне Дюваль — Г. Г. Кузьмин), кажущийся И. Ландовскому «достойным ему (Раковскому) противником», сам воспринимается не иначе как декорация, оставляя читателю возможность гадать, что же стало подспорьем к уникальности речей обвиняемого, борющегося за выживание: то ли выпитое виски, то ли принятый наркотик, а может — сам божий дар...

Тем не менее стержень проблемы, характеризующий политическую стезю троцкизма в «пятой колонне», обозначился четко. Можно, конечно, спорить о том, была ли у Раксвского возможность в ту ночь изъясняться именно так или этот материал составлялся другими ночами и без свидетелей? Но суть троцкизма от этого не изменится, как не изменится характер пресловутой «пятой колонны», сцементированной этим мелкобуржуазным творчеством.

Тот факт, что мелкая буржуазия Европы как в преддверии, так и во время второй мировой войны не оказывала сопротивления гитлеровскому фашизму, а зачастую и сотрудничала с ним, говорит сам за себя. Но немаловажен и другой факт, свидетельствующий о том, что крупный капитал США в критическое время 1941—1942 годов пошел на сотрудничество со Сталиным не только в деле организации второго фронта, но, как показывает публикация Германа Смирнова в том же номере журнала «Молодая гвардия» (статья «Как создавалось сионистское государство, или К истории «советской» атомной бомбы»), в деле создания атомного оружия, что потребовало от Сталина, по мнению Германа Смирнова, согласия на создание государства Израиль.

Но, касаясь темы создания нового государства, нельзя не вспомнить слова Раковского: «Когда массы овладевают городом или государством, то они всегда проявляют что-то вроде суеверного страха перед банками и банкирами». И что примечательно? Когда в наши дни политики патриотического направления берутся за обсуждение финансовых дел в государстве, они, как правило, уповают на хороших банкиров и обходят тему реализации прибавочной стоимости Маркса, то есть прибыли в государстве, которая и определяет его судьбу. В возникающих спорах позиция государственника через хорошего банкира упирается в выводы книги английского автора Дугласа Рида «Спор о Сионе», в которой «выводы» Раковского о «Марксе-конспираторе» значительно усилены. Раковский же подает пример высочайшего мошенничества в марксизме. Прибавочную стоимость он уводит от обсуждения, ставя на ее место посредника-банкира. А поскольку Габриель не может возразить по поводу того, что с помощью марксизма мы могли бы сами анализировать движение прибавочной стоимости и ее влияние на собственное благосостояние безо всякого посредника, то ловкий троцкист интересы человека труда с пролетарского интернационализма «переводит» на космополитизм банкиров.

Сам по себе спор о выводах Раковского был бы долгим и утомительным. И даже не потому, что долго пришлось бы разбираться в расставленных эзотеризмах, где «царствуют мрачный Ужас и плачущая Жалость». Однако в конце «исповеди» подсудимого появляется фигура влиятельнейшего свидетеля, который теме «пятой колонны» никак не дает раствориться в душевных муках троцкиста. Имя этого свидетеля Раковский произносит с чувством истинного страха, ибо это, по его мнению, один из самых влиятельных людей США и «его назначение было сделано с целью новой увязки ИХ», то есть людей, опекавших и самого Троцкого. Имя предвоенного американского посла Джозефа Дэвиса в Москве появляется неожиданно, как неожиданно и само выступление троцкиста Раковского против Троцкого и «пятой колонны». Но громогласные заявления Дэвиса в конце 1941 года по деятельности пятой колонны делаются не в целях «специального интереса», а с целью торпедировать это троцкистское движение вообще. Более того, эти заявления конца 41-го года органически отражаются на событиях статьи Германа Смирнова в 42-м и далее.

То, что засвечивается «игра» и Раковского, и Троцкого, и Дэвиса в одни ворота, а точнее — на клан Ротшильдов, не вызывает особого удивления. Хотя, как следует из повествования И. Ландовского, во время процесса, на котором судили и Раковского, последний подал «тайно знак масонского приветствия» Дэвису. То есть «игра» эта велась на высоком уровне. Поражают даты «специального интереса» в 193В году и интереса всеобщего в 1941-м. Именно в это время меняются взаимоотношения между троцкистами из «пятой колонны» и кланом Ротшильдов: сначала ссора в 1938-м, а затем резкая конфронтация в конце 41-го. В это же время меняется отношение Гитлера к евреям на территориях, захваченных им, достигая (с 1942 года) полутарагодовой «ночи длинных ножей»...

Впервые понятию «пятой колонны» суждено было появиться в 1936 году при взятии испанскими фашистами Мадрида. Четыре колонны шедших к городу франкистов назвали свою агентуру, действующую в Мадриде, «пятой колонной». С тех пор только кадры кинохроники оставили шествия всевозможных фашистских колонн по столицам европейских государств, в которых не было значительных разрушений, а было лишь моральное разложение боеспособных армий усилиями «пятых колонн», идеологически ориентированных на троцкистов.

Оправдывая идею перманентной революции Троцкого, его сподвижник Раковский в 1938 году будет каяться: «Нашей целью была провокация войны... А Гитлер — это была война». В данном случае под «нашей целью» и следует понимать основную задачу «пятой колонны», в то время как цель самого Лейбы Бронштейна (Льва Троцкого) сводилась к мировому «истинному социализму» через «пожар мировой революции». И все фашистские режимы рассматривались им как попутчики, необходимость которых должна со временем отпасть.

С другой стороны, сионистское руководство строит не менее глобальные планы. Ветхозаветную мировую тему «избранного Богом народа» можно решить только через создание на «обетованной земле» еврейского государства, как базы к продолжению «исхода». И сионистами Гитлер до поры до времени рассматривается как тягловая военная сила, способная устранить социализм, Сталина и произвести «раздел» в Палестине.

Но когда вдруг в 1938 году обнаруживается способность Гитлера бороться за мировое господство через захваченные финансовые рычаги Западной Европы, финансовый клан Ротшильдов идет на конфронтацию. Если «за 5 лет — с 1933 по 1938 год — сионистам удалось перекачать в Палестину... около 60 процентов всех инвестиций», то «при содействии нацистской Германии (заработавшей на этой операции около 50 миллионов долларов) закладывался экономический фундамент будущего Израиля». Ответные меры Гитлера сводятся уже к захвату заложников, путем концентрации евреев в гетто до начала 1942 года (что следует из материалов Нюрнбергского процесса). В создавшемся положении «пятая колонна» Троцкого оказывается в положении судьи Соломона, чья царственная участь уготована только нашедшему правильное решение. В противном случае слугу двух господ ждет жалкий конец.

Показания Раковского в 1938 году свидетельствуют, что какая-то часть «пятой колонны» пошла за Ротшильдами, изменив Троцкому. В противном случае «борьба» за выживание, естественным жительством на нарах советских троцкистов, выглядела бы каким-то анахронизмом.

Так или иначе толкотня двух национализмов на вершине финансовой власти мира в преддверии второй мировой войны должна была привести одну сторону к поражению. Печально, что нашей стране пришлось брать на себя всю трудность решения созданных этими национализмами проблем. Поэтому, рассматривая идеологический механизм троцкизма при воздействии на многие армии мира, нельзя не обратиться к началу его «работы» еще в Красной Армии.

В 1917 году Лев Троцкий примкнул к большевикам, когда в политических кругах России на роль третьего лидера правительства стал рассматриваться Ленин. Самому Ленину от текой оценки

признательности пришлось скрываться в Разливе. И если в тот год пули провокаторов его не достали, то на следующий год выстрел Фани Каплан чуть не сделал Троцкого четвертым главой правительства... Это при всем том, что верный сподвижник Лейбы Блюмкин выстрелом в посла Мирбаха организовал продолжение войны с Германией.

Когда в 1922 году стало ясно, что социалистическая революция ограничится просторами России и всем троцкистам мира не организовать еще один «пожар мировой революции» вблизи ее границ, Троцкому стало неуютно в правительственных коридорах власти. И он стал так бурно все осуждать в этой стране, что вскора уехал в те страны, с которыми воевал...

Казалось бы, парадокс! С кем сегодня Лейба воюет, завтра к тому едет жить. Но это только один парадокс из его биографии.

Конфликты Троцкого начались раньше, и результаты его поражений формировали в среде российских большевиков другое течение, возглавляемое Сталиным. Хорошо известно, что поражения Троцкого на фронтах гражданской войны приводили на эти фронты Сталина, и тот добивался победы. Как известно и то, что в таких случаях Сталин первым делом демонстративно снимал с высших командных должностей троцкистов и ставил на их место своих людей. И приход в 1922 году Сталина к руководству партией большевиков уже тогда знаменовал его победу над Троцким, прежде всего — над начавшей тогда уже формироваться «пятой колонной».

Во время гражданской войны Троцкий не мог себе позволить обвинять ненавистного ему Сталина в бонапартизме, как это делает Раковский. Находясь у руководства Красной Армии, он как бы не видел итога Великой французской революции с пришедшим к власти Наполеоном и уж тем более не представлял, что так вот, по-французски, революционную кровь из одной страны можно обратить в кровопролитие по всей Европе с помощью армии. Поэтому Троцкий вставлял только многозначительные фразы о термидоре, подобно тому как вставляют градусник под мышку больному, ибо диагноз «бонапартизма» хорошо дан в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». И рассчитывать на таких собеседников, как Габриель у Раковского, Троцкому не приходилось.

Собственно, работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» как раз и показывает механизм воздействия экстремизма на государственную армию с целью подчинения ее своему влиянию. На примере племянника Наполеона Маркс показывает «бонапартизм» середины XIX века во Франции, имеющий все аналогии с троцкизмом в XX веке. Теперь, в конце XX века, когда Советская Армия оказалась неотроцкистами тоже разделенной, уже нет необходимости демонстрировать работу Маркса на довоенных примерах: она звучит злободневно.

Луи Бонапарт Наполеон III «не только потерял свое звание французского гражданина, не только был специальным констеблем в Англии — он был к тому же натурализованным швейцарцем». Свое вхождение в большую французскую политику начал с противопоставления одних другим, используя «реакцию деревни против города». Добившись 10 декабря 1848 года на выборах определенного политического успеха, будущий первый президент французской республики создал «свою партийную боевую силу» в

лице «Общества 10 декабря». Маркс уточняет, что партийная структура Луи-Наполеона состояла из «тайных секций», то есть общество это было типичной масонской организацией, со всеми атрибутами жесткой власти международной финансовой буржуазии, хотя с виду ее состав следует именовать только развратной «богемой».

Касаясь идеологии новоиспеченного Наполеона, он сравнивает: подобно тому как «Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого Завета», так и Бонапарт внес «самую пеструю смесь вопиющих противоречий: союзы, в основе которых лежит разъединение; разнузданная бессодержательная агитация — во имя спокойствия, торжествующая проповедь спокойствия — во имя революции; страсти, лишенные истины; истины, лишенные страсти; герои без подвигов; история без событий». И вся эта чехарда длится до тех пор, пока «всеобщая воля нации» не находит «достойного выражения в лице закоренелых врагов интересов масс в своеволии одного флибустьера». Пока народ разбирается, что «дело идет не о споре на тему: «республика или монархия», а о чем-то другом», «Общество 10 декабря» делает решающий ход. «Обществу 10 декабря» предстояло до тех пор оставаться частной армией Бонапарта, пока ему не удастся превратить государственную армию в «Общество 10 декабря», а появление флибустьера Луи Бонапарта во главе армии приводит к крику буржуазный парламент республики: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!» И, что называется, Наполеон повел Францию, как «невесту к венцу, но только после того, как она была обесчещена...»

И давайте сравним события, запечатленные Марксом, с историей развала СССР, а ныне — России.

Горбачев долго пытается стравить одних с другими, но пожар разгорается с противопоставления интересов города и деревни. Сразу же появляется общество «Мемориал», лучше всех «знающее», кто кому больше задолжал и навязывающее своих кандидатов на выборах в Советы всех уровней. Партийная верхушка КПСС неожиданно свои интересы ориентирует в первую очередь на ветхозаветные десять заповедей второй книги Моисея, навязанные обществом «Мемориал». Лидер «Мемориала», академик А. Сахаров, вместо плановой системы народного хозяйства предлагает в плановом порядке осуществлять теорию конвергенции (космополитизма — по Елене Боннэр) и конституцию для государственной раздробленности. Пока народ решает, что же грядет: «государство или монархия», Горбачев просит добавить ему власти. Но когда ему дополнительные полномочия дают, он ими не пользуется, так как нужен-то ему абсолютный контроль над армией (которого и добивается, спровоцировав августовский «путч»). «Швейцарские» устремления богемной публики из «Мемориала» меняются на американские, а сама публика растекается по «народным фронтам» и мелким буржуазным партиям, которые и подставляет под политические удары. Сам «Мемориал» остается в результате «невидимым фронтом». На основе ветхозаветных «общечеловеческих ценностей» создается «Демплатформа» в КПСС, которая устраняет своих критиков от всякого руководства в государстве, а окраины СССР погружает в гражданскую войну: кровь льется, как в пятой книге того же Моисея... Воцарение Горбачева

над обесчещенной армией на деле оборачивается лишь передачей эстафеты следующему лидеру «Мемориала». И цикл «странного курса» повторяется уже над армией России. А западная пресса тем временем выискивает третий эшелон власти на смену ломающемуся лидеру «Мемориала». Возникает фигура В. Жириновского, к демократическому либерализму которого примеряются «цивилизованные» мерки подгона остатков армии СССР (к «швейцарским» стандартам).

Разумеется, что в предвоенное время «пятые колонны» Троцкого не ставили задачи полной переориентации армий государств на кого-то конкретно. Дело заканчивалось где-нибудь на «пении сирен», вначале притупляющих внимание, а при дальнейшем интересе — уводящих в пучину. Бонапартизм в этой политической игре как раз и являлся той «музыкой», чье звучание создавало «положительную интригу», говоря языком известного немецкого масона Николаи. Дальнейшие нюансы интриганства хорошо известны из политической лексики Геббельса, ибо эстафету от «пятых колонн» принимал он.

Однако сам Троцкий преодолел много морских пучин, прежде чем устроился с размахом миллионера в Мексике, не очень-то переживая, что соседнее, более мощное во всех отношениях государство — США, не столь давно потерпело поражение от армии, которой он имел счастье командовать. Но «пение сирен» как-то не увлекало многочисленных «российских диссидентов» к поездке в Мексику, хотя их желание поиграть пистолетом перед лбом председателя Реввоенсовета уже не раз переходило в реальность.

Но устранить лидера «пятых колонн» смогла только разведка Коминтерна в 1940 году — с третьей попытки. И не прими клан Ротшильдов решение, что «мавр должен удалиться», возможности нанесения смертельной раны Троцкому были бы сведены к нулю.

Но теперь мы подошли по времени к тому моменту, когда в «крестного отца» «пятых колонн» мог бы всадить свой заряд и такой человек Ротшильдов, как Джозеф Дэвис. Через год после устранения Троцкого он сделает все, чтобы устранить и «пятые колонны».

В конце осени 1941 года этот влиятельный дипломат США делает вдруг такое недипломатическое заявление, которым потрясает мировую читающую публику, включая интеллигенцию России (см., например, дневники академика В. И. Вернадского — «Литературная газета» за 16.03.88 г.). В середине ноября английская «Санди экспресс» публикует статью Дэвиса, посвященную урокам советских процессов над изменниками Родины. Газета «Правда» 18 ноября 1941 года перепечатывает ее. В ней бывший американский посол в Москве заявляет, что через несколько дней после нападения Гитлера на Советскую Россию его спросили: «А что вы скажете относительно членов «пятой колонны» в России?» Он ответил: «У них нет таких, они их расстреляли».

«Неожиданно, — пишет Дэвис, — передо мной встала такая картина, которую я должен был ясно видеть еще тогда, когда был в России. Значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935—1939 гг. являются возмутительнейшими примерами варварства, неблагодарности и проявления истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников».

После подробного изложения планов Бухарина и его сподвижников Дэвис продолжает: «Короче говоря, план этот имел в виду полное сотрудничество с Германией. В качестве вознаграждения участникам конспирации должны были разрешить остаться на территории небольшого, технически независимого советского государства, которое должно было передать Германии Белоруссию и Украину, а Японии — приморские области и сахалинские нефтяные промыслы». Если бы эти планы членов «пятой колонны» были осуществлены, пишет далее Дэвис, то в настоящее время Германия была бы готова совершить решающее нападение на Англию, имея в своем распоряжении крупные естественные богатства русской территории. Заявляя, что советское сопротивление, свидетелями которого «мы в настоящее время являемся», было бы сведено к нулю, если бы Сталин и его соратники не убрали предательские элементы, Дэвис в заключение указывает, что это является таким уроком, над которым следует задуматься другим свободолюбивым народам.

На первый взгляд может сложиться впечатление, что бывший посол на старости лет что-то захандрил и ударился в творчество. Однако дипломат неспроста намекал на «согласие государственного департамента» опубликовать свои дневниковые записи. А озабоченность госдепа США была вызвана суетой американской разведки, сообщавшей о надвигающейся беде. Резидент советской разведки в Токио Рихард Зорге в октябре 41-го сообщал, что «японцы намерены атаковать Пирл-Харбор в течение ближайших 60 дней». И эта информация незамедлительно передается американской стороне (впервые об этом поведала читателям газета «Нью-Йорк дейли Ньюс» 16 мая 1951 г. — См.: Дуглас Рид. «Спор о Сионе»). Но от Рузвельта эти сведения до командования американцев на Пирл-Харбор так и не доходят. Поток дезинформации, создаваемый «пятой колонной», и вынуждает, по сути дела, Джозефа Дэвиса делать это предупредительное заявление на весь мир.

7 декабря 1941 года заканчивается для американцев столь же разгромным, сколь и неожиданным налетом японской авиации на Пирл-Харбор. Дядюшка Сэм вынужден испить ядовитую чашу «пятой колонны» до дна...

17 декабря Дэвис уже дает целый залп по средствам массовой информации, выступая на массовом митинге в Бостоне (см.: «Правда» за 19.12.41 г.). Это был, по существу, приговор «пятой колонне».

В начале выступления Дэвис заявил, что Красная Армия и советский народ завоевали «восхищение Америки за героическую борьбу с нацизмом». А далее выразил самую вескую мысль: «Секретным оружием» Гитлера оказалось предательское нападение Японии на Соединенные Штаты. Однако нападение на Пирл-Харбор и Манилу привело лишь к объединению американцев и всех неагрессивных народов». «Мы, — заявил он, — находимся в громадном долгу у народа, Красной Армии и правительства Советского Союза», которое проявило дальновидность в «очищении страны от предательства, сооружении тысяч танков и самолетов, в то время как демократические державы были убаюканы ложным чувством безопасности». «Поможем России, — заканчивал выступление Дэвис, — и своей помощью увеличим духовные силы русского народа, направленные на создание человеческого братства. Мы никогда не должны забывать, что мы извлекли выгоды из жертв, принесенных этим народом» («Правда», 19.12.41 г.).

Вот так, открытым текстом, ведущий дипломат США в ответ на «цепную реакцию» «пятых колонн» намекал о жертвах, которые придется оплачивать, а упоминание темы «секретного оружия» Гитлера ставило на первый план вопрос о взаимоотношениях США и СССР.

Поэтому аргументы статьи Германа Смирнова о «секретной поездке» В. М. Молотова в Вашингтон в мае 1942 года, где тему «секретного оружия» против Гитлера нарком иностранных дел мог решать на основе «разгрома немцев под Москвой», явно недостаточны. Американская сторона могла пойти на тесное сотрудничество с СССР, вплоть до открытия второго фронта, только после нападения на Пирл-Харбор, когда клан Ротшильдов стал способен пожертвовать всеми троцкистами сразу. Ведь угрозы Гитлера приступить к «окончательному решению аврейского вопроса» означали уничтожение еврейских гетто, если «пятые колонны» прекратят с ним сотрудничество. И Америка не пошла бы на союз со Сталиным, если бы финансисты США не увидели в «пятой колонне» смертельного врага.

В этот критический момент сама «пятая колонна» предпочла удалиться тихо, теряя в очередной раз способность «взрывать изнутри». Их покровители из мира сионизма переметнулись на сторону будущих победителей в войне, добиваясь от них согласия на создания в Палестине еврейского государства

И теперь уже почти недоумение Германа Смирнова о сионистском контроле над разработкой «секретного оружия» в США со стороны Оппенгеймера, как и подсматривание за ним через советскую разведку со стороны Л. Д. Ландау, легко разрешается пониманием того факта, что сионистское подключение к разработке цепной реакции ядерного заряда парализовывало «цепную реакцию» «пятых колонн».

Взбешенный «неверностью» «пятых колонн», Гитлер дает приказ на уничтожение евреев в лагерях смерти... Таков итог политических авантюр при толкотне двух национализмов на финансовой вершине мира. Кровь других народов мира, обильно разлитая по всему земному шару, эту возню сделала неприметной. А односторонние удивления прессы только по поводу личности Гитлера увели тему троцкистской «революции в революции» вместе с ее политическим исполнением в «пятых колоннах» от всеобщего обозрения. И духовный отец «пятых колонн», отстаивающий всего лишь свое государство в другом государстве, предпочел для политических ударов подставлять свое сионистское лицо, отлично зная, как общественность не любит скандалить с финансовым оскалом этого «лица».

Таким образом, с 1942 года прекращается широко организованная и хорошо координируемая деятельность «пятых колонн». Их способность «взрывать изнутри» еще проявлялась деятельностью разрозненных групп, которые в общей геополитике международного фашизма ничего не решали. Немецкому фашизму приходилось рассчитывать на военные «четыре колонны». А само решение противостояния переносилось на поля сражений, где выразителями политической мудрости являются военные стратеги, а не дипломаты.

Но вторая мировая война заканчивается победой антигитлеровской коалиции. И правительство Сталина, сумевшее лучше всех проявить себя в организации военного производства, осуществляет

небывалый размах в восстеновлении хозяйства разрушенной страны. Союзники по коалиции такие темпы демонстрировать были неспособны. И для них образ «пятой колонны» применительно к нашей стране становится снова желательным.

Как бы ни пытался Черчилль в 1946 году высосать из пальца тему «железного занавеса» в своей знаменитой речи в Фултоне, занавеса-то самого по себе не существовало. Западу понадобился образ препятствия, который надо преодолевать в очередной раз. На деле в это время в Советском Союзе сложился настоящий СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЫНОК, с системой переноса прибавочной стоимости на понижение цен, который и не стыковался с капиталистическим рынком прибыли на процент с капитала, как не стыкуются труба домашнего водопровода с выхлопной трубой паровоза. Монополия СССР на внешнюю торговлю отсекала Запад от сырьевых богатств страны социализма, и РЫНОК Сталина в этом случае обладал контрольным пакетом акций на черное золото (60% мировых запасов сырья). Тот факт, что наша страна выиграла «войну моторов» у фашистской Германии, на которую работал весь промышленный потенциал Европы, начисто «забыт»...

Созданный Черчиллем образ «железного занавеса» своей навязчивостью постоянно ставил перед Западом вопрос: как его преодолеть? И так же однозначно мог ответить: только применив основной закон космополитизма — у торговли нет отечества, сформулированный еще Томасом Джефферсоном. Отсюда и стремление Черчилля ставить такой вопрос на замле Джефферсона.

В качестве исполнительного органа для развала социалистического рынка Сталина Запад мог предложить новую «пятую колонну», проводящую космополитизм в экономические структуры СССР. В данном случаа обычный для троцкистов развал армии отодвигался на второй план, будучи реальным при создании экономической нестабильности в государстве.

Втаскивание троцкизма в экономическую мощь страны Советов шло под дивные рассуждения о «троянском коне», которого благодетели «общечеловеческих ценностей» клялись не пропустить на просторы СССР. Пока ренегаты в КПСС душили на корню всякую критику «снизу», тревогу забили японцы, заметив, что их сырьевой сосед впал в ветхозаветные «танцы» возле золотого тельца. Крупнейший экономист Страны восходящего солнца поспешил заявить: «Еще в 1972 году с мирового рынка исчезла последняя валюта, обеспеченная золотом» (см. статью Тодео Моримото в «Советской России» за 05.11.89 г.). И мелкобуржуазный «демократический» лозунг «деньги — это власть» завладел умом советского обывателя настолько, что этому уму стало невозможно понять: как это Япония к началу нашей «горбостройки» сумела скупить восемь из десяти крупнейших банков в США? Обывателю всегда неизвестно, чем кончаются «танцы» возле золотого тельца...

Основным зарядом Горбачева, торпедировавшим запрет на продажу средств производства, была фраза: «У рынка нет альтернативы!» Действительно, социалистический рынок с 1956 года систематически разрушался, создавая на своем гниении теневых дельцов, а капиталистический рынок не мог функционировать в силу запрета продажи средств производства. И чтобы сдерживать приверженцев политики понижения цен от аргументации в пользу социалистического рынка, Горбачев немедленно обвинял своих трезвомыслящих

критиков в «сталинизме»... То есть жупел-то «сталинизма» понадобился для отбрасывания рынка, созданного Сталиным.

Сегодняшний обыватель всякий раз попадает в тупик, когда его спрашиваешь о разных точках зрения общества «Мемориал» на судебные процессы 1937—1938 годов. Команда Сахарова твердит только о жертвах, в то время как и по «Архипелагу ГУЛАГ» нельзя не видеть в осужденных «палачей, которых и нужно было судить и ставить к стенке». Философское единство и борьба противоположностей «Мемориала» вышли, таким образом, на надежную столбовую дорогу мелкой буржуазии. А теория конвергенции академика Сахарова, выдержав критику знатоков политики «троянского коня», успешно размыла границы Советского Союза и теперь работает на западные банковские счета как приверженцев теории, так и их критиков, ставших, по сути, новой «пятой колонной», на первом этапе развалившей экономику страны, на втором — армию.

«Взрывание изнутри» марксизма у Раковского начинается с «подтягивания» Маркса к... иллюминатам. Сам по себе прием для знатока масонства очень даже примитивный. Хотя простой читатель такой пример мог встретить в романе Льва Толстого «Война и мир», когда масон Пьер Безухов не был понят братьями, в результате чего тоже оказался причислен к иллюминатам.

Однако, чтобы не было путаницы с «тремя источниками и тремя составными частями» исторического происхождения марксизма, стоит обратиться к масонству и, в частности, — иллюминатам как тайной политической кухне буржуазии, подкидывающей то «гигантов русской демократии» в лице «Мемориала», то навешивающей масонские ярлыки на патриотов своей страны усилиями какой-нибудь ученой дамы из-за бугра вроде Нины Берберовой.

Самый пристальный взгляд на масонство как на общественно-политическое течение русские историки обратили перед и во время первой мировой войны, когда эти странные люди стали верой и правдой служить международному финансовому капиталу, в своем космополитизме готовые воевать до последнего европейца. Академики А. Н. Пыпин, Г. В. Вернадский, известный историк С. П. Мельгунов с группой исследователей внимательнейшим образом изучили мировоззрение, символику, характер систем масонства (ставший основой будущей многопартийности), и тогда, в трудное для осмысления время, не могли понять: почему патриотические братья в XVIII — начале XIX века жертвовали собой (по примеру русских декабристов, тоже являвшихся масонами), а в XX веке подставляют других? Тем не менее все, что касается иллюминатов (то есть просветленных), широко отражено в литературе. Эта система чиновников из Баварии была организована профессором Ингольштадтского университета Адамом Вейсгауптом (1748—1830). В 1779 году орден иллюминатов разрекламировал известный немецкий писатель барон Адольф фон Книгге, чем помог иллюминатам закрепиться на других землях тогдашней Германии. Но в 1784 году аристократ фон Книгге заметил в ордене замашки иезуитов, «вычислил» Вейсгаупта как выпускника иезуитской школы и порвал с иллюминатами. И орден лопнул как мыльный пузырь. Вейсгаупт должен был спасаться бегством в Регенсбург, под покровительство местного монарха герцога Саксон-Готского, где и прожил до своей кончины в 1830 г. (См.: Мельгунов С. П., Сидоров Н. П. Масонство в его прошлом и настоящем. Сборник. Ч. 1. М., 1914, с. 113—122).

Вот и вся история иллюминатов. Для масонства она имела значение лишь в том, что до того, как она случилась, братья при скандалах обвиняли друг друга в принадлежности к иезуитам, а после скандала масоны уже «уличали» кого угодно в иллюминатстве.

Что касается упоминания Марксом «тайных секций», то он под этим мог понимать только масонскую клятву и масонский суд, суть которых лучше всего выразил Георгий Димитров: «Часто общественность удивляется, как известные общественные и государственные деятели быстро и совершенно необоснованно на вид меняют свои позиции по многим существенным вопросам... или одно говорят, а совершенно противоположное делают. Для поверхностного наблюдения это кажется нелогичным и совершенно непонятным. Для тех же, кто знаком с действиями разных масонских лож, вопрос достаточно ясен. Указанные деятели, как члены масонских лож, обыкновенно получают внушение и директивы от соответствующей ложи и подчиняются дисциплине, в ней существующей, вразрез с интересами народа и страны». (См.: Димитров Г. Сочинения. София, 1954, т. 12, с. 235—236) *.

Но Раковский не так прост, чтобы ограничиться одной нелепостью с Марксом как «последователем» иллюминатов. Он предлагает свой вариант расшифровки символа пятиконечной звезды (пентаграммы), а именно как звезду из «пяти братьев Ротшильдов» с их банками. Ловкий прием! Если учесть, что у знаменитого знатока символики, масона Гете, Мефистофель попадает к Фаусту через окно, где один уголок пентаграммы загнулся. Вспомним этот монолог Мефистофеля:

Всмотритесь. Этот знак начертан плохо.
Наружный угол вытянут в длину
И оставляет ход, загнувшись с края.

Пентаграмма в масонской символике своим геометрическим смыслом выражала самого человека, где пять углов обозначали голову, руки и ноги. В мистическом значении она эзотерически воплощала духовный свет, идущий от «познавшего истину» к другим. Соответственно высота «познания истины» уводила мистический свет на небеса, где и сияла звездой. Той самой «звездой пленительного счастья», которая декабристов, увы, увела в Сибирь. И только большевики ее привезли снова оттуда и сделали символом на своем знамени.

Что касается доктора Фауста у Гёте, то его душа уже на земле имела изъян, что всего лишь подчеркивает неправильность его пентаграммы, давшую возможность всяким чертям типа Мефистофеля проникать в нее и владеть ею.

Раковский, рассадив «пять братьев Ротшильдов», хорошо понимает, что подставляет пентаграмму под неуемную обывательскую фантазию, способную разрушить этот вековой символ высокого познания истины. Но что взамен? А вот что: «Версальский договор, весьма необъяснимый для политиков и экономистов всех народов, поскольку никто не мог отгадать его проекции, является самой решающей предпосылкой для революции». («МГ», № 3—4, 1992, с. 178). Суть же этой экономической «революции в революции» Раковский в следующем пространном монологе раскрывает вполне

* Вспомним многочисленные заявления Б. Ельцина в течение его президентства, которые затем принимали прямо противоположный характер в его указах. — **Ред.**

ясно, заявляя, что «бедные страны должны больше работать... они должны были глубже эксплуатировать способности рабочей силы для того, чтобы сократить разницу, получившуюся в результате бедности почв». В результате чего, по его мнению, возникает вопрос: «...не послужил ли Версальский договор и его Лига Наций в качестве революционной предпосылки?..»

Если данное изречение спроецировать на нынешнюю действительность, то экономическая направленность Версальского договора проявится в жесткой «командно-административной системе» Международного валютного фонда, устраивающего дела почти во всех государствах капиталистического мира: для 15 процентов развитых стран — цивилизованно; для 85 процентов развивающегося мира — рабски. Организация Объединенных Наций, в которой социалистический противовес препятствовал международному грабежу со стороны финансовых кланов, лишилась главенства СССР в этой политике и снова дрейфует к образцу прокапиталистической Лиги Наций. А уровень раздоров и гражданских войн только подтверждает предвоенный характер соперничества сил космополитизма и патриотизма. Современным раковским так же лестно обвинить Маркса в «принадлежности» к иллюминатам, как и скрывать иезуитские приемы международных финансовых воротил, а ужас от финансовой мощи клана Ротшильдов преобразовывать в гимн финансам.

Во всей этой возне цивилизованных интеллектуалов образ «Маркса-конспиратора» столь же реален, сколь реальна пелена «железного занавеса», сотканная У. Черчиллем. Что касается прискорбного положения Раковского в 1938 году, то для него куда важнее было поговорить о разложившихся армиях в Европе, способных пропускать через свою территорию не только колонны нацистов.

А за нахождением пути выхода из нынешнего ветхозаветного политического тупика лучше всего опять же обратиться к японскому опыту. Не кто иной, как политический авторитет Японии Дайсаку Икэда, в критическом 1989 году предупреждал: «Традиционно в Европе и Америке многие склонны относиться к труду как к наказанию, исходя из древнееврейского, а затем и христианского учения. Японец же традиционно считает труд своего рода «миссией», средством закаливания духа». («Литературная газета», 1989, № 36, с. 15).

Как бы четвертая власть «демократов» ни пыталась закрывать глаза на успехи азиатов в современной экономической политике, эта политика не реагирует на ветхозаветную историю, являясь продолжением политики понижения цен Сталина.

Когда-то один способ производства на протяжении нескольких столетий мучительно менялся другим. А божественному пророку социальной справедливости — Иисусу — Клио отвела очень мало времени, чтобы удалить темные силы (менял) из храма. Он должен был уступить их экономической политике в звоне сребреников и своей телесной гибелью возродить пророчество в духовном виде. В противостоянии пророка Нового Завета с ветхозаветными догмами поражает не столько гибель Иисуса, сколько манера попрания социальной справедливости правами капитала. Ведь не какой-нибудь другой жест, а именно знак наивысшей признательности ученика перед учителем, поцелуй, явился в поведении Иуды основным, указывающим путь палачам к жертве. Это лицемерие сбивало

с толку и преданных учеников, ничего не понимавших в происходящих событиях. Для всякого человека, изучающего Новый Завет, суть фарисейства Иуды Искариота рано или поздно сводится к элементарному понятию: подставить под расправу!

Борьба за социальную справедливость в XX веке оставила не только революции и контрреволюции, но и своих созидателей и своих разрушителей. Была эпоха Сталина, не позволившая событиям перейти в эпоху Троцкого, как были и дворцы, в которых человек труда находил понимание своей миссии на Земле, но были и «скамьи, на которые усаживались засаленные ростовщики для торговли своими деньгами», чтобы, по мировоззрению раковских, эти скамьи «сейчас превратились в храмы». Существовало понимание дороги к храму по Фрэнсису Бэкону, видящему ее в естествознании и грядущей технике, и существовала дорога к храму ростовщика, на которую призывал не ходить еще Иисус Христос. И во всем многообразии трагедий и побед XX века только одно течение общественной мысли пыталось служить двум храмам сразу, по подобию Иуды Искариота. Это — троцкизм!

В политических уверениях преданности Марксу и Ленину Троцкий превзошел всех. А его последовательные сторонники в деле развала СССР после экономической реформы 1965 года свою приверженность марксизму-ленинизму выражали еще какими-то фразами, но апофеозом устремленности становились их обильные поцелуи, которые и соединили их неразрывными узами в знаменитую «Демплатформу» в КПСС. Ту самую «Демплатформу», брезгливо отвернувшуюся в конце августа 1991 года от всяких разговоров о государстве социальной справедливости. Точно так же «пятые колонны» брезгливо отворачивались от разговоров о социальной справедливости в государствах, в которые вводились остальные четыре колонны фашистских войск.

Для музы Клио XX век — всего лишь мгновение, и все лобызания троцкистов не перевесят одного поцелуя Иуды. Даже если их торжествующие речи перейдут в сплошное чмокание...

ПРОБЛЕМЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Владимир ЛЕЩЕНКО

НАДО СПЕШИТЬ

В Нижнем все еще много детей. Во всяком случае, по сравнению с Тулой, где случилось побывать месяцем раньше. Впрочем, возраст детей на заполненной народом улице Свердлова наглядно свидетельствует, что год от года их рождается меньше и меньше. Численно преобладают школьники первой ступени, те, кто появился на свет до «перестроечного» геноцида. Вот к ним-то и адресуется в основном «телепроповедник» из США, как обозначено в афише, Джон Картер. Валом валят несмышленые мальчишки и девчонки на баптистско-иудаистские сеансы: наиболее активно посещающим обещана протестантская Библия в красивом заграничном переплете.

Надо ли сомневаться, что организаторы-устроители заранее просчитали и выверили количество децибел сатанизма, потребное для деформирования, разрушения неокрепшей души ребенка. Чтобы каждый вложенный в этот идеологический бизнес экземпляр сектантского издания Библии дал верную прибыль. А для иллюстрации того, какой «навар» можно иметь с бизнеса в идеологии, вполне подходим мы сами, взрослые, недавние «активные строители коммунизма», за какие-то пять-семь лет поменявшие идейные ориентиры на прямо противоположные и с энтузиазмом приступившие к возведению «светлого капиталистического будущего».

Энтузиазма, а то и недавнего комсомольского задора нам, похоже, хватит надолго, если в громадном промышленном городе представитель класса, вчера только считавшегося гегемоном и самым передовым, на полном, как говорится, серьезе толкует о надеждах, связанных с «реформированием» нашей жизни демократическими управителями России. И пусть результат реформ проявляется только в новом и новом подтягивании поясов, но это — пока. Стоит потерпеть еще столько-то, и обещанное благоденствие прямо-таки свалится на умеющих терпеть и работать. Работать, работать... И пусть на зарплату, которая исчисляется теперь в четырехзначных цифрах, купишь меньше, много меньше, чем на прежнюю, укладывавшуюся в немногие сотни рублей...

Так думает он — Вячеслав Леонидович, даже летом 92-го, между двумя очередными приступами «либерализации» и без того взбесившихся цен, согласный ждать обещанного реформаторами улучшения жизни. Возражает ему тоже Вячеслав, но Иванович, сосед по цеху. Оба кадровые рабочие, токари. У обоих еще, как можно заметить, не выветрилось былое горделивое осознание своей принадлежности к всемирно известному старейшему предприятию, слава которого десятилетиями была поистине легендарной во всех концах страны. Мы сидим на солнечно-желтой от одуванчиков лужайке, в пятидесяти метрах от проходной «Красного Сормова».

Вячеслав Иванович заметно постарше и с того, можно предположить, консервативен, менее восприимчив к новым веяниям. Нет, его имперские амбиции не порождены ностальгическими воспоминаниями о приездах Михаила Ивановича Калинина, вручавшего заводу ордена, о чем он только слышал от рабочих старших поколений. Не порождены они и перестроечной деидеологизацией торчащего пред лужайкой пьедестала, с которого когда-то смотрел на сормовичей товарищ Жданов, а ныне увенчанного всего лишь анкетной информацией о годе рождения завода. Ностальгия Вячеслава Ивановича весьма и весьма прикладного характера: по двум десяткам квартир, ежегодно достававшимся на их цех в доперестроечное время, и по тем же, тогда вполне божеским, ценам на самое необходимое для жизни обыкновенного, без претензий, рабочего человека. Есть, правда, и немеркантильные вроде бы сожаления о фактическом свертывании производства того, что он с прорывающейся уважительностью называет «основной продукцией», что, чувствуется, было главным обоснованием его гордости за свой завод, за себя на этом заводе — что порождало его собственное осознание достоинства гражданина великой Державы.

Если Вячеслав Леонидович, осознавая факт свершившегося преобразования страны в третьеразрядную, заранее готов согласиться с вероятным после реформирования дальнейшим понижением статуса державности, то Вячеслав Иванович возражает против пре-

бывания в каком-нибудь гондурасском подданстве. Нынешнее наше положение он оценивает как катастрофу. В это, еще вчера отстоявшее где-то далеко от нас, представлявшееся только книжным понятие, он вмещает все, стрясшееся с нами, со страной. В том числе — и так называемую либерализацию, в которой, не в пример товарищу по цеху, усматривает загодя спланированную диверсию, обрекающую нас на голод. В том числе и приватизацию, суть которой, он не сомневается, в том, чтобы передать ворью нажитое трудом народа, как и его, токаря, трудом. И конверсию, что обернулась сокращением, свертыванием, прекращением выпуска той продукции, которая давала возможность заработка и вместе позволяла воистину чувствовать себя человеком. Потому и ребятам, отслужившим в армии, теперь не находится места на своем заводе, как искони было при поносимом ныне газетами и телевидением тоталитаризме... Ему, простому рабочему, оскорбительно узнавать о наездах в нашу бывшую великую страну заграничных ревизоров — всех этих бейкеров да киссинджеров. Он, не сочинявший диссертаций по демографии и социологии, понимает, к чему ведет сокращение рождаемости:

— Соседка, она медсестрой в роддоме, рассказывает, что впору хоть прятаться им, персоналу, от рожениц: стыдно! Потому как на одну роженицу их, сестер да врачей, приходится поболее десятка. Вы представьте: рожать собрались три бабы, а койко-мест в роддоме — полтораста. Раньше-то ведь, знаю, битком было забито, в коридорах даже лежали. С другой стороны, — это он говорит уже не зло, явно иронизируя, — тесноты нет, обслуживание лучше. Сервис, одним словом...

Появились, правда, очереди за хлебом — потому что без хлеба никому не обойтись, и будут еще выстаивать за ним те, кто уже сегодня не покупает мясо, создавая тем самым мясное изобилие. Нетрудно сообразить, что в дальнейшем должно наступить и изобилие хлебное — с последним, триумфальным аккордом «либерализации», после которого на буханку черного хватит не всякой зарплаты, не говоря уж о пенсии...

Оба моих собеседника там, в Сормове, так и не ответили, каким представляется им будущее страны, государственное ее устройство. Наверно, просто не задумывались, с того и не знают. А вот Дмитрий Игошин, расточник того же Сормовского завода, знает.

Открывая очередное, плановое собрание Совета рабочих, Дмитрий Васильевич предложил считать не собранием, не заседанием, а просто встречей. И пояснил, что причиной тому — только-только полученное им официальное предупреждение Нижегородской прокуратуры. Занятный, надо сказать, документ вывесили блюстители демократической законности! Объявляя прошедший в Нижнем Всероссийский съезд рабочих, а также избрание на нем руководящего органа под председательством гражданина Игошина Д. В. противозаконными деяниями, гражданин бывший советский прокурор Федоров А. И. ссылается при этом на статью 21 закона СССР. Вот так! А ведь федоровы вкупе с их подельниками — горбачевыми и прочими ельциными, едва успев развалить Советский Союз, поминают о нем не иначе как о «бывшем СССР». Но стоило рабочим сделать не шаг даже, а шажок к объединению — нет, не Союза, всего-то к р а б о ч е м у объединению! — как бывший советник советской юстиции вспомнил о родимой некогда соцзаконности... Можно не сомневаться, что дем-соцзаконники, в потугах оберечь

режим, ухватятся хоть за статью 6 Конституции «бывшего СССР».

Да, боятся рабочего класса, боятся — тут Игошин смотрит в корень. А что же он, класс-то?.. А ничего. Ходят на смену со смены, копаются в огородиках. Одни ждут обещанного улучшения, другие, матерясь от сознания собственного бессилия, вслух мечтают о пулеметах-автоматах, третьи скрипят зубами и тоже ждут. По всему по этому взволнованность демпрокурора Федорова следует счесть чувством, упреждающим возможное нежелательное развитие событий. Это на случай — если ждать перестанут.

Пока же Совет рабочих здесь, в Нижнем Новгороде, напоминает строение, возводить которое взялись не с крыши даже — с трубы. Ведь, создав Советы, кроме областного центра, в Кстове, Арзамасе-16, Дзержинске, все ж не удается создать их на предприятиях, которые едва ли не впритык понаставлены по Нижегородчине и объединенная трудовая армия которых могла бы стать той силой, что только и способна устрашить реформаторов-либерализаторов.

Игошин, сам рабочий, понимает, что это — наиболее уязвимое место пока лишь теоретически обозначенного устройства для восстановления власти трудящихся. В каких бы рангах — городских, областных, всероссийских ли — ни состояли члены Совета, очи так и останутся полководцами без армии, безвредными для пугливых местных прокуроров.

Эту же, главную ныне, озабоченность свою он высказал и на пленуме обкома РКПР. Проходило заседание в обстановке почти романтической. Был небольшой зал по-субботнему пустующего учреждения, как и все учреждения в стране, с недавних пор «деполитизированного». Был свой человек, встречавший в вестибюле, безмолвный, безучастный, внешне — вахтер. Еще на лестнице секретарь обкома просил громко не разговаривать, потому что — не в обкоме. И добавляет: пока еще не в обкоме...

Оптимизм этого «пока еще» определяет и настрой полуконспиративного собрания, хотя... Хотя стороннему человеку вроде меня, слушавшему выступающих, перспектива гипотетического возвышения РКПР не может представляться бесспорной. В самом деле, среди 5 присутствующих членов обкома и десятка секретарей городских организаций наличествует рабочих, не считая Игошина, двое — Аверьянов и Кудрявцев. А ведь партия-то называется рабочей... Кудрявцев, секретарь Нижегородского горкома, головной в области организации, докладывает пленуму, что из числящихся 32 членов партии взносы платят только 25. А еще 1В человек, сведенные в две первички, никак не найдут времени собраться вместе — огороды, считает, мешают.

Что ж, может, и огороды, в которых при повальном нашем обнищании да при высочайше подкинутой мыслишке о «выживании» в одиночку люди видят спасение. Хотя, может, и не только огороды...

Руководители нижегородских коммунистов, выдерживая изначально взятую тональность, говорили об упорядочении партучета, о враждебности стоящих «вне политики» профсоюзов, перебирали события 1917-го и вполне серьезно прикидывали структуры органов будущей власти. А у меня в ушах звучал так и не получивший здесь ответа вопрос Игошина: «Может, мы не находим людей или люди нас не находят?» Дмитрий Васильевич сказал просто «люди», без социальной привязки. Но, может, сам Игошин, далеко не за-

урядный рабочий из пензенских мужиков, знает ответ? Наверное, не могут не знать и остальные участники пленума... Не могут не знать!

Наперечет пока рабочие и в других, некоммунистических организациях Нижнего, не приемлющих режима «демократов». Об обществе «Отчизна», должен признаться, у меня загодя мнение сложилось предвзятое. Наверное, потому, что уж больно снисходительно, терпимо, поощрительно даже аттестовалось оно на прошедшем здесь же, в Нижнем, «Учредительном съезде еврейских организаций и общин, находящихся на территории Российской Федерации».

«Это — сарафаны, песни, ремесла, ближе к этнографии, притом без претензий на то, что они представляют весь великий русский народ», — так именно охарактеризовал «Отчизну» Семен Мартынович Фогель, член совета Нижегородского клуба еврейской культуры. И впрямь, первое мое знакомство с «Отчизной» подтвердило информированность господина Фогеля. Вот разве что упустил он косоворотки и товарищеские чаи у самовара.

Представьте полтора десятка интеллигентов, пенсионного и предпенсионного возраста, пересказывающих друг другу содержание статей патриотических изданий, безбоязненно-громко (все свои!) ругающих сионистов и масонов. Время от времени проводят они и «мероприятия» — с песнями-плясками, с сарафанами-косоворотками, с непременной, то есть фольклорной, атрибутикой, что исконно оставляется коренному населению резерваций. Что, очевидно, справедливо поощряет «неопатриота» Фогеля видеть «возможность диалога между еврейскими организациями и такими обществами, как «Отчизна».

Однако 12 июня появились у меня основания усомниться в оптимизме «деятеля еврейской культуры». Митинг в поддержку Приднестровья проводили две патриотические организации — «Русский Союз» и «Отчизна». И хотя на митинге главенствовали подчеркнуто бескомпромиссные ко всякой антирусскости монархисты из «Русского Союза», интеллигенты «Отчизны» здесь нисколько не походили на своих сотоварищей, собирающихся возле самовара.

Среди горожан, фланирующих в этот провозглашенный демократами праздничный день все по той же улице Свердлова, нет-нет да находились желающие опровергнуть плакаты, лозунги, призывы собравшихся патриотов. Иногда это были, как с некоторых пор принято говорить, «лица еврейской национальности». Иногда — те, кто, по их собственному признанию, затрудняется и даже не желает определить свою принадлежность к какому бы то ни было народу.

Слушая спор одного, несомненно не принадлежащего к еврейству, молодого человека со сверстниками-патриотами, невозможно было понять: как стал он убежденным воинствующим поборником талмудической богоизбранности? Неужели перестроился за последние семь горбачевско-ельцинских лет?.. Но вот спорящие коснулись Веры, и ненависть, с которой радетель особого «права» еврейства заговорил о Православии, не оставила сомнений в том, кто он есть и откуда взялся. Вспомнилось слышанное от местных патриотов: как-то пытались они пикетировать Дворец спорта, куда приманивает нижегородских ребятишек «телепроповедник» из Штатов. И вдруг как из-под земли выросли три десятка местных единоверцев проповедника, оснащенных кастетами и ножами.

Что ж, именно такими — злобно-агрессивными — представляла некогда советская пропаганда членов не очень-то поощрявшихся нашим законом сект, умалчивая, правда, о часто проиудаистской направленности вероучений полуподпольных «религий». И судя по оголтелой фанатичности убежденных ненавистников Православия, а заодно и всего русского, осталось только запоздало посетовать на несправедливость нашу к бывшим коммунистическим средствам информации, не всегда, выходит, пробавлявшимся враньем. А теперь нижегородское радио по нескольку раз на дню выдает рекламу «телепроповеднику», умудряясь ввернуть сугубо по-мирски звучащую хвалу конституции Соединенных Штатов...

На митинге 12 июня до кастетов, к счастью, не дошло. Потому, возможно, что слишком уж решительный отпор получали ничуть к такому не привычные сиониствующие молодчики, а также солидарные с ними люди без национальности. «Шовинисты», «фашисты» — так, откровенно нарываясь на скандал, обзывали митингующих иные из оппонентов-«интернационалистов». Но те же рабочие, служащие, интеллигенция отвечали им твердо и недвусмысленно, без недомолвок, хотя и не опускались до оскорблений. Сказывался более высокий духовный уровень патриотов.

Здесь, на митинге, более сотни молодых и не очень молодых мужчин справлялись о месте нахождения пункта записи добровольцев в Приднестровье, о сроках отправки. На глазах росла горка медикаментов: кто бинт приносил, кто флакончик йода, кто таблетки. Тут же многие ставили свои подписи за смещение главы нынешнего режима Ельцина.

Но самым, на мой взгляд, значимым представлялся сбор денег для защитников далекой южнорусской земли. Да и как было без волнения смотреть на подходивших к большой картонной коробке древних старух и совсем юных мальчиков и девочек, на матерей с детьми!.. Кидали в коробку и рубль-два, и купюру крупнее. Вот моложавая русоволосая женщина опустила сотенную. Спрашиваю, кто она и с чего жертвует такую, все еще представляющуюся немалой, сумму? Нет, деньги у нее, заводского инженера, не лишние:

— А будь лишние — и больше положила бы, — просто ответила она. — Там ведь хоть сопротивляются...

Договаривает эту мысль мастер авиационного завода, прихрамывающий, лет пятидесяти:

— И нам давно пора... Где наши русские генералы? Кто команду подаст? Смести надо всех предателей... — В словах его гнев и суровая решимость умудренного жизнью человека.

И тем не менее на встрече с патриотами в Дзержинске, а на следующий день в Нижнем, нардеп российского парламента Павлов А. Н. повествовал о «неравной борьбе», которую ведет парламентская оппозиция. Вынужденный признать, что соотношение сил в парламенте едва ли изменится в обозримом будущем, он все-таки напирал на целесообразность трибунных баталий. Признав, что главная задача Ельцина и его окружения — продержаться как можно дольше, нардеп так и не набрался духу ответить: не содействует ли выполнению этой задачи бесперспективная, по сути, борьба исключительно парламентскими средствами? Жаль, что Николай Александрович не слышал, как патриоты комментировали эти призывавшие к демопослушанию речи.

И все же вряд ли народ, приговоренный к смерти, согласится вымирать безропотно. Не вспомнит ли он тогда о данном от Бога

праве использовать доступные ему средства для своего спасения? Даже причинив тем самым кому-то огорчение.

То, что демократы очень чувствительны к решительным мерам, еще раз подтвердилось в Дзержинске. Там на совместном собрании монархисты и коммунисты приняли на вооружение (единогласно!) новую тактику пользования, вроде бы гарантированной «демократией», свободой слова. Вместо прежних жалоб депутатам, вместо слезных писем в столичные редакции по поводу слишком уж избирательного «плюрализма» местной газетки были намечены меры, не могущие не помешать ее выпуску. А именно: пикетирование редакции, препятствование печатанию, транспортировке и распространению. Надо ли удивляться, что редактор-демократ, прознав об этой программе, проявил благоразумие и согласился предоставить на страницах газеты место оппонентам! Правда, объясняя вынужденную уступчивость, он в том же номере попенял на происки некоего «столичного эмиссара»... Что ж, труженикам средств дезинформации, чтобы отработать свои сребреники, и не то еще сочинять приходится.

Но вот цифры официальной нижегородской статистики: на 1 июня в Нижнем зарегистрировано 5 тысяч безработных, из которых 3200 получают пособие. Это надо же: более половины лишенных права на труд что-то все-таки получают!.. Задарма. А вот тоже вполне легальный, научный, так сказать, прогноз облсовпрофа: к осени 1992 года появится четырнадцать с половиной тысяч безработных молодых людей — от выпускников средних школ и ПТУ до окончивших вузы. Интересно, скольким из них достанется по миске благотворительной баланды от демо-реформаторов? А скольким — нет?..

Председательствуя на будущем Всероссийском съезде Советов рабочих, Игошину, хочется верить, не придется, по соображениям конспирации, объявлять его «встречей», а то и «дружеским застольем». Вполне возможно, он даже пройдет как съезд победителей. Убежден: Нижегородчина, край Козьмы Минина, цитадель рабочего класса, еще скажет свое веское слово. Свидетельство тому — набирающее силу местное патриотическое движение. Но спешить надо, спешить! Демоправители не оставляют нам времени. Надо не замыкаться лидерам рабочих организаций на своих партийных пленумах и съездах, а идти на улицу, в массы, вливаться в народ, объединяться со всеми истинными патриотами России, ставя во главу угла не идеологические, а державные интересы. Тогда люди за ними пойдут.

Надо спешить, пока еще на улице, по-прежнему носящей имя большевистского палача, погожими днями можно увидеть детей...

●

Очерк и публицистика

НА РУССКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Оценивая исторический путь, пройденный в XX веке Россией, многие из современных ученых-историков, философов, писателей пытаются найти рецепт для возрождения экономической, духовной, нравственной силы некогда великого Российского государства, а также определить наиболее приемлемое для нее политическое устройство общественной жизни. Одни видят дальнейшее государственное развитие России по образцу западной демократии, другие находят панацею от всех экономических неурядиц в коммунистических идеях, для третьих единственно спасительным является православно-монархический путь устройства российской жизни.

Работа, которую мы предлагаем вниманию наших читателей, написана известным общественным деятелем, острым публицистом, ученым, историком, экологом, кандидатом географических наук, автором серии фундаментальных работ по биосфере и экологии, председателем объединенного Комитета спасения рек России — Фатеем Яковлевичем Шипуновым. Эта статья как часть будущей книги явилась плодом многолетних раздумий автора о судьбе России, о смысле ее высшего предназначения в земной, в духовной и в небесной жизни. Последователь русских философов-государственников, прежде всего Ильина, Солоневича, Тихомирова, Лосского, Хомякова, Гилярова-Платонова, — Ф. Я. Шипунов убежденно продолжает и отстаивает идею необходимости для России Высшей нравственной власти в лице Православного Монарха, призываемого Земским Собором.

Позиция автора — это позиция бескомпромиссного русского патриота, отстаивающего национальный путь государственного развития России, и именно здесь лежат точки соприкосновения с позицией журнала «Молодая гвардия». Слово человека, всем сердцем впитавшего красоту и величие России, остро переживающего ее боли и трагедии, имеет для нас нравственную ценность, мы не сомневаемся, что и эта точка зрения, тем более выстраданная всею жизнью автора, должна иметь выход к читателю.

ОТДЕЛ ОЧЕРКА И ПУБЛИЦИСТИКИ

Фатей ШИПУНОВ

ПУТЬ СПАСЕНИЯ РОССИИ

НАКАНУНЕ НОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1918 году открылась новая эра в мировой истории. В тот год ненавистники исторической России попытались уничтожить идею Христианской государственности, то есть изгнать из нее верховный, бесспорный, нравственный принцип — малейшее проявление духа. Они совершили ритуальное убийство Государя и Его Семьи. Ни русская нация, ни российский народ толком так и не осознали происшедшее и продолжают барахтаться в навязанной лжи. Отбросив эту ложь, они бы поняли, что тогда Великая Россия стала Гефсиманским садом, за которым последовала ее Голгофа. И первой на эту Голгофу вступила Августейшая Семья. Тем наносился удар по главному идеологическому устою Российской государственности — Помазаннику Божию. Антихристианские слуги пошли на доказательство Его небожественности, непомазанности, нерелигиозности Распятием на Кресте. Распиная его, они кричали народу: если Он Божествеиен, Помазаиник Божий, то пусть сойдет с Креста! Они повторили то, что делали древние иудейские сыны Лжи: «Скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали...» Убив Царственных Мучеников, уничтожив их тела, превратив их в пепел, они лгали, что Мать и Дети сохранены, а расстрелян только Отец или что все Они, будучи расстрелянными, преданы земле. И поныне они заметают следы уральского преступления, применяя ту же историческую ложь!

Тогда, в 1918 году, милостью дьявола был брошен вызов всему Христианскому миру воцарившейся «властью» большевистских вождей. Именно этим актом раскрывались врата адовы для сгона туда всего православного народа, то есть наступали решительные сроки предантихристианской эпохи — времени отступничества и великого противостояния исторической России антихристианскому миру. На время Великая Россия и ее государственная власть были захвачены скрытыми, злобными, коварными супостатами, которые и развернули не только духовную, но и физическую месть православному народу. Они бросили его на ритуальное заклание, используя тотальный геноцид. В последнее время этот геноцид не прекратился, но принял более скрытные и изощренные формы. То великое противостояние исторической России антихристианскому миру входит ныне в новую и, может быть, последнюю фазу.

Всмотримся внимательно в нынешние события. К семидесятым годам уходящего века российский народ, испытавший страшные гонения, насилия, убийства и удушения, стал просветляться умом, возгораться чувством, проявляться волей, особенно в самобытной культуре. Прошли десятки лет после «красного октября» — и захватчики Великой России не смогли сломить волю россиян к мирному рядомжительству и наднациональному сплочению. Ненавистники исторической России, которые никогда не переводились как в ней, так и за ее пределами, люто забесновались: как бы не сорвался их давно намеченный тайный план ее сокрушения — раетирания ее в порошок общемировой «цивилизации», уничтожения ее самобытной нравственной, государственной, экономической и социальной жизни. И тут вся зловещая сила сатанолатрии (восстания против Бога и поклонения сатане), искушенная в изощренной лжи, политической изворотливости, хитрости, наглости и ловкости, была брошена на то, чтобы навсегда отбить охоту у россиян блюсти и защищать свою многострадальную Родину, чтоб никогда они более не мечтали о строительстве Православного Царства, ведомого Самим Богом. С новой силой в пробуждающуюся историческую Россию была внедрена духовная болезнь антрополатрии — идолопоклонства пред человеком, которая суть предтеча сатанолатрии. И в канун 74-летия мировой февральской провокации, переросшей в августовскую, оглашенную «Корниловским мятежом», и затем в октябрьскую, названную «Великой», все та же сила устроила новую провокацию — революционно-демократический август 1991 года, который так легко было совершить в безвременье, набиравшем силу с 80-х «перестроечных». Творцы тех провокаций в течение двух десятилетий развязали две мировых войны, в которые была втянута Великая Россия. Но изнуренная, изломанная, обкраденная, обкромсанная Российская держава устояла! В конце века они пытаются развязать в ней междоусобную войну всех против всех и разжечь из нее пожар третьей мировой бойни, чтоб из огня и пепла она больше не встала. Всполохи этого пожара уже нагрянули! Вот тому подтверждения.

К исходу XX века с Российским государством случилось небывалое! Нынешние «благодетели» обескровленной исторической России, но все еще могучей, в своих развальных делах докатились до того, что даже ее самые злейшие враги и не мечтали претворить в жизнь. Гитлер в своих восточных планах — в подметки им не годится! Эти «благодетели» не оставили от совдеповской «государственности» «ни рожек, ни ножек»! На радость ненавистникам исторической России, на ее бывшей территории не убереглись ни «государство», ведомое ВКП(б) — КПСС, ни рыхлая федерация, ни расползающаяся конфедерация, но с трудом оформилось некое аморфное «экономическое сообщество». Но и оно никак не склеивается! В последнее время ликвидированы всякие попытки к восстановлению Великой России. Три политических «лидера» так называемых «Славянских независимых государств», собравшиеся в Беловежской Пуще и выбросившие на свалку никем не отмененные Конституцию СССР и всенародный референдум о единстве страны, отказали в дальнейшей жизни не только СССР, но и ССГ, придумав для своего личного властвования и в угоду «мастерам» закулисных дел СНГ и призвав присоединяться к нему и другие «независимые государства» — бывшие союзные республики. Они сотворили даже не конфедерацию, а нечто небывалое в истории государства — просто аббревиатуру для обмана народа. В своей борьбе за «власть», которую «дарует» им на погибель народов князь мира сего, они принесли в жертву не только Союз, но и будущую Великую Россию. Они совершили антинародный акт — преступление века. Состоялся позорный «Брест-II»! Он отличается от столь же позорного «Бреста-I», где его пестунами выступили Бронштейн-Троцкий и его приспешники, только участниками сговора да более коварным и грозным преда-

тельством исторической России. Ныне становится явным весь замысел «мировой перестройки», начатой в 1985 году.

На пути сотворения антихристианского мирового «государства» всегда стояла Великая Россия — даже в обличье послевоенного СССР. Надо было этот оплот мирового Православия сокрушить во что бы то ни стало! И вот одновременно с последним сговором в Беловежской Пуще проходило ускоренное создание объединенного европейского государства — «общеевропейского дома» — не только на экономической основе, но и на политической. Прибалтика уж давно мечтала войти в этот «дом», и ей двери для того открыты. Она рвется стать посредником в «торговле» России с Западом, набивая себе карманы на грабеже российского добра. Следом правдой и неправдой погонят туда же теперь «независимые Украину и Белоруссию», а затем станет очередь и за остальной Россией, тоже объявившей себя «независимой». И уж западные и отечественные «демпресса» и «демтелевидение» загорланили о том, что пора на базе общеевропейского правительства создать общемировое, а «независимым Украине, Белоруссии и России» войти в НАТО, ликвидировав свои вооруженные силы, за исключением местных гвардий. И пусть тогда русские и россияне попробуют помечтать о какой-либо независимости, даже экономической: войска НАТО будут наготове, а там, глядишь, — и «голубые береты». Кавказские и Среднеазиатские «независимые государства», исторически принадлежавшие мусульманскому миру, пусть избивают русских, отхватывают как можно большие куски российской земли да тянутся к мусульманскому единству, включая политическое! В этом им не будет препятствий со стороны общеевропейского «государства», НАТО и ООН. И пусть Великая Россия захлебнется наконец в беспросветном кровавом тумане и сгинет как исторический анахронизм! Но исполнить этот замысел не так-то просто: дело надо будет иметь опять с величайшей державой, которая не раз показывала свою сокрушительную силу в ответ на подобные происки супостатов. Тут без идеи сотворения нового Вавилона не обойтись. Такая идея призвана подвергнуть мир самой основательной переделке за последние 2000 лет. Ради нее необходимо пожертвовать Великой Россией, чтоб дать миру третье дыхание. Но как творцы этой идеи ни скрывают ее, она прорастает наружу и становится все более видимой, претворяясь в тщательно спланированный новый виток мировой войны.

Проба по развязыванию этой войны начала успешно обкатываться в Югославии путем разжигания межнациональной и межплеменной розни, в основном на религиозной почве. И уже появились там «миротворческие» войска ООН — «голубые береты». По сути, ненавистники Югославии, особенно Сербии, оккупировали ее под флагом этой международной организации. Очередь за Великой Россией! Подготовка к вторжению интервентов в Российское государство идет полным ходом. Вначале оно произойдет в «горячие точки» (Нагорный Карабах, Приднестровье, Чечня и многие другие), а затем — как в окраинные «суверенные республики», так и в Приволжские, распаляющие свои аппетиты на российскую землю, чтоб «защитить» их «суверенитет» под ширмой все тех же «миротворческих» сил НАТО, ООН, возможно, с участием Китая и Японии. Этим же объясняется скоропалительное признание многими странами мира «независимых государств» — бывших союз-

ных республик — и принятие их в ООН, то есть заведомое расчленение Великой России. Это не что иное, как международный разбой, прикрытый «миротворческим» протекторатом, в том числе и военным.

Итак, все идет к тому, чтобы развязать новую* мировую войну, очагом которой в основном должна стать Великая Россия. Попирание и разрушение духовного строя Российского государства, раскол его единой Православной Церкви, угнетение последней путем навязывания ей отступнических и сатанинских идей, законодательное смешение свободы вероисповедания и свободы совести, ведущее к полному неверию и нравственной распущенности общества, — первый шаг к той войне. Разжигание пожара межнациональной и межплеменной розни по всей округе от Прибалтики до Памира и Забайкалья, в Волжском регионе с целью отделения окраинных территорий и расчленения Великой России на две части по Уралу — западную и восточную — второй шаг к ней. Раздробление ее на множество «местных имперских этносов» под видом «независимых государств» и разделение единой русской нации, состоящей из великороссов, белороссов и малороссов, на независимые этносы с собственной «государственностью» и со сгоном великороссов в «резервацию» в границах Московской Руси конца XV — начала XVI века — третий шаг к тому же. Развал отечественной экономики с помощью вливания в нее западных и восточных инвестиций и займов, внедрения в нее международных грабительских банков и валютных фондов, вхождение ее в столь же грабительские рынки, присвоение государственной и общенародной собственности доморощенной и международной мафиями — все это есть экономическая интервенция. Пристегивание Отечества к мифической «мировой цивилизации», захват «государственной власти» этими же мафиями, устройство ими управительной системы западного образца — все это есть политическая интервенция.

Одностороннее разоружение бывшей советской армии, растаскивание ее «независимыми государствами» и распродажа оборонной техники и технологии, выключение армии из политической жизни — все это есть военная интервенция. «Мирное» внедрение «Великой Германии» в Приволжье, начатое еще Ульяновым-Лениным с целью создания здесь «трудовой коммуны немцев Поволжья», военное — «Великой Румынии» в Приднестровье и одновременное расчленение единой русской нации на три этноса с собственной «государственностью» — не что иное, как развертывание этой же интервенции. Подогревание «мюридизма» на Кавказе вкупе с «независимым Татарстаном» и, может быть, «государством Тимуридов» в Средней Азии, — разве это не та же интервенция?

Неспроста же в последнее время ненавистники исторической России все чаще напоминают, что для нее не закончились ни Ливонская, ни Шведская, ни Приднестровская, ни Кавказская, ни Крымская, ни Среднеазиатская, ни Дальневосточная войны. Они

* Мы не раз говорили о том, что третья мировая война (холодная) завершилась развалом СССР и всего социалистического лагеря. В новой же мировой войне «западная цивилизация», олицетворяющая все мировое зло, ставит целью окончательное разоружение России. Но цель эта, по нашему убеждению, не будет достигнута. «Западная цивилизация», находящаяся под властью сатаны, в этой войне рухнет. — **Ред.**

также напоминают, что для Отечества ни первая мировая война, зачадившая на Балканах, ни вторая мировая, показавшаяся ныне в прибалтийском фашизме да в тех же попытках «мирного» вползания «Великой Германии» на берега Волги, не затухли. Насилие униатов на западных окраинах Малороссии и возрождение идей украинской самостийности и не есть ли предвестники нового нашествия Папского престола и западных притязаний? А идея возбуждения к жизни Золотоордынской «государственности» да сгона россиян в «Нечерноземную зону» не говорит ли о годинах Куликовской битвы да «стояния на Угре»?

Непосредственным орудием новой мировой войны является отступнический мир Запада, который найдет подмогу со стороны доморощенных отступников и поставит для ведения той войны новейшую военную технику. Эта мировая сила не замедлит войти в союз и с мусульманским миром — древним гонителем Христианства, да и вряд ли она откажется от альянса с китайским коммунизмом и Японией. Но скрытое руководство этим антихристианским мировым процессом осуществляет древний, как мир, революционный Израиль, поднявший руку на Самого Бога две тысячи лет тому назад и в последние века преуспевший в накоплении золота и наторевший в навязывании сатанинской политики.

Подводится, наконец, черта под будущее Великой России и россиян: они подлежат уничтожению как носители Христианского государства в лоне Православия. В этом смысл развязываемой ныне новой мировой войны. Но к тому же подгоняются сербы и черногорцы. Потеряв свою Православную заступницу — Великую Россию, они в одиночку будут раздавлены вначале общеевропейским, а затем — общемировым сатанинским «государством»!

Не слишком ли категорично подобное утверждение? Нет! Вот только несколько штрихов к тому. Вся западная пропаганда, захлебываясь, твердит о том, что «русская идея» сгибла, «русский дух» сдох, «препятствие к мировой демократии» устранено, «мировая империя зла» рухнула! И эта пропаганда подкрепляется внешнеполитическим курсом. Европейское сообщество (ЕС), образовавшее политический союз, вместо того, чтобы одернуть зарвавшихся национал-сепаратистов, ультимативно требует от Сербии преобразовать Югославию в «ассоциацию независимых государств», а если она этого не сделает, то ЕС введет против нее не только экономические санкции, но и военные. То же самое предлагается и Великой России: СНГ и есть подобная «ассоциация». Но почему ни Франция, ни Италия, ни Германия, ни Англия, ни США не позволяют превратить себя в «ассоциацию независимых государств»? Попробовали бы сначала на себе этот эксперимент, а потом и предлагали бы его Югославии и Великой России!

Общеевропейское «государство» всеми мерами стремится на месте Российской державы создать «общее экономическое пространство», в котором бы разворачивалось взаимовыгодное сотрудничество «независимых государств». Госсекретарь США, курсирующий по бывшим республикам, и является подлинным «хозяином» их теперешней «независимости». А министр иностранных дел осколка Великой России — Российской Федерации — в поездках по ним лишь закрепляет юридически чаяния заморского секретаря. Но разве такое «пространство» препятствует ориентации «экономсообщников» на рынок международный? Нет, не препятствует! Разве Азербайджан при всех обещаниях и заверениях не будет смотреть в сторону Турции и Ирана, Грузия — Италии, Прибалтика — Скандинавии и Германии, Украина — Германии, Австрии и Венгрии, Молдова — Румынии? Да, будут смотреть! Разве в условиях такой ориентации на международный рынок Великая Россия не станет объектом двойной колонизации, этнического патронирования «своим» и разделения на доминионы? Да, станет! Ясно, что две трети территории страны, где проживает смешанное в этническом отношении население, ввергнется в национально-территориальные конфликты.

Среди доморощенных ненавистников исторической России заморский ее «хозяин» находит мощную поддержку. Западную пропаганду, направленную против нее, подхватывают пресса и телевидение и на все лады унижают Российскую государственность, радуясь ее развалу, глумятся над нравственным достоинством россиян и призывают их следовать по стопам западного образа жизни и «демократического благоденствия». И какая же сидит ненависть к исторической России, если собиравшиеся на съездах нардепов и их советах, клубившиеся в Ново-Огарево, Беловежской пуще и Алма-Ате пестуны ССГ—СНГ, даже произносить имя ее вслух пуще всего страшились? Всякие попытки восстановления Великой России, идущие из народа, современными «правителями» «независимых государств» и особенно Российской Федерации либо замалчиваются, либо встречаются прямым сопротивлением: посылаются на подавление банды фашиствующих демократов-сепаратистов, обеспеченные оружием бывшей советской армии. На Руси такое явление называли *момрой* или мраком, тьмой! Поистине история мира переживает последние времена!

Но почему наши «пестуны» соглашаются все же на вхождение в некое «экономсообщество»? Ясно, что, кроме материальной, чисто корыстной основы, в договоре об этом «сообществе» ничего не лежит. В нем нет ни духовной, ни нравственной, ни тем более всегосударственной идеи, а только «выгоды экономической интеграции, общего экономического пространства, целесообразность сохранения хозяйственных, торговых, научно-технических и иных отношений». В последнее время сквозь зубы начинают говорить о необходимости сохранения некоего «информационного пространства». Понимают «сообщники», что даже без обкромсанной России натерпишься лиха да протянешь ноги! И только помраченные умом не видят того, что подобное «сообщество» есть путь не только к войне за имперские преобладания, но и к жестоким раздорам за жизненные ресурсы и приоритеты экономики. Это — путь к еще небывалой тотальной войне, в которой сгорят и те, кто ее затевает. Подготовка к ней ведется под прикрытием борьбы за мир и всеобщую безопасность! Сбываются слова Ап. Павла: «Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут».

Но пусть помнят все ненавистники исторической России, весь антихристианский мир, что, пока Православие еще не взято от среды и удерживает совершение тайны беззакония, не наступит и кончина мира. Время мира определяется временем стояния православного государства. Православные уповали и будут уповать на то, что и для него придет Воскресение: так неожиданно, так таинственно и так сияюще, как некогда пришло Воскресение Спасителя!

ИСТИНА ВЕЛИКОЙ РОССИИ

Отчего же из-за Великой России разгорается такая мировая смута? Чтобы познать ее глубинные корни, надобно вникнуть в суть Российского государства и выявить его вековую истину. Оно строилось из Верховной власти, организующей органы управления, ведущей исповедную, экономическую, национально-племенную и международную политику, и народа, утверждающего себя верой и духом и живущего самобытным общественным социальным строем. Именно в этом государстве, как нигде, на протяжении длительного времени боролись и борются поныне между собой две духовные установки. Первая установка признает, что Верховная власть делегируется Богом и воплощается в самодержавном монархе как символе веры и духа народа. Вторая установка утверждает, что Верховная власть делегируется «самодержавным» народом и воплощается в представительных органах как выражение его «воли». В первом случае имеет место монархический принцип, во втором — демократический. В основе монархического принципа лежит нравственно-духовный идеал, а демократического — материально-физический, полностью отрицающий этот идеал и смысл жизни народа. Первый принцип признает нравственную полноту, второй — нравственную пустоту! Нравственно-духовный идеал Верховной власти проистекает от Бога, а материально-физический — от бунтующего духа, от беснующегося человечества, в непокорности Богу находящегося. Первый принцип посылается Небом, второй — выползает из преисподней. Потому самодержавная монархия — жизненна и вечна, а самодержавная демократия — безжизненна и временна!

Истоки самодержавной монархии уходят своими корнями в подлинное бытие, в существование истинного Бога, в Новый Завет, данный Спасителем, и в учение Св. Апостолов. Истоки же самодержавной демократии берутся из нового иудейского мессианства, которое утверждает, что Божественная власть передается всему обществу верующих, а не лицам, приемственно поставленным Самим Богом для служения Божественной истине. Потому уже не Бог, а общество уполномачивает повелевать того, кого оно хочет сделать выразителем мессианских даров, принадлежащих по праву всему обществу верующих. Эта ложная и гибельная установка перешла из духовной жизни в гражданскую и политическую, где стала представлять идею о том, что власть происходит не от Бога, а от общества. Так явился в мир жуткий идол — целый народ, делегирующий представителей принимать принадлежащую ему, идолу, «Верховную власть». Избранники этого идола, как законодатели, представляют, в свою очередь, исполнительную и судебную власть своим избранникам, меняя их, как перчатки, и оставляя в стороне истинную Верховную власть, поставленную Богом творить дело Божие. Все это составляет «великие принципы народовластия», добытые реформациями и революциями, а на самом деле — всемирное отступничество от Бога. Все это есть сатанинские игры, то есть преступление пред всеми народами.

На протяжении веков россияне не верили в возможность справедливо устроить общественную и политическую жизнь с помощью юридических норм, полученных умствованием. Пред ними закон был слишком мал! Он не способен был стать высшим выражением Правды! А раз так, то необходима была та личность в народе, которой доверялось быть выше закона. Всюду слышалось: «Народ тело, а Царь голова», «Благо народа — в руке Царевой», «Нельзя царству без Царя стоять», «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится». Народ неустанно повторял: «Горе тому царству, коим владеют многие!» Он предчувствовал это горе и пытался избегать «заразы» государственной демократии, несшей страшное неустройство.

Историческая Россия — Промыслом Божиим сотворенное национально-государственное тело, духовно озаренное для исполнения возложенного на него послушания: сберечь Православие мощью своего государственного бытия, своей неповторимой культурой, всей жизненной волей народа. Долго и терпеливо эта Россия являла собой служительницу и хранительницу Святой Руси, где русский не мыслил свое личное счастье без благодатной Церковной жизни и не ставил себя в центр бытия и тем открывал себе путь к святости, помня, что личного спасения нет вне Церковного целого. В Святой Руси церковность и русскость, христианство и сельский люд были равнозначны. Святая Русь была оплотом приуготовления души к спасению и самого их спасения для Небесной жизни. Так шло: Святая Русь облачалась в одежду России Православной, где горел неугасимый огонь Той Руси, согревавшей соборную душу россиян и освещавший им путь к истокам Небесного Царства. Оттого и считалось: Великая Россия — единая семья, имеющая не только одного Отца Небесного, доверившего ее судьбу Отцу Отечественному, но и материально-телесную и духовно-церковную сплоченность. Это создавало неутомимую последовательность и выдержанность ее внутренней и внешней политики. Потому и рост Российской державы был органическим процессом, а не преднамеренным умыслом каких-либо человеческих группировок или отдельных деятелей. Потому вслед за русской нацией становились в ряд единого Российского народа и другие нации и племена, проникнутые мощным творческим духом, звавшим их к наднациональному единению.

Такова истина Российского государства, заповеданная всеми ушедшими поколениями россиян! Претворяя эту истину в жизнь, народ считал нравственный принцип выше всего на свете, а монарх для него становился величайшим заступником этого принципа. Потому отсутствие монарха влекло народ в нравственную бездну и жуткую безгосударственность. Все, что возникало на его месте, — ниже его, недостойно его, унизительно для него!

Народ, который достоин и способен нести бремя монархической власти, создавал целую систему общения монарха с собою. В управительной области монарх был высшим достижением гения нации, подлинным ее выразителем. Это происходило оттого, что Российская Верховная власть была соборной душой государства: и разумом, и совестью, и волей. Из разума проистекала законодательная власть, из совести — судебная, из воли — исполнительная. Народ же выступал соборным телом государства. Монарх, как средоточие души государства, осуществлял назревающие желания народа, выработанные его духом. Такая верховная власть на протяжении всей ее истории устраивала сложные формы управления государством, используя сочетательный принцип: наряду с управительной властью, уполномоченной верховной, на местах вводилось в действие широчайшее общественное самоуправление народа.

Служению великой истине Российского государства, призванной защитить духовную твердыню народа — Православную Церковь, вне которой немыслимо нравственное здравие народа, были посвящены и государственность, и общественность, и промышленность, и сельское хозяйство, и экономика, и культура, и политика. Все они, за исключением кратких периодов истории, пышно цвели и благоухали. Всякий, кто взглянет в справочно-статистическую и историческую литературу, особенно в последнее двадцатилетие царствования Государя Николая II, без труда найдет тому подтверждение.

Историческая истина Великой России не есть отвлеченное умствование. Она подтвердилась практикой тысячелетнего существования Отечества под сенью монархического самодержавия и последнего 75-летнего его бедствования под ширмой «демократического самодержавия». И не только мировая история, но и отечественная показали, что наиболее уязвимым звеном государства выступает именно Верховная власть, которая является соблазном для народа. Такой соблазн возможен особенно тогда, когда он слабеет верой и духом, пусть даже в небольшой его части, пораженной проказой отступничества, подогреваемого ненавистниками Православного Царства.

Итак, Верховная власть либо находится под покровительством Бога, либо исходит от сатанинских сил, становясь жуткой ложью. В первом случае государство строит Небесно-земную благодатную жизнь и тем преумножается, богатеет и крепнет, ибо никогда не скудеет Рука Дающего, во втором — скатывается в нравственную пустоту, в позорную смуту, перерастающую во всеобщий погром, то есть в погибель. И беда постигает тот народ, который не исполняет Священные Заветы Бога и не воздает Ему ответный дар — свою самобытную государственность, отвергая Его и поклоняясь князю мира сего.

ЛОЖЬ ВЕЛИКОЙ РОССИИ

В 1917 году с россиянами случилось то, чего они страшились веками. Малая, отсохшая их ветвь, потерявшая национальное самосознание, науськиваемая ненавистниками исторической России, отбросила ее истину и уверовала в жуткую ложь — «государственное народное самоуправление», якобы делегированное народной волей. Загорланил тотальный демократический принцип, чуждый нравственному идеалу народа. Но что такое подлинная суть демократии, той демократии, которая поднимается на уровень высшей государственной власти? Демократия есть наихудшая форма этой власти. Она есть жесточайшая тирания своекорыстного, безответственного и преступного меньшинства народа над его молчаливым нравственно-достойным большинством. В ней над безжалостными юридическими «законами» нет управы нравственных законов — милосердия и сострадания. Государственная демократия наиболее доступна неверующей части народа, погрязшей в низменных, материальных и эгоистичных интересах. Она не есть Верховная власть, а лишь абсолютная управительная, питаемая духовной болезнью антропопатрии. На принципе такой демократии можно построить только недолговечное, ложное государство, вовлекающее народ в разложение. Разливающееся «море» представительства, как одна из форм передаточной власти якобы самодержавного народа, создает даже иллюзию Верховной власти. В истоке этой иллюзии лежит давняя ложь: чужую волю нельзя представлять! Власть, основанная на демократическом принципе и лишенная нравственно-религиозного начала, теряет верховенство и становится бесцельной для существования народа.

Власть, опирающаяся только на юридическое право, утрачивает нравственное право. Вот почему государственная демократия не может создавать подлинную Верховную власть, но только высшую управительную, обязательно скатывающуюся в абсолютную и скоротечно перерастающую в тираническую, которая не есть идеал человеческого общежития. Но демократия вполне реальна и благоденственна для народа в самых узких пределах, когда возможно прямое управление на основе непосредственного общения между его членами. Таково было в течение веков народное самоуправление на местах. Великая Россия в своей народной глубине, опираясь на нравственный идеал, олицетворяемый Верховной властью, самоуправлялась на принципе местной, прямой демократии.

Как «государственное народное самоуправление» в 1917—1918 годах, так и выпестованная совдепией «госдемократия» в 1990—1992 годах показали жуткую нежить: бездарность в государственности, несостоятельность в политике, бесплодность в экономике, недоброкачественность в законодательстве, бесправие в обществе, безверие в духовной жизни. Семые худшие предсказания русских мыслителей и духовных подвижников о гибельности для Великой России «народного самодержавия» под личиной всеохватной демократии не только сбылись, но и вылились в зловещие события, ими не предвиденные. Полнейший маразм во всех сферах жизни россиян все более крепчает! Революционная демократия, вскормившая в начале XX века большевизм и сменившая его в 90-х годах этого века, скатывается в царство озверевшей толпы! Претензии на власть от имени народа со стороны его нравственно разложившейся части и внедрившихся в нее чужеродных элементов приобретают патологические черты. Отбросы общества стремятся стать во главе государства. Свобода печати игнорирует не только нравственные законы, но и юридические. Пышная бездарность, как идеал толпы, начинает «переустройство» государства под бдительным надзором «свободной» прессы и столь же «свободного» телевидения. Актерство и фиглярство нардепов перерастают в клубную деятельность, а их советы превращаются в говорильни. Нравственное недостоинство превозносится и входит в норму поведения. Крикливое «правовое государство», о котором горланят демпресса и демтелевидение, летит к бесправному кошмару. Иллюзия получения благ от демреспублики является панацеей от всех бед. С каждой сменой правительства или конституции счастье народа не приходит. Одновременно торговля, промышленность, сельское хозяйство парализуются, а спад производства, взвинчивание цен, нищета подавляющей части народа, призраки затяжного голода приобретают характер безысходности. В целом экономика попадает в грязные «лапы» своей мафии, смыкающейся с международной. Эти мафиозные структуры дестабилизируют кредитно-финансовую систему и создают умышленную несопоставимость стоимости рубля и инвалюты, особенно доллара. Следом грядут

обманутые надежды, упадок духа и апатия. «Самодержавие народа», делегирующего нардепию, вначале прозябает, а затем тащится, как призрак, в хвосте беснующейся толпы. На его место приходит «самодержавие» нескольких сотен или даже десятков политиканов, которые выдвигаются партиями и имеют в своих руках средства массовой информации. Из наиболее циничных, вероломных и наглых политиканов-авантюристов выползают самозванцы «Гришки Отрепьевы», которые и узурпируют управительную власть в стране. Число таких «Гришек» растет вслед за размножением «независимых государств». И все они принадлежат к одной жуткой своре — «желтой сотне», которая толкает Великую Россию в новую фазу гражданской войны. Эта свора самозванцев делает все для того, чтобы продолжался «красный ад» на Российской земле. Она пытается издавать «законы», в которые никто не верит, ибо Правды в них нет: они исходят от человеков, а не от Бога! И чем больше выпекают таких «законов», тем больше свирепствует распущенность общества, тем хуже становится нравственное здоровье народа. Но истинная суть тех же «законов» еще и такова, что все они беззаконны, ибо беспреемственны и потому безнравственны.

Да и как того не может быть, если за «президентством» самозванцев ничего не стоит, кроме тщеславия своего «я», откровенного лицедейства, домогательства власти, корыстной выгоды, омерзительного чванства, измышленных имперских замашек, недоброкачественных амбиций в целях либо личного существования, либо определенных социальных групп, то есть того, что граничит с преступлением перед своими нациями и племенами, всем народом. И не беспокоит никого, что голосует за таких «президентов-Отрепьевых» незначительная часть народа. Скажем, Ельцин «правит» осколком России от имени 40,8 процента пришедших на выборы избирателей! Но это беззаконие «президентства» подтверждается современными «конституциями» Российской Федерации и других «независимых государств», скопированными с «конституций» США и западноевропейских стран. И знают же заправилы государственной демократии, что, не оставь в тех «конституциях» эту лазейку, развалятся в прах сотворенные ими «президентские республики».

Как вожди большевизма самовольно захватили Кремль, так и ныне самочинно засели в нем сначала Горбачев, а потом «народный избранник» Ельцин. Они — плоть от плоти «демократического самозванства»: народом соборно не призваны по Божьему изволенью! Таков же и «президент независимой Украины» — Кравчук — со своими гетманскими замашками, властолюбием и неуважением к южнорусскому племени и ко всем россиянам. Еще в 1991 году он утверждал, что Украина никогда не отделится от России, но а 1992 году он запел другое в своем желании сыграть роль «президента-Отрепьева». Таковы же и другие «президенты» наскоро слепленных «независимых государств». То ли еще может породить современная тотальная демократия! Тому пример — бурные, воинственные страсти Чечни с новым «вождем мюридизма», который пытается создать под своим главенством «Кавказское Федеративное государство».

И как же хитры плутократы от современной демократии! Они постоянно бравируют всенародными референдумами как якобы проявлением народной воли, но при этом умело их направляют в своих корыстных целях. Пройдет совсем немного времени, и россияне вспомнят о подлинном своем общении с Верховной властью. Они уразумеют, что Верховная власть, как душа государства, находящегося под покровом Божественных сил, должна советоваться с народом. Но избирать исторический путь, памятуя о прошлом, ведя настоящее и направляя будущее, может только Она Сама по Божьему наставлению. Потому объявленные «законами» народные референдумы могут лишь рассматриваться как «советное дело», но не «самодержавная воля народа», которой поручается Верховная власть. Это есть полнейший самообман! Руководство такой ложной идеей было бы гибельным для Великой России и ее народа и тем более в условиях, когда народ лишен Родины в погроме Отечества, после жестоких попыток удушения его нравственного идеала, определяющего смысл жизни. Всю пагубность «народных референдумов» уже показала практика их проведения в последние годы. Всю страшную трагедию, связанную с манипулированием ими, народ уже ощутил на себе в полную силу: зверь встречный — и тот милей, чем человек человеку в нынешнем Отечестве! В марте 1991 года большая часть народа высказалась за сохранение Союза, а спустя шесть-семь месяцев она якобы не согласилась жить под его единой крышей. Орудием того плутовства являются современные прирученные и специально финансируемые пресса и телевидение. Отбери у самозванцев это направленное воздействие на народ — и лопнет как мыльный пузырь все их плутовство и полетит в преисподнюю верховенство их демократии.

А что творится ныне в государственном управлении? Как в несчастном 1917 году, так и в наши дни происходит одно и то же. Вспомним: с марта по октябрь того смутного года, то есть за семь с половиной месяцев жизни «революционной демократии», сменилось шесть «правительств», включая самочинное, временное большевистское. За те же семь с половиной месяцев существования той «демократии» также сменилось шесть самовольных законодательных органов, претендовавших на «Верховную власть». Только за один год жизни нынешней «революционной демократии» сменилось также шесть «правительств», если считать «правительства» РСФСР. Такая же чехарда наблюдалась и в законодательной «власти» под видом съездов нардепов и делегированных ими Верховных Советов, точно так же претендовавших на «Верховную власть». Последнему Верховному Совету СССР «Горбачев-Отрепьев» даже предрекал «миссию Учредительного Собрания», которое и разогнали необольшевики из ДемРоссии, захватившие «власть».

Как налицо было двоевластие в 1917 году, так то же самое имеет место и теперь. Наряду со съездами нардепов — представительства «народной воли или Верховной власти» и избранной ими «законодательной властью» — Верховными Советами и «исполнительной властью» правительствами соседствуют еще и «президентские власти» — также исполнительного назначения. Это двоевластие, а теперь уже троевластие, расползается как раковая опухоль в области, края, районы. Все эти «власти» грызутся, как пауки в банке, и еще дальше толкают страну в хаос безгосударственности. Зачем это делается? А затем, чтобы народ потерял государственную истину, окончательно запутался в смысле своего существования и попал в жесточайшее порабощение. Судя по последним событиям, на россиян надвигается абсолютная управительная «власть» диктаторов-политиканов, скрытая под маской «револю-

ционной демократии» и чреватая грозными и небывалыми последствиями. Судьба нардепии как представительства «народной воли» очевидна: она будет разогнана «президентом-Отрепьевым» и его подручными. И это будет продолжаться до тех пор, пока Великая Россия и ее народ не восстановят делегированную Богом Верховную власть, от которой истекают все управительные власти, снова сходящиеся, как в фокусе, в Ней, как в душе государства.

Великая Россия умышленно погружается в «президентское республиканское правление», которое не несет в себе даже малейшего зародыша нравственного идеала. Уже не говоря о том, что ничего самобытного в таком «правлении» великой державой нет и не может быть! Оно по сути антиисторично и антинародно! Потому Отечество вступает в завершающую фазу большевистской развальной политики, суть которой — окончательная ликвидация его исторической государственности. В основе этой политики лежит насильственная десуверенизация русской нации и одновременная суверенизация других имперских этносов, которые наделяются абсолютной монополией на территории. Это означает, что последняя подлежит столь же полному разгосударствлению и сталкиванию на путь утраты Родины как лона своего рождения и Отечества, как гнезда своих предков. А раз так, то самочинные «правители» осколками Великой России заранее делают ставку не на народные силы, а международные мафии, которые не имеют географических границ, но обладают функциональными целями. Эти мафии — орудие творения антихристианского «государства», в котором обкорнанной и обескровленной бывшей Российской державе отводится роль вспомогательной колонии с рабским трудом ее населения. Оттого она перегоняется в низы «пирамиды мировой цивилизации». Другими словами, она вероломно и насильственно толкается к строительству нового Вавилона, то есть к конечному истреблению Православного Христианства и защитника Его — Православного государства. В этих целях она призывается к «кормлению» духовными, нравственными и физическими отбросами западной «цивилизации», утратившей смысл бытия. И никто из современных самозванцев, узурпировавших управительную власть, даже пальцем не пошевелил, чтоб воспрепятствовать нашествию всей этой западной нечисти. Наоборот, они приветствуют «работорговлю» русскими девушками, которые обманно гонятся на западные рынки разврата, извращенности, подлости, гнусности, моральной грязи, сребролюбия, душеразложения, то есть ниспадения в бездну многоликого сатанизма. Не пора ли вспомнить, что западная «цивилизация» веками считала все самобытно русское и славянское достойным презрения и искоренения. Кто думает, что она забыла и откинула прочь подобные «заповеди» по отношению к Отечеству и славянскому миру, тот глубоко и безнадежно заблуждается. Америка, Англия, Германия и пристегнутая к ним Франция вместе с революционным Израилем чувствуют в себе мессианское призвание овладеть миром и передать его лжемессии — зверю. К тому все и подгоняется! Именно они подкрепляют строительство нового политического Вавилона экономическим закабалением. Кто думает, что в нынешней России проводятся экономические реформы на благо ее народа, тот также глубоко и безнадежно заблуждается. Ничего подобного в ней не совершается, ибо нет в ней ни правительства реформ, ни подлинной их программы, опирающейся на исторические и нравственные устои

народа. Да и дело ли правительства, призванного защищать народ от внешнего и внутреннего зла, строить его экономическую жизнь? Нет, конечно! Эта жизнь, как и общественная и социальная, — творчество и воля самого народа! Все это — лишь типичные сатанинские игры, которые ведут прямые потомки большевиков — необольшевики. Они ввергают народ в более коварный и изощренный обман. Самая богатейшая страна в мире — Великая Россия — в мирное время и в считанные годы обваливается в бездну нищеты и голода. А как же: новый Вавилон того требует! В ней идет очередной грабеж народа, расхищение созданных и сохраненных им культурных богатств и природных ресурсов для сооружения нового Вавилона и уничтожения последних остатков Христианского Царства. Вот чем оборачивается ложь Великой России, свирепствующая в ней уже 75 лет!

КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ!

Никогда прежде так, как ныне, не стоял для русских и россиян вопрос: как жить дальше? Без преувеличения можно сказать, что им остается последний шанс выжить. Но только в том случае, если они восстановят свое историческое государство — благословенную Великую Россию на основе призвания Верховной власти, как ее соборной души, для созидания народа, как ее соборного тела. И путь к этому у них лишь один: отказ от навязанного им ложного государства, в котором нет ни Верховной власти, ни народа, находящегося в едином родовом духовном лоне. В таком псевдогосударстве существуют лишь высшая управительная власть, никем и ничем не ограниченная и не обусловленная, и население, угнетаемое этой властью и вырождающееся в царство толпы, как игралище сатанинских сил. Русские и россияне только тогда смогут выйти из нравственной пустоты и творческого ничтожества, когда они дадут непримиримый отпор даже малейшему воздействию на себя этих сил. В этих целях им надлежит вернуться к своей тысячелетней истории, вековым традициям и укладу, к самобытному, овеянному славой и подвигами домостроительству, к духу и вере великих предков.

Для русских и россиян, как и для других наций и народов, сколько бы мир ни стоял под Небом, существует один закон: государство, раз возникшее, должно и обязано непременно смотреть на себя как на окончательное, служащее им во всех проявлениях его исторического развития. Русские должны понять: в третий раз за одно столетие возводить новое «государство» равносильно самоубийству!

Существует Великая Россия не как изменчивый и преходящий исторический факт, но как организм, имеющий живую душу с единым соборным самосознанием, самочувствием и самоволением. Потому никак нельзя такую могучую державу выдумать, спланировать, выкроить, построить по чуждым ее сущности замыслам и проектам. Тем занимались революционные демократы и большевики — и результаты их «творчества» все видят и знают! Тем же занимаются современные перестройщики-ревдемократы. Великую Россию можно только развивать, ей можно только помогать, чтоб она шла к процветанию по историческому призванию. Это последнее есть воля Божия, дарованная ей для того, чтобы она име-

ла свободную ответственность за порученное ей дело Божие. Эта ответственность и определяет ее судьбу! Она может пойти к славе или к позору. Всякий раз, как она снимала с себя не столько по своей воле, сколько по навязанной, возложенную на нее Богом ту ответственность, так она катилась по пути позора. Такое случилось с ней 75 лет тому назад. Ныне ненавистники исторической России толкают ее к тому же.

Непросто развивать и возрождать подлинную историческую Россию, но начинать надо. Прежде всего, следует приступить к «лечению» святая святых — души личности и ее семьи. Затем непременно последует и нравственное выздоровление семьи, нации и народа, пребывающих в едином духовном лоне, и всего наднационального тела — того многоцветья наций и племен, которое творит столь же единый Духовный Акт. Святое это дело — в руках Православной Церкви, которой необходимо предоставить для этого свободную ответственность, дарованную ей Богом. Оттого и надлежит защищать, как зеницу ока, Православную Церковь, ее единство и благоденствие всей мощью государства, но последнее раз и навсегда должно отказаться выступать ее высшим судией. Государственные законоустановления, касающиеся духовного строя россиян, должны гласить, что в Великой России всем предоставляется свобода совести, но не признается равноправие вероисповеданий, которое неизбежно ведет к потере бесспорной истины, к нерелигиозному обществу и к жестокой тирании безверья, открывающего врата к сатанизму. А это недопустимо!

Но проку будет мало в том, ежели одновременно не возгорится другое столь же святое дело — «лечение» души государства, являющегося внешними устоями и подпорами всего духовного строя русских и всех россиян. Душа же государства воплощается в Государе, как носителе их нравственно-духовного идеала. Потому и действовать надобно не покладая рук с призвания исторической, законной, заповеданной Верховной власти. Напомним русским и россиянам о том вековечном заповедании, которое проистекает из Постановления Великого Московского Земского и Церковного Собора 21 февраля 1613 года: «...заповедано, чтобы избранник Божий, Царь Михаил Федорович Романов, был родоначальником правителей на Руси из рода в род, с ответственностью в своих делах перед единым Небесным Царем, а кто же пойдет против сего соборного постановления — Царь ли, Патриарх ли и всяк человек, да проклянется тако во всем веке и в будущем, отлучен вовеки будет он от Святой Троицы...»

Сия Заповедь есть грозный наказ потомкам, увещание не забывать своей истории, видеть зорко путь исторической истины и никогда с него не сворачивать! И отступив от Нее, хотя и не по своей воле, мы были жестоко наказаны, да так, что доселе опомниться не можем! И разверзлись ли до конца врата адовы в наказанье за тот национальный грех? Вот и надобно немедля русским и россиянам готовиться к собиранию «Земли» на Великий Собор, да не на общегражданских началах, оплетенных ложью четырехвостного голосования граждан, а на нравственной делегации соотечественников, представляющих дух и веру нации и народа. Такая делегация будет олицетворять не партии политиканов-авантюристов, а сохранившиеся социальные слои, то есть тот гений нации

и народа, который и способен решать судьбу государства. Земский Собор и должен призвать, полагаясь на Православную Церковь, помазанника Божия — Православного Государя и повести Его на Всероссийский престол как носителя Верховной власти.

Так призванная Верховная власть совместно с Земским Собором сразу же обязана отменить все самочинные, сатанинские, гибельные для Великой России «законоустановления» и утвердить к действию исторические законы Российского государства, созданные с помощью Бога гением народа за тысячелетие его бытия, то есть еще до развального и обвального «красного октября» и «ревдемократического августа» 1991 года. Верховная власть вкупе с Земским Собором также обязана призвать подданных восстановленной державы повиноваться этим законам не за страх, а за совесть. Верховной власти совместно с Земским Собором незамедлительно надлежит восстановить в обновленном виде систему управления государством с ее высшим, средним и местным звеньями. Подлежащий введению в жизнь общий принцип этой системы должен быть, как и встарь, сочетанным. Его суть в том, что она строится из органов самоуправления в «народной глубине и шири», аристократических в среднем звене и делегированных Верховной властью в высшем звене. Сама же Верховная власть, олицетворенная Государем, также действует с непременным участием «советных людей», как нравственных представителей нации и народа. Такая система управления обязывает вернуться к делению Великой России на губернии (реже области), которые должны выступать как административно-судебные территории, а входящие в них уезды — как административно-хозяйственные. Всякие попытки расчленения Великой России на самостоятельные имперские этносы с созданием для них территориального приоритета в виде «независимых государств» за счет разгосударствления русской нации и всего российского народа впредь должны рассматриваться как антигосударственные и антинародные. Вся система управления государством должна стоять на страже незыблемости его целостности, пресекая в корне такие попытки. Только после этого россияне с облегчением почувствуют свободу своего бытия, полную безопасность в своей жизни и надежную опору своего будущего.

Верховная власть безотлагательно должна вернуть Отечеству Государственный Совет, Правительствующий Сенат и Совет Министров как высшие законодательную, судебную и исполнительную власти, которые выступят как Ее разум, совесть и воля. Они должны состоять как из уполномоченных Верховной власти, так и из посланцев народа, но в том и другом случае на основе нравственной делегации. Их количественное соотношение, как и встарь, будет определяться Верховной властью. В число первоочередных мер Верховной власти также входит восстановление исторической военной власти, имея в виду и высшее командование, и управление округами, частями и соединениями, коих наименование должно соответствовать их подвигам не только в последней войне, но и в предшествующих.

Верховная власть с первого дня вступления в свои Богом данные права обязана приступить к созиданию прежде всего русской нации, а вослед и всего народа, развивая их духовные и материальные силы. Это должно достигаться и властным, и могучим, и непреклонным, и разносторонним, и напряженным проведением

государственной политики: исповедной, экономической, социальной, территориальной, национально-племенной, наднациональной и международной. Только тогда встанут на ноги русская нация как самобытный дух и российский народ как родовое духовное лоно этого духа. Только тогда возгорится самобытная, многоукладная, взаимодополняющая, богатая и прочная Российская экономика, ее финансы и кредит, основанные не на материально-физическом фундаменте (ростовщическом, грабительском капитале), а на нравственном, то есть на том, что помогает духовному совершенствованию народа. Все природные ресурсы, культурные ценности, нравственные и духовные сбережения и накопления должны быть направлены на внутренние национальные цели, а не на международные, призванные возводить новый Вавилон.

Сатанинские экономические игры, проводимые нынешними необольшевиками в Великой России, должны быть незамедлительно отброшены. Россияне, еще не оскудевшие умом, обязаны вспомнить, что основа нравственной экономики есть собственность на все то, что их окружает. Так вот эта собственность принадлежит только народу. Он же передает одну ее часть государству, которое им создается с помощью Верховной власти. Эта часть собственности и становится государственной и предназначается либо для всенародно-экологических целей, либо для стратегических, либо для резервных — для будущих поколений. Другую ее часть он уже с помощью государства делает общественной, ибо есть отрасли хозяйства, которые не в силах поднять личность как таковая или даже малый коллектив, но они по плечу общему народному усилию. Она также необходима для развития самостоятельности и завершенности всех производительных сил (и добывающих, и обрабатывающих), которые должны гармонично друг друга дополнять и создавать в результате самоудовлетворяющееся общество. Без этого не может существовать ни одна нация, ни один народ. Третью часть собственности народ оставляет за собой и подразделяет на общую (совместную) и личную, где вступает в силу принцип прямой наследственности. Без нее не исполнимы ни экологические законы жизни общества, ни нравственные. На базе этих четырех ветвей собственности и возникают также четыре равнозначных, но неравноценных ветви экономики: государственная, общественная, общая и личная. Две последние часто именуют частными. Такова же структура обслуживающих их финансов и кредита. И история показала, что наиболее совершенно и жизнеспособно то государство, которое наряду с могучей государственной и общественной экономикой имеет могучую и возрастающую в силе общую и личную. При этом первая экономика не посягает на право второй, что подтверждается законами. В императорской Великой России до развального «красного октября» государственная и общественная экономика составляла более половины всей ее экономики, что позволяло ставить вопрос о повсеместном переходе всего народа на бесплатное образование, здравоохранение, призрение, страхование, нравственное совершенствование, культурное развитие и другие социальные и духовные вспомоществования. И Российское государство семимильными шагами двигалось к тому. Получив для завершения своих подлинных реформ мирную передышку всего в 25 лет, она к 30-м годам выступила бы небывалым исполином духовного, нравственного и материального благоустройства — образцом для

подражания всего мира. Государь Николай II и его сподвижники, особенно П. А. Столыпин, были социально-экономическими подвижниками, творившими благо для народа не на словах, как революционные демократы, а на деле. Большевики же, объявив себя социалистами, полностью разрушили этот самобытный экономический строй великой державы. Они не только ликвидировали под корень общую и личную экономику, но и обвалили государственную и общественную, которые подпитывались и подпирались первой. Они обманным путем присвоили себе всю собственность страны и основанную на ней экономику, став полновластными и бесконтрольными их владыками. Они отдали их на сооружение нового Вавилона, пытаясь превратить Великую Россию в суперрабовладельческое государство!

Но то же делают и современные необольшевики: под ширмой всеобщей «приватизации» собственности они не только ликвидируют государственную и общественную экономику, но и разрушают основы будущего возрождения общей и личной. После 75-летнего удушения национальной экономики ее развитие возможно только при двух условиях: 1) сохранении и совершенствовании всей слаженной структуры многоукладной, взаимодополняющей, завершенной и самостоятельной государственной и общественной экономики, ее финансов и кредита и 2) наличии и возрастании народного капитала, обеспечивающего покупательную способность рубля и стимуляцию вкладов в развитие производительных сил.

Необольшевики знают это и наносят разрушающий удар по первому и второму условиям: и по структуре экономики, и по народному капиталу (ныне он отнимается так, как не изымался все 75 лет совдепии!). Вместо того чтобы с помощью государственной и общественной экономики постепенно восстановить общую и личную, они отдают все ее ветви в руки доморощенного и иностранного грабительского капитала, то есть международным мафиозным структурам, подчиняющим себе и отечественные. В этих же целях по якобы экономически реформируемой России гуляет без каких-либо ограничений иностранная валюта, которая стремится обесценить и затем вытеснить рубль. Это есть грабеж среди бела дня! Подобной инвалютной интервенции не допускает ни одно государство, берегущее свое экономическое и нравственное достоинство!

Таким образом, если большевики 17-го «революционного» и последующих «героических» годов занимались тотальным «огосударствлением» Великой России, то нынешние необольшевики — столь же тотальным ее «разгосударствлением». Это типичные социально-экономические эксперименты преступного характера. Их цель — грабеж, грабеж и еще раз грабеж великой державы, необходимый для обманного и насильственного сгона всего мира во всеобщее антихристианское «государство». На заклание этому новому Вавилону и бросается Православный народ!

Вот почему Верховная власть вкупе с Земским Собором и обязана незамедлительно прекратить эти эксперименты с российской экономикой, проводимые современными ее «благодетелями» от необольшевизма. Первым делом, опираясь на Российский земельный закон от 14 июня 1910 года и внося в него соответствующие поправки, столь необходимые после 75-летнего избиения и терзания крестьянства, полного разорения дворянства и монастырей,

то есть крупновладельческих и частновладельческих хозяйств, они должны принять законоустановления и о земле и о крестьянстве. Последнее должно быть восстановлено как сословие, во всем своем экономическом, хозяйственном и нравственном значении. Ему необходимо создать все условия вспомоществования не только со стороны государства, но и всего народа. Одновременно должны войти в силу законы о структуре собственности; о сочетании, многоукладной экономике; о кредитно-финансовой системе; о сложном социально-корпоративном строе, включающем рабочую корпорацию. (Непризнанием этой корпорации в Основных Российских законах воспользовались ревдемократы и большевики для разжигания смуты в начале века.) Вот тогда и станет исполином российское хозяйство, в котором государственная и общественная экономика, обновленная и возрожденная на новых началах, займет подобающее ей место, то, которое предназначит ей народ. Всю остальную часть экономики заполнит общая и личная. Она придаст всей экономической жизни народа разнообразие, стабильность, устойчивость, неуязвимость. Тогда не надобно будет Великой России «входить в грабительский мировой рынок» и создавать новое «дыхание западной «цивилизации». Российское государство само станет мировым самодостаточным рынком.

Верховная власть в тесном единении с Земским Собором обязана утвердить естественные границы государства в их завершенности, дающие своему народу процветание и безопасность. Она, укрепляя и развивая свою территориальную политику, должна отменить все антигосударственные «законы» о пресловутой суверенизации, о разыгрывании политики «независимых государств» на территории Великой России, а начавшиеся поползновения насельников государства к звериному национализму властно прекратить управительной властью!

И тогда русская нация от Черного и до Белого морей, от Балтийского моря до Тихого океана станет единой и неделимой, ибо она — явление единого Духовного Акта, проявленного в столь же единой Родине, выступающей как неповторимый дар Богу. Но Верховная власть обязана не допускать ни малейшего разрыва совместной жизни наций и племен в едином Отечестве. И в том будет порукой единый государственный язык — русский, который не должен подавлять местные языки, но, наоборот, ими усиливаться.

Итак, Верховная власть в согласии с Земским Собором и принятым в народе нравственным идеалом устанавливает законный правопорядок, то есть государственную законность. Она утверждает к действию «Основные Государственные законы», существовавшие до «красного октября». Они дополняются узаконениями, кроме указанных выше, такими, как: об отмене законоустановлений, принятых Советским государством; о Православной Церкви и других вероисповеданиях; о запрещении атеизма и религиозного кощунства; о Земском Соборе и сочетанной системе управления Российским государством; о восстановлении и развитии государственного языка и местных языков; о внутреннем мире в русской нации и российском народе; об административно-территориальном делении Российского государства и органов самоуправления на местах; о свободе объединения наций и племен в родовое духовное и материальное лоно Российского государства и об их рядомжительстве; о завершенности и окончательности Российского

государства и его границах; о международной политике Российского государства; о Российских вооруженных силах и об обороне Отечества.

Всех законоустановлений по восстановлению Российской государственности здесь не перечтешь, тем более что они есть результат постоянного творческого процесса Верховной власти и народа. Одно надо добавить: возрожденные Государственный Совет и Правительствующий Сенат должны точно и ясно указать на соответствие всех издаваемых законов Верховному управительному и местному уровню развития государственности.

И должен быть обеспечен постепенный, мирный, добровольный и согласный переход от СССР к историческому Российскому государству, как нерасторжимому целому Верховной власти и народа. А чтобы это совершилось, необходимо Российской демреспублике, основанной на «государственном народном самоуправлении», на этой великой лжи, наконец, искупить свой грех, отказаться от того, чем она по Божественному праву, по Заповеди народной не может владеть — от Верховной власти и, значит, от управления Российским государством. Представители этого «самоуправления» (съезды ли нардепов, Верховные ли их Советы) должны торжественно провозгласить восстановление Великой России, которая и выступит восприемником СССР, и сложить с себя государственные полномочия пред Великим Земским Собором. Так восторжествует истина Российского государства, так восстановится Святое Целое Великой России! Все иные пути для многострадального Отечества — гибельны. Так российский народ покончит с позорной смутой, зачадившей в 1917 году, и жестоким погромом Отечества!

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ИГО

СТРОКИ ИЗ ТРАГИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ РОССИИ *

Наша Родина подвергается невиданному разгрому и поруганию. Великий и трудолюбивый народ ограблен. Большинство населения доведено до нищеты и полуголодного существования. Честный труженик — надежда и опора страны — не в силах свести концы с концами. Тысячи заводов и крестьянских хозяйств — крупных и мелких — доведены до банкротства. Национальные богатства переходят в руки спекулянтов и мафии, утекают через «прозрачные» границы. Закордонные хозяева наших новых властителей разъезжают по России, указывая, что нам делать и как нам жить. Десятки тысяч мирных жителей, ни в чем не повинных людей, стали жертвами братоубийственных войн, сотни тысяч превратились в беженцев на своей земле. Разрушение общественных устоев и фактическое безвластие привели к взрыву преступлений. <...>

Мы убеждены, что постигшая нашу страну трагедия — резуль-

* Продолжение. Начало см. в № 11—12, 1992 г.

тат целенаправленной антинародной политики правящей верхушки, а не ошибок или просчетов «неопытных руководителей».

Из «Обращения к гражданам России оргкомитета Фронта Национального Спасения». — «Советская Россия», 1992, 1 окт.

Б. Ельцин, Президент России (на вопрос корреспондента ульяновской областной детской газеты: «Как ваша семья относится к свободным ценам?»): «Вся моя семья поддерживает эти меры, хотя ей приходится очень тяжело. И мы сейчас свой продовольственный паек резко снизили для потребления. Поэтому вы видите (смеется), какой я стройный».

«Правда», 1992, 29 янв.

Г. Бурбулис, госсекретарь при Президенте России: «...Все попытки расценивать наши действия как происки очередных кремлевских реформаторов, которые дорвались до власти и пытаются ее реализовать за счет народа, я категорически отвергаю.

Мне кажется, что столь убежденных людей — от президента до правительства — действовать в интересах большинства населения, может быть, в истории России было немного».

«Аргументы и факты», 1992, авг., № 31.

Е. Гайдар, и. о. премьер-министра России: «Говорят, что мы общество бедных. Это некорректно. Не бывает общества, в котором 95 процентов бедных. С точки зрения стандартов США, у нас 99 процентов населения — бедные, а с точки зрения стандартов Сомали, у нас 100 процентов преуспевающих и богатых...»

«Советская Россия», 1992, 3 окт.

В западной прессе уже довольно прочно установился термин «new russians», которому, как ни странно, в прессе отечественной аналогов нет. Используется «новые богатые». Но это, пожалуй, излишне широко. Речь не просто об обеспеченной части общества. Речь — об определенном гораздо более узком социальном слое, представители которого характеризуются одновременно высокой материальной обеспеченностью, образованностью, новым менталитетом и, как следствие, новым стилем жизни. Формирующаяся элита российского общества...*

*Если оценивать численный состав «new russians» по чисто материальному признаку, то проще всего использовать для этого так называемую «потребительскую корзину первого типа», представители которой живут в России примерно на уровне европейского middle class**. Сейчас придерживаться этого принципа потребления позволяют доходы, как минимум в двенадцать раз превышающие среднюю по России заработную плату и, кроме того, растущие на 14—15% в неделю или, иными словами, на 2—3% в день.*

Расчеты, сделанные на основе официальной статистики, показывают, что сегодня на этом уровне живут примерно 2% населения России. В Москве и Санкт-Петербурге эта доля несколько выше и составляет приблизительно 3,5—4,0%. Таким образом, по России «new russians» — около 3 миллионов. В Москве — более 300 тысяч. В Санкт-Петербурге — около 150 тысяч. <...>

Названные выше цифры скорее характеризуют численный состав всей социальной группы, внутри которой возникает сейчас новая элита российского общества. Действительных «new russians», конечно, значительно меньше.

Человек, который живет в России на уровне представителя европейского middle class, тратит сейчас около 60 000 рублей в месяц (на взрослого члена семьи). Однако, поскольку Россия по-прежнему остается бивалютной страной, рублями дело не ограничивается.

...Специально проведенный опрос показал, что представители «опережающей группы» плюс к рублям тратят сейчас около 320 долларов ежемесячно. При этом около 7% «new russians» имеют в своем распоряжении кредитные карточки зарубежных банков. А около 7,5% располагают на расходы более чем 1000 долларами ежемесячно. <...>

На текущие расходы (покупка продуктов питания, напитков, табака, оплата услуг) «new russians» тратят всего около трети своих заработков, остальное используется на затраты более «капитального» характера.

При этом в структуре расходов на непродовольственные товары безусловным лидером являются «автомобили и недвижимость», на которые тратится более 40% всех средств, направляемых на «капитальные вложения».

«Коммерсант» — DAILY», 1992, 7 сент., № 8.

...На Варшавском шоссе (в Москве. — Ред.) женщина выбросилась из окна 5-го этажа. Перед этим она задушила двух своих маленьких детей — мальчика и девочку. Как нам рассказали в 45-м отделении милиции, примерно две недели назад она попала под сокращение и постоянно просила соседей устроить ее хоть на какую-то работу. За день до случившегося написала письмо родителям, которое муж отправил в тот трагический день. А наутро она, по словам соседей, не чаявшая души в своих детях, оставила мужу записку и задушила малышей. Один из них сопротивлялся...

В записке она просила прощения, заканчивая ее такой в уме не укладывающейся фразой: «Довели демократы и Ельцин».

«Московский комсомолец», 1992, 5 сент.

...Горлодеры, разжигающие ненависть в народе на митингах кликушеских и под стенами телецентра, призывающие свергать, они только к крови зовут и ничего лучшего не предложат. Чем хуже стране, тем для них лучше, надежда их на то, что народ, потерявший терпение, поджигаемый, стряхнет власть нынешнюю, и вот тогда они-то и перехватят власть. А что предложат взамен? Фашизм. И это уже не скрывают, об этом заявляется открыто.

Григорий Бакланов. Не потерять свое лицо. — «Московская правда», 1992, 19 сент.

Мы получили талоны на хлеб. Давайте вместе посчитаем, сколько граммов на день благословили нам наши господа.

* Новые русские. (**Прим. редакции.**)
** Средний класс. (**Прим. редакции.**)

Каждый гражданин получил по 33 талона. Эта норма до конца года. Каждый талон — 1 буханка. Каждая буханка — 0,75 кг. Вот и получается: до конца года 112 дней (талоны с 10/IX), 33 талона по 0,750 кг=24,750 кг. Отсюда норма на день 24,750: 112=0,231 кг — 231 грамм!

Даже в войну такой нормы не было! Как можно выжить на такой пайке? Это же удушение народа! Кто поможет нам? Ельцин? Хасбулатов? Гайдар? Иль сам Бог?..

Господа руководители России! Терпение народа небеспредельно. Довольно терзать нас. Мы не для того доверили вам власть, чтоб вы душили нас голодом, безработицей, преступностью и, наконец, предательством.

Жители ст. Староминской Краснодарского края — всего 55 подписей. — «Советская Россия», 1992, 1 окт.

Убежденность в том, что с падением власти КПСС народ стал свободным, — один из... мифов. ...Освободить, как ни покажется это парадоксальным, можно только народ свободный, который попал в зависимость. Народ, не знающий свободы, никто не в силах освободить.

Сергей Муратов, доктор филологических наук. Конец света в конце туннеля. — «Известия», 1992, 2 окт.

19 июля с. г. (1992. — Ред.) прибыл самолет ИЛ-76 из Америки, бывший там с дружественным визитом. По пути захватил груз «гуманитарной» помощи для жителей Чукотки — 71 тюк весом 150—200 кг каждый разного тряпья (трусы, майки, лифчики, старые джинсы и так далее), даже не побывавшего в стирке. На свалке можно найти более добротные вещи.

Что это? Насмешка над великой страной и великим народом?!

В. Шагевис. На тебе боже... — «Гласность», 1992, 13—19 авг.

...Пишут в газетах, передают по телевидению, что именитые люди — Петраков, Амбарцумов, Телегин — ездят в бизнес-круизы читать лекции. У нас что, проблемы решены и в рабочее время можно отдыхать? Ведь они возглавляют такие участки научной, государственной и общественной деятельности, от которых зависит наше будущее.

Л. Бонюшкина, аспирантка, Москва

Мы обратились за разъяснениями к генеральному директору акционерного общества «Рондо» г-ну Солнцеву В. А., в круизах которого принимали участие упомянутые люди.

— Действительно, в наших бизнес-круизах в качестве лекторов и руководителей семинаров принимали участие и директор Института рынка РАН академик Николай Петраков, и председатель Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям ВС РФ Евгений Амбарцумов, и председатель правления Банка внешней торговли РФ Валерий Телегин, и другие известные люди...

Все мы знаем, что в рынок можно войти только всесторонне подготовленными. Именно подготовка наших предпринимателей для рыночной экономики и является целью бизнес-круизов «Деловые люди», регулярно организуемых А/О «Рондо». А именитые люди охотно сотрудничают с нами, потому что для них это хорошая возможность в течение недели-двух в неформальной обстановке пообщаться почти с пятьюстами предпринимателями из стран СНГ.

Пользуясь возможностью, хочу пригласить всех желающих в наши очередные круизы: в Гонконг и ЮАР, а с 18 ноября — по 10 странам Европы: посетим Лондон, Париж, Стокгольм, Копенгаген, Гамбург, Амстердам, Осло, Антверпен, Хельсинки и Ригу на борту суперлайнера «Ф. Достоевский». По комфортабельности и уровню сервиса его нельзя сравнить ни с одним из теплоходов стран СНГ: только двухместные каюты и «люкс», в каждой каюте телевизор, фен и т. д. В ресторанах — итальянские повара. Солярии, бассейн. Учебная программа построена так, что наши известные ученые и практики дадут участникам ответы на все вопросы: от того, что делать с ваучерами, до того, как организовать собственную фирму за рубежом. Участники смогут устроить презентацию своей фирмы, а в конце круиза им вручат дипломы Консорциума профессиональных менеджеров, членом которого является А/О «Рондо». А вечерами, конечно, вы в обществе «звезд» эстрады: Л. Лещенко, И. Понаровской, И. Николаева, И. Отиевой, А. Апиной и др. И хотя цены у нас немалые, мы даем разные скидки — в частности, тем, кто отмечает во время круиза свой день рождения. И впервые в круизах — победитель лотереи на борту получит автомобиль. Звоните в «Рондо»...

«Аргументы и факты», 1992, окт., № 37

Крупные индустриальные фирмы (Запада. — Ред.) открыли новые возможности в торговле интеллектом. Они предпочитают покупать специалистов не на «вывод» (как когда-то покупали на Руси крепостных крестьян), а для использования на месте проживания.

Английская телекомпания Ай-ти-эн поведала об одной такой операции. Мощная корпорация — производитель средств связи — купила в России целый коллектив специалистов, работающих в области волоконной оптики. Область эта — из числа «деликатных»: многие разработки здесь традиционно снабжены грифом «секретно» и «совершенно секретно».

Приобретя специалистов и заплатив за оборудование, покупатели сделали выгодный бизнес. ...В развитых странах существуют регулируемые законом ограничения минимальной заработной платы, которую наниматель обязан платить наемному работнику. На территории бывшего СССР эти законы не действуют. Следовательно, специалисту здесь можно платить и в 20, и в 30 раз меньше, чем пришлось бы платить ему же на Западе. Главное — чтобы с голоду не умер и сохранял работоспособность.

А. Д. Интеллект по дешевке. — «Гласность», 1992, 20—26 авг.

Мы снова загоним баранов в траншею,
Чтоб вновь до получки хватало рубля,
Мы вновь оседлаем народную шею,
Иначе зачем нам
такая
земля?..

Александр Иванов. Парторг Кобылицын. Плач Ярославны, члена бывшей КПСС. — «Куранты», 1992, 25 сент.

За 1991 год из России было вывезено: нефти — 56,5 миллиона тонн, нефтепродуктов — 41,6 миллиона тонн, природного газа — 90 миллиардов кубометров, леса круглого — 11,2 миллиона кубометров, бумаги и картона — 330 тысяч тонн, алюминия — 763 тысячи тонн, меди — 174 тысячи тонн, азотных удобрений — 6,6 миллиона тонн, калийных удобрений — 3,4 миллиона тонн, каучука — 308 тысяч тонн.

Данные приводятся по: «Экономика и жизнь», 1992, № 13, с. 15.

Население бывшего СССР в 1991 году составляло 5,5 процента от мировой численности. В тот же год в СССР (данные по России пока получить не удалось) было произведено (в процентах от общемирового выпуска): телевизоров — 10,9, электропылесосов — 12,4, стиральных машин — 12,6, холодильников — 17,4, хлопчатобумажных тканей — 13,0, часов — 17,1, льняных тканей — 75.

В погоне за валютой мафиозные структуры в союзе с властными органами гонят товары за рубеж по демпинговым ценам. Проиллюстрируем это на примере лишь нескольких наиболее дефицитных изделий отечественной индустрии.

Товары	*Продано в СССР (в млн. штук)*	*Вывезено за рубеж (в млн. штук)*	*Вывоз (в % к внутренней продаже)*
Пылесосы	*3,3*	*2,6*	*79*
Холодильники	*3,4*	*3,2*	*94*
Стиральные машины	*3,8*	*3,7*	*97*
Фотоаппараты	*1,4*	*1,6*	*114*
Магнитофоны	*0,4*	*0,8*	*200*
Мясорубки	*0,3*	*0,6*	*200*
Часы	*20*	*56*	*280*
Телевизоры	*2,5*	*7,4*	*296*

Михаил Лемешев. Выход из кризиса есть. — «Литературная Россия», 1992, 25 сент.

Из Основного Закона следует, что гарантом соблюдения Конституции России являются: Съезд народных депутатов, Верховный Совет, Президиум Верховного Совета, Совет Республики и Совет Национальностей, Президент Российской Федерации, Совет Министров, Верховный суд, прокуратура и, наконец, Конституционный суд — высший орган судебной власти по защите конституционного строя. Всего 11 субъектов, несущих прямую ответственность. Однако, видимо, не случайно в народе говорят: «У семи нянек дитя без глазу».

Возьмем главу Конституции «Права и свободы человека и гражданина». В ней говорится, что граждане России имеют право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Но что стоит за этим сегодня?

Статистики свидетельствуют: за 8 месяцев этого года в России совершено 1 762 682 преступления (темпы прироста 28,7 процента).

Политическая арифметика говорит о росте смертности, уменьшении продолжительности жизни, сокращении воспроизводства здорового населения, вынужденной миграции...

Вопреки Конституции изменилась и сама мораль. Государство постепенно становится пропагандистом утилитаристских, своекорыстных интересов. Воспитывается не коллективист-альтруист, а индивидуалист, эгоист. Углубляется обособление людей друг от друга, личные связи принимают меновую суть — вещи, деньги, товар.

Глава «Экономическая система» гарантирует защиту интересов трудящихся, справедливые условия найма, увольнения, оплаты труда... Но уровень зарплаты по сравнению с 1985 годом упал в три-пять раз. В десятки раз выросла скрытая безработица, появились миллионы людей, не имеющих реальной возможности трудиться.

Может, названные выше положения Конституции устарели? Может быть, у нас совсем не тот строй, который в ней записан? Тогда непонятно, зачем Президент России всенародно клялся, что при осуществлении своих полномочий будет соблюдать данную Конституцию?

Статьи 2 и 3 Конституции гласят, что вся власть в Российской Федерации принадлежит многонациональному народу, что наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум).

Писано на века, а на деле мы не забыли, как обошлись с итогами референдума о судьбе СССР.

Может быть, власть у съезда или Верховного Совета России? Но тогда непонятно, почему вопреки записанной в преамбуле Конституции решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР Президент России подписал Беловежское соглашение...

Так какая же у нас власть? Установившийся в стране строй, увы, более похож не на демократический, а на монархический или анархический. Но почему же тогда молчат гаранты соблюдения Конституции?

Вячеслав Герасимов. Это была не утопия... — «Правда», 1992, 7 окт.

Литературная критика

НА РУССКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Владимир ВАСИЛЬЕВ

ЯЗЫК НАШ — ВРАГ ВАШ

Язык царствами ворочает.

Народная пословица

Петр Великий, не без самодурства искоренявший народные обычаи и традиционные институты власти, решительно заменявший бояр, окольничих, воевод и думных дьяков актариусами, аудиторами, герольдмейстерами, камергерами, ландгевдингами, префектами и т. п., которые правили свои дела не в думах и приказах, как прежде, а апробировали, баллотировали, секондировали, трактовали, экзавторовали акциденции, апелляции, векселя, амнистии, облигации, ордеры в ампе, гофгерихтах, коллегиумах и ратушах, признавался в кругу приближенных иностранцев: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так... Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей».

Во времена Фонвизина светский повеса, от скуки почитывавший французские романы, все несчастье собственной жизни видел в том, что он появился на свет в России и что его родила русская мать — «это такой defaut, которого уже ничем загладить нельзя». В порыве ревности к отцу этот самый недоросль вопрошал: «Да знает ли он право честных людей? Да ведает ли он, что за это дерутся?» — и угрожающе заключал разговор с любовницей: «Я читал в прекрасной книге, как бишь ее зовут... что один сын в Париже вызывал отца своего на дуэль... а я, или я скот, чтоб не последовать тому, что хотя один раз случилось в Париже?»

Нынешние «демократы», сменившие цековские и вузовские должности на клички лидеров, спонсоров, брокеров, мэров, префектов и рэкетиров, с презрением оккупантов говорят об *этой* стране и *этом* народе и с холуйским подобострастием внимают полуграмотным речам очередного заезжего благодетеля, с небрежением хозяина вещающего на всю Россию: «То, чьто ви били комуняки, я вам всем прошшаю, потому чьто ви есть дураки и вам заморочили голова...» Синонимами русских становятся *рабы, быдло, темнота, совки, пьянь, рвань, люмпен, лентяи;* с зубовным скрежетом — как нейтральное — признается словосочетание *русскоязычное население* *. По наблюдению обозревателя «Советской России», Б. Ельцин за всю историю своей политической карьеры ни разу не назвал русских их собственным именем, а постоянно прибегал к понятию *россияне*, подменяя национальное определение народа государственно-географическим. Во время визита во Францию Президент России, характеризуя силы, с настороженностью относящиеся к реформам в стране (а таких людей большинство), воспользовался оскорбительным *красно-коричневые*. Еще откровеннее выразил отношение власти к народу министр иностранных дел А. Козырев, обозвавший ветеранов войны и труда, собравшихся на митинг в Останкино, отребьем, достойным быть разогнанным брандспойтами...

Из беглой исторической справки нетрудно заметить: уничижению народа сопутствует варварское обращение с его языком. Иначе и быть не может, ибо язык и народ и в понятии, и по существу составляют единое целое, некое сокровенное начало и средостение национальной жизни, ее, так сказать, грудную полость, бережно хранящую в себе сердце и расходящиеся от него кровеносные сосуды.

Славянское слово *язык* издревле означает собственно *язык, речь* и *род, племя, народ, природа, родина*. В языке адекватно воплощаются историческая судьба, духовная сущность и оригинальность народа, своеобразие лика его неповторимой земли. По своему исконному самоопределению язык является мощным источником народности (национальности) и патриотизма. И если отдельное слово о конкретном предмете дает нам представление, а суждение о явлении или связи вещей порождает мысль, то между языком и действительностью в целом лежит народное мировосприятие, миропонимание, мировоззрение, особый — национальный — склад ума и способ познания жизни.

Последнее обстоятельство и не устраивает радетелей «мировой цивилизованности» России. И их дружные и оптимистические заклинания (всякий язык, мол, — саморазвивающаяся и самосохраняющаяся система — великолепно справляется с чуждыми ему влияниями, а потому глупо противостоять естественному ходу вещей; сходное, помнится, говорилось и о природе) уже никого не убеждают. Каждый здравомыслящий человек не находит в них более ничего, кроме в лучшем случае — бойкой риторики, в худшем — коварной уловки и удавки. Будучи свидетелями современного языкотворческого «процесса», мы утверждаемся в худшем и, размышляя о «ходе вещей», вынуждены вспомнить «допотопное» и «нецивилизованное» мнение великого Гумбольдта, счастливо сочетавшего в своем лице талант языковеда, дар философа и ответственность политика и государственного деятеля: «Никакой другой народ не мог бы оживить и оплодотворить чужого языка своим духом, без того чтобы не преобразовать этого языка в другой» вместе с его носителем.

* Какой гвалт, помнится, подняла «демократическая» пресса, когда в одном из журналов многие писатели «третьей волны» эмиграции были названы не русскими, а русскоязычными. Удивляться, однако, не приходится. С некоторых пор у нас вошло в обиход считать всех иностранцев лучшими русскими людьми, а худших людей России — лучшими немцами, японцами, американцами и израильтянами.

Политика нынешних властей, во много крат усиленная средствами массовой информации, не оставляет сомнений насчет «духа», каким хотят «оживить» и «оплодотворить» наш «бедный» язык, а заодно и «русскоязычное население». Жестокая реальность такова, что только слепой не видит: ощутимые удары, наносимые сегодня по русскому языку, приходятся прежде всего на самое его генную основу и организацию. В борьбе с русским человеком и его языком все направлено на разрушение их защитных, консервативных свойств и качеств. Из языка вышибается национальное начало, из человека — способность к строительству и видению национальной картины мира. И в том и в другом усматриваются дикость, бескультурье и отсталость, главное препятствие на пути к «общечеловеческим ценностям», опасность для «демократии» и питательная почва для «великодержавного шовинизма», «антисемитизма» и «ксенофобии».

Отечественная радикальная интеллигенция со времен Петра брезгливо относилась к русскому языку и предпочитала ему языки западноевропейские. Первый воспринимался и воспринимается ими как язык стихийный, необлагороженный и бытовой; западно-европейские же рассматривались и рассматриваются в качестве языков обихоженных, культурных и цивилизованных. Если радикалы и допускают русский язык к культуре, то лишь в тех исключительных пределах, в каких сама «русская культура строится — сознает себя — как сколок с культуры западноевропейской» *. Разумеется, при таких русофобских заворотах мысли национальная традиция превращается в непримиримого врага прогресса, культуры и цивилизации, а национального русского литературного языка вообще как бы и не существует.

Не нужно обладать особым чутьем, чтобы понимать: недуги, переживаемые сегодня русским языком, — следствие превращения слова в главное орудие оголтелой «демократической» политики. Язык наш стал заложником «нового мышления», жертвой местных национализмов; изгоняемый отовсюду и зажатый в угол на родной земле, он сделался легкой добычей самой беспощадной, самой безответственной и самой космополитичной из всех «демократий» бывшего Союза — российской «демократии». В трех направлениях, по крайней мере очевидных для каждого, идет ныне «реформирование» русского языка, призванное привести нашу речь в соответствие с мировыми языковыми стандартами, а нас превратить в «общечеловеков»: 1) безудержное заимствование иностранных слов, осуществляемое в основном через английский язык в его американском варианте; 2) переоценка старой, традиционной национальной лексики, выражающаяся в ее обытовлении, смысловом занижении и опошлении; 3) легализация «пещерного» языка — арго социальных отбросов общества (искусственные языки воров, картежников, уголовников, политических диссидентов и т. п.), узкопрофессионального или элитно-социального сленга (рассчитанного на посвященных) и матерщины.

Спору нет, язык не может обойтись без заимствований. При одном, однако, существенном условии: заимствований по необходимости, вытекающей из его естественного внутреннего развития. Насаждение же иностранных слов сверху, причем насаждение, сопровождаемое такой агрессивностью, с какой фанатичный баварский католический священник Иоганн Шлейер, возомнивший себя мессией, насиловал Европу и Америку своим нелепым воляпюком, нельзя оценить иначе, как духовную оккупацию народа, осуществляемую мирными средствами интеллектуального террора.

О каком возрождении России пекутся «демократические» власти, если русский язык, конституционно объявленный государственным, напрочь лишен этого элементарнейшего, первейшего (в видах национального возрождения) права и совсем не развивается как язык государственный? Кто возьмется доказать, что *Белый дом, президент, госсекретарь, парламент, спикер, мэр, префект* — это и есть искомая и чаемая Россия? Какими правилами русской транскрипции объясняется убогая политическая галиматья — *Ашгабат, Таллинн, Кыргызстан, Молдова, Беларусь?* Тогда почему мы не пишем *беларус* и *беларуска, кыргыз, Литува* вместо *Литва, Дойчлянд* взамен *Германии* и т. п.? Найдется ли человек, не усомнившийся в национальной принадлежности лица, говорящего *консенсус* и *нáчать?* Придет ли кому на ум заподозрить в письме руку пусть не русского — российского государственного мужа, делающего в одном предложении три ошибки: «Естественно, Вы не будете связаны по приезд*у* сюда никакими обязательствами<,> касающи*хся* Вашей дальнейшей судьбы» (сторонник радикальных реформ в России, бывший Председатель Совета Министров РСФСР И. Силаев — А. Солженицыну)?

Горе языку, за «реформу» которого взялись люди, предварительно не заглянувшие в святцы. Проклятие властному уму, не способному к оригинальному национальному государственному творчеству и пробавляющемуся мелким воровством на политико-экономических барахолках Западной Европы и Америки. Благо, уворовывалось бы добротное — стягивается худшее, бросовое, все то, что давно выхолостилось, выцвело и утратило силу даже у себя на родине, все то, что давно относят там к «птичьему» языку, «занудному диалекту», на каком изъясняются дежурные сочинители газетных передовиц и Белых книг, политические ораторы и дикторы Би-би-си, «имеющие к живому английскому языку отношение не большее, чем костыль к ноге» (Дж. Оруэлл). И весь этот словесный хлам, давно утративший качество первородства и превратившийся в общее и пустое место «культуры», заполонил теперь российский эфир. Его набралось так много (если, конечно, прилежно слушать «российское» радио и смотреть «демократическое» телевидение), что кажется, стоит один сплошной гул, без всякого смысла и конкретного содержания. Ощущение такое, будто вечером ложился спать в обыкновенной русской избе, а наутро проснулся посреди какого-нибудь Вавилона, где суетятся дилеры, маклеры, брокеры, тинэйджеры, спонсоры и прочая бюрократия, которая, кто — харизматически, кто — эксклюзивно, кто — в ажитации, кто — брутально или в состоянии аффилиации, занимается ноу-хау, сексом, левитацией, бартером, хепенингом, шоу, инкарнацией, брэйн-рингом, уфологией, и ты из суггестивного страха начинаешь догадываться, что тебя ввели в ба-а-альшую фрустрацию.

Подавляющее большинство иноязычных слов и выражений, с энтузиазмом распространяемых ныне печатью, — суррогаты подлинных представлений, истинных понятий и настоящих мыслей;

* См., например: Успенский Б. А. Из истории русского языка XVIII — начала XIX века. М., 1985, с. 68—69.

с их помощью можно делать только суррогатную политику, суррогатную экономику и суррогатную культуру. Не укорененные в родной почве, безродные — без истории, преданий и поэзии, они лишены главного — внутренней формы (по-ученому) или, выражаясь православным языком, — души (П. Флоренский). Они страшны имманентной пустотой, обладающей, как известно, дьявольской притягательной силой (подобной демонической красоте), влияющей — об этом модно говорить в кругу «демократов» — на менталитет человека, общества, народа, то есть разрушающей национальную природу ума. Рэкетир, между прочим обронивший извинительную для себя фразу: «я был брутален», и деревенский мужик, сказавший: «Я был жестоким», — люди принципиально разные — по отношению к жизни, по миропониманию, по человечеству. Простой труженик, не слишком обремененный филологическими познаниями, не понимает, возможно, смысла варваризмов, но интуитивно, из жизненного опыта, догадывается об их истинном значении, о чем красноречиво говорят народные оценочные этимологии типа *прихватизация, мэр моржовый* (в сознании москвича, к примеру, слово *мэр* ассоциируется с Г. Поповым, вылезающим из проруби в семейных трусах), *дерьмократия* и т. п.

«Демократический» новояз не собирает людей в идее и чувстве гражданского единства для возрождения и строительства новой России, а отделяет и отдаляет изъясняющуюся на нем правящую элиту через мощную прослойку паразитов от остального народа. Как заметил один из авторов «Нового мира», образованное сословие (а кто может быть нынче образованнее «демократов» вообще и нашего правительства в частности?) и «представляет государство в международном масштабе». Похоже, новояз, взятый на вооружение нашими властями, играет в среде мировой демократии ту же роль, какую тюремное арго в преступном мире, — роль искусственного потаенного языка, ясного среди посвященных в темного для профанов. И подобно тому, как воровской жаргон умиротворяюще действует на жертву, намеченную к потрошению, так и новояз анестезирует кричащую от боли душу народа, обещая ему «сон золотой». И «демократ» всегда может поправить и поставить вас на место: ну подумаешь, с ученым видом возразит он, идет ведь не разграбление и сосредоточение в немногих руках общенародной собственности, а всего лишь *приватизация*, не беспредельное, без конца и краю, повышение цен, а *либерализация*. Быть жестоким, грабить, лить кровь — бесчеловечно и преступно, но быть брутальным, приватизировать, либерализировать, конфронтировать — законно, учено, культурно и цивилизованно. Воистину язык наш еще дик и неотесан, в великое дело — суррогатное слово: оно создает вокруг пользующихся им особое биополе и окутывает новоязовское сообщество некой аурой, неземной атмосферой, сквозь которую реальная действительность предстает в мягких пастельных тонах и лучшем виде, так что «демократ», время от времени восклицающий: «А был ли мальчик? А может, мальчика-то и не было?!», никогда не ошибается и блюдет интересы объективности.

В основе новояза лежит принцип остранения подлинного — странной, необычной реальности. Это свойство всякого суррогата: разве не странно, к примеру, пить ячменный отвар вместо настоящего кофе или курить сухой измельченный лопух как всамделишный табак? Дети, приученные к порошковому молоку из пакета, на дух не переносят молока парного — оно для них воняет коровой и отдает полынью.

Суррогаты портят естественный физический вкус потребителя, новояз меняет природу человеческого ума: он изымает человека из привычной исторической и национальной среды и делает его беспамятным и внеисторическим существом, человеком вообще, homo surrogatus, ориентированным на суррогатные начала в западноевропейской культуре и цивилизации. Суррогатная духовность становится его менталитетом, определяет его образ жизни и способ существования. Из эрзац-культуры он черпает материал для политических доктрин, экономических программ и произведений искусства — она его подлинная родина, опора, колокольня, с какой он обозревает окружающее. С его точки зрения искусственная (штемпелеванная, по А. Белому) культура — единственная настоящая реальность, а жизнь лишь ей подражает и является ее неудачным и далеким от совершенства аналогом, ибо жизнь прет поперек его ума и не считается со схемами эрзац-культуры. И именно там, где кончается эрзац-культура и начинается настоящая действительность, для новоязовца кончается жизнь и начинается странный и нелепый спектакль, театр абсурда, на подмостках которого, по его мнению, льется не кровь, а клюквенный сок, трещат бутафорские бороды и поворачиваются вспять декоративные реки. И когда, к примеру, на очередном заседании нашего парламента какой-нибудь депутат от фракции ДемРоссии требует, допустим, от Бабурина «держаться приличия и не выходить за рамки культуры и цивилизованности», то тем самым (в переводе на нормальный человеческий язык) он говорит: «Не проявляй никаких признаков живой жизни», то есть (на новоязе): не устраивай спектакля и не превращай высокое собрание в балаган и театр абсурда.

Будучи формой без содержания, новояз беременен сверхформальной, обездуховленной и статичной цивилизацией, которая может устраивать только робота и мертвеца и о гибельном характере которой для традиционной жизни и естественно-исторического типа человека в свое время говорили Е. Замятин, А. Платонов и Дж. Оруэлл. А покуда мы переживаем в смягченном варианте ситуацию 1917—1920 годов: «холодная» мировая война языков превратилась в гражданскую, едва ли не с точностью повторив разлом старой империи; в борьбе языков, перенесенной в Отечество, преуспевает новояз, путающий внутренние фронты и сеющий смуту в обществах, семьях и людях — сын оспаривает отца, брат идет на брата, человек, раздираемый противоречиями, перестает понимать себя. Распад достиг последнего приюта жизни — личности и приступил к ее нравственному демонтажу.

Развенчанию, опустошению и опошлению подверглись все высокоодухотворенные понятия, выстраданные, оплаченные и обеспеченные напряженной жизнью многих поколений людей. *Идея* и *идеал*? — это мы уже проходили, — щебечет всезнающая радиодикторша, — хватит вам заоблачных идей и неосуществимых идеалов, пора просто жить. *Труд*? — ах, «дело чести, славы, доблести и геройства», так называемый производительный труд, «битва за урожай», «сражение на картофельной грядке». *Русская душа*? — «какая же загадка в рабстве?». *Родина* — «заповедник неандертальцев», «негритянская Америка», «чудовищ-

ные пороки, глобальные злодеяния», «антисемитизм», «Павлик Морозов», «Чапаев... коммунальные удобства, мазохистская страсть к передовицам», «прописка», «частик в томате». *Предательство*? — а великий патриот Власов?! *Победа* в Отечественной войне? — да мы бы под немцем во сто крат лучше жили. *Героизм*? — какое убожество и гадость всякие там недоумки Матросовы и Зои Космодемьянские. *Любовь*? — недавно телегруппа из «Новой студии» сняла в Рязанской области сцену случки коровы Венерки с бугаем Мишкой, а потом взяла интервью у курсантов военного училища на тему «повышения рождаемости на Руси» и пустила в телеэфир эти кадры друг за другом, выказав тем самым страстное желание «свободной демократии» низвести русского человека до положения скота.

Не этим ли желанием объясняется прочное вытеснение полновесного русского литературного языка с нынешнего книжного рынка, наводненного суррогатным чтивом «для Ванек», как некогда называли низкопробную переводную литературу. Всех этих «крутых» детективщиков наподобе Чейза, сочинителей многотомных душещипательных «Анжелик» и мужественных «Тарзанов», «непревзойденных мастеров» серятины о вурдалаках и вампирах, эротических «шедевров» типа «Космической проститутки» и новаторских по части нецензурной лексики опусов Алешковского или Армалинского. Последнего, правда, еще не издали, но рекламу дали обещающую: Армалинским «произнесено нечто небывалое, буквально «неслыханное». И это опять-таки не матерные слова, которые уже давно заполнили страницы российской печати, это небывало правдивое отношение к сексу и женщинам, как бы эта правда ни колола глаза». Так что следите за «титрами».

Между тем совсем не переиздается русская классика. «Заморожены» Памятники литературы Древней Руси, академические собрания сочинений Тургенева (печатается с 1978 года), Некрасова (с 1981-го), массовое издание художественных произведений Достоевского (с 1988-го). Темны перспективы нового академического Пушкина, Гоголя, Толстого, Блока...

Понятно отчасти, музыку заказывает «дикий рынок» и т. п. Нечто зловещее, однако, заключается в том, что классика «забывается» неспроста. Иначе как объяснить непрекращающиеся нападки на русскую литературу в целом и на каждого из ее представителей в отдельности? В свободной печати уже не однажды проскальзывала мысль о национально-патриотическом (определение по нынешним временам весьма скверное; см. у А. Козырева: «нынешняя власть получила... демократический, а не национал-патриотический мандат» и далее — об угрозе переворота, исходящей от национал-патриотов. — «Известия», 1992, 30 июня) и антисемитском характере русской литературы. В последнем грехе обвиняются Гоголь, Шевченко, Блок, Куприн, Есенин, Шолохов... Достоевский вообще подозревается в ксенофобии. В современной традиционной русской прозе — «деревенской» — усматриваются идеологические истоки русского национализма, она без обиняков напрямую связывается с «фашизмом», о котором на каждом людном углу истерично кричит «демократия». Дело совсем доходит до абсурда, когда великовозрастные недоросли, исповедующие «философию» рантье, начинают заговаривать о лживости и лицемерии русской литературы: «Я понял, кто такие были Тургенев или Некрасов, которые писали трогательные истории про Бежин луг или Арину — мать солдатскую и проигрывали крестьян в карты или ехали к Полине Виардо. Я понял, что такое жить... когда тебе управляющий присылает деньги и ты начинаешь плакать о крестьянах». О собственно художественных достоинствах классики уже и говорить не приходится, если даже Пушкин представляется публике как «эрзац-Петрушка, прифрантившийся и насобачившийся хилять в рифму...».

Реальности бессовестной рекламы и дикого рынка вынуждают признать в качестве объективно свершившегося факта, что властям не по пути с русской культурой, ибо она в корне подрывает правительственные реформы и их социально-нравственное обеспечение. Властям не нужна национальная литература, и «возрождать Россию» они намерены с Агатой Кристи, Чейзом, супругами Голон, Берроузом и им подобными знатоками жизни и человеческой души.

Можно не сомневаться, самое интересное у нас еще впереди — джунгли, передвижение на четвереньках и нечленораздельный рев одичавших гориллоподобных существ. Чтение Чейза, триллеров (литературы бредовых фантазий и ужасов) и порнографии отучает человека думать и чувствовать, оно делает его своеобразным наркоманом и развивает в нем неврастенические свойства и качества — тягу к испытанию мнимых (на бумаге) острых и сильных ощущений и психологических состояний, оно подменяет одухотворенные человеческие эмоции их эрзацами: мужество — зверством, радость — садизмом и мазохизмом, сострадание — наслаждением подглядывающего любопытства. Жизнь начинает во множестве поставлять нам факты духовного растления и обнищания человека, и уже сегодня почасту можно наблюдать, как после просмотра очередного триллера по «телеку» или «видаку» подростки в возбуждении обмениваются впечатлениями на языке сплошных междометий, жаргонизмов и подцензурной лексики, напоминая стадо непонятных двуногих животных, испытывающих капризную неприязнь к рассудку, нормальной речи и традиционному слову.

Если реформирование народной жизни и далее будет углубляться в том же направлении, в каком оно развивается сейчас, то новое поколение российских людей, благодаря алхимикам печати, радио и телевидения, превратится в гомункулов — в искусственные создания «made in Белый дом, август-91», свободные от истории, морали, ума и родного языка. Откуда они узнают, к примеру, что слово *красный* никогда не употреблялось на Руси как бранное и означало *прекрасный, превосходный, дарующий радость и благо, парадный, наиболее ценный* и т. п.? И только в начале 1992 года приобрело резко негативный смысл, вызывая прямо-таки аллергию в рядах «демократии», не отказывающейся тем не менее от *красной* рыбы и *красной* икры, *красных* товаров и изделий *красных* мастеров. Какие источники наведут их на мысль, что *красно-коричневый* — лживое изобретение новоязовцев, придуманное с целью уничижения их отцов, матерей, дедов и прадедов, которые никогда не были фашистами, более того — боролись с фашизмом; кто внушит им, что *национально-патриотический*, слово, появившееся в 70-х годах, родилось из сыновней любви к Родине и деятельного стремления к обновлению и обустройству народной жизни и не имеет никакого отношения к пресловутому национал-социализму? И только в июле 1992-го пе-

ределано для окончательной компрометации в *национал*-патриотический. Поймут ли они (и когда?), что с августа 1991 года все стало переворачиваться с ног на голову, вплоть до пересмотра и ревизии словарного фонда русского языка. Всякий, кто не грабитель, — *красный;* каждый, защищающий себя от грабежа, — *коричневый;* мародер объявлен *тружеником*, труженик — *быдлом;* совесть — *наглостью*, ложь — *правдой*...

Состояние словарного дела в современной России наводит на весьма горькие размышления: идет нормативное закрепление новых, «демократических» значений и смыслов в старой лексике. Изданы двухтомный словарь языка ГУЛАГа, словарь воровского жаргона, словарь арготизмов («Язык из мрака: блатная музыка и феня»). Именно в языке преступного мира литературное содержание слов перевернуто и извращено «с точностью до наоборот». На подходе, надо полагать, лексикон эротический, матерщинный и нецензурный. Зато, как и следовало ожидать, приостановлен на неопределенный срок выпуск академического «Словаря современного русского литературного языка» в 20 тт. (в печати уже была на него сердитая рецензия, в которой автор возмущался примерами из классических текстов и отсутствием в нем образцов из прозы Войновича и Алешковского), «Словаря русских народных говоров», выходившего — в год по одному выпуску — с 1965-го и теперь законсервированного на букве П, «Словаря донских говоров». Дабы новое поколение россиян не заподозрило власти в узурпации языка, прекращено издание всех исторических словарей: древнерусского языка (XI—XIV вв.) в 10 тт., русского языка XI—XVII вв. (доведен до П), русского языка XVIII века (остановлен на шестом выпуске, слове «древный»), «Этимологического словаря славянских языков», восстанавливающего праславянский лексический фонд (вышло 18 томов) и других. Самое научная основа, база, откуда черпается материал для исторических словарей русского языка, — картотека, созданная несколькими поколениями ученых на протяжении последних ста лет и насчитывающая свыше двух миллионов карточек, находится ныне под угрозой утраты: выцветают старые чернила, изнашиваются бумажные карточки, не имеющие дублей; необходимы перевод картотеки на микрофиши и технологический способ ее хранения, но рынок, но деньги, но спонсоры... Между тем, по словам Г. А. Богатовой, главного редактора «Словаря» XI—XVII веков, картотека уникальна не только по охвату материала — в ней содержатся выписки из памятников русской письменности, которые погибли во время Великой Отечественной войны или утрачены после нее безвозвратно. Иначе говоря: картотека, будь она изношена до ветхости, невосстановима. С ее же гибелью мы теряем не слова, мы теряем нечто существенное и необходимое в будущем, ибо как же мы можем добросовестно вести свои исторические дела, если не знаем их состояния в прошлом? Как же мы, по Достоевскому, поймем «прошедший идеал» человека и «то, чего этот идеал ему стоил»? Как же мы сумеем тем самым выказать «чрезвычайное уважение ко всему человечеству», облагородить себя «сочувствием к нему», понять, что «это сочувствие и понимание прошедшего гарантирует нам же, в нас же присутствие гуманности, жизненной силы и способность прогресса и развития»?

Но уважения и сочувствия нет сегодня не только к далекому

прошлому, но и к совсем недавнему. Нет его и к будущему. Злоба дня торжествует над вечностью, материальное над идеальным, телесное над духовным, партийное над общенациональным. Интересы иностранца, проститутки, грабителя, бомжа и зэка поставлены выше интересов народа и возведены в ранг государственной политики. В человеке видят и культивируют все то, что есть в нем ниже брюха, и отворачиваются и не хотят замечать в нем того, что связывает его с небом и Богом и является его священной сущностью. Разумеется, для такого ублюдочного человека и выражения его жизненных запросов достаточно «птичьего» новояза, лагерного жаргона и матерщины. Вопрос лишь в том, для каких целей готовят столь оригинального человека? Не для того ли, чтобы впоследствии загнать его за решетку, где бы он, уже усвоивший язык «демократии», не чувствовал резкого отличия режима тюремной резервации от необузданых свобод в новой России?

* * *

Мир, утверждают святые подвижники, есть творение Божие, и все в нем причастно существованию в Боге: неодушевленные предметы причастны своим бытием, животные — бытием и чувствами, человек — бытием, чувствами и умом. Ум воплощается в языке. Отдельный язык, отличаясь от других языков, объединяет говорящих на нем в нерасторжимое целое не только в пространстве, но и во времени и является духовной энергией нации.

Национализм, следовательно, не что иное, как индивидуальность народа, его дар, талант, гений. Полнота мира заключается в богатстве индивидуальностей. Развивать свой дар — значит исполнять долг, угодный Богу; закапывать талант в землю — великий грех.

Когда наши горе-демократы, стремясь унизить нас, самонадеянно вещают (разношенное мнение, ставшее тривиальным), что-де «как-то так сложилось за последние 70 лет, что у нас совершенно иначе устроены мозги, чем у остального человечества» («Российская газета», 1992, 5 сент.), они или сознательно лгут, или выказывают элементарное невежество.

Инакость наших мозгов не есть приобретение последних семидесяти лет — она дана нам изначально в качестве таланта, дарована вместе с родным словом, равно как и другим народам, остальному человечеству, у которого процитированный автор не обнаруживает ничего, кроме сплошного скудоумия, выражающегося в пошлом однообразии мышления и шаблонном устройстве мозгов. К счастью, под «остальным человечеством» автор разумеет исключительно одних американцев, что легко объяснимо, ибо в глазах сегодняшней «демократии» американцы заменяют собою все человечество, а их жизненные отправления составляют единственные в мире «общечеловеческие ценности».

Истина, однако, никому не дана *вне* и *до* языка. Буде она, истина, известна людям заранее, зачем же в таком случае неразумно обременять народы столь большим количеством языков на земле? С другой стороны, если Бог одарил русский народ языком, отличающимся, скажем, от английского и китайского, то Он сделал это не без доброго умысла. Ведь что-нибудь да значит великий Божеский дар? И, позволяя опошлять, унижать, за-

гризнять и распылять этот дар в угоду временным успехам, не впадаем ли мы во грех, не накликаем ли на себя гнев, не подвергаем ли себя проклятию? А вдруг этим великим даром Он предоставил нам право на свой исторический путь среди человечества и самостоятельный поиск истины? «...Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (И. Тургенев)...

Анатолий АБРАШКИН

ЧУДО-ЮДО И РУССКАЯ ИСТОРИЯ

...Не могу предварительно не изъявить своей радости, что миновало то время, бесплодное для изучения народности, когда с иронией и даже с презрением относились люди — впрочем, образованные — к наивным вымыслам и поэтическим суевериям народного воображения.

Ф. И. БУСЛАЕВ. О народной поэзии в древнерусской литературе

Не секрет, что многие считают сказку сплошным вымыслом, а поговорку «Сказка — ложь...» готовы объявить исчерпывающим объяснением небывальщины. Но сказка не так проста, как кажется. В ней естественно соединились и первобытные представления о видимом и потустороннем мире, и древние обряды, обычаи, и досказочные мифы. «Сказка не пустая складка; в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть и в самом деле нет ни нарочно сочиненной лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира» (А. Н. Афанасьев). Другое дело, что, странствуя меж людей, она не упускала случая возвысить обыденное, изысканно принарядиться в волшебные одежды и приготовить для своих обожателей пьянящий нектар выдумки. Однако за «дружескими враками» прячется нечто реальное, вошедшее в рассказ в своем диковинном обличье. Вскрыть первопричины «врак» — значит распознать истоки сказки, обнаружить и правдивые ключи, и «завиральные» притоки ее многовекового течения. Возьмем для примера Чудо-Юдо. Что это такое?

В сказках, собранных Афанасьевым, Чудо-Юдо последовательно является то многоглавым Змеем, то в человеческом образе — отцом Василисы Премудрой, то старцем-водяным. Переменчивость, пестрота и многозначность демонических обличий сказочного персонажа напоминают о его древнем происхождении.

В богатырских сказках Чудо-Юды поочередно предстают шести-, девяти- и двенадцатиглавыми Змеями. В мировом фольклоре Змей известен как древнейший мифологический символ, связываемый с плодородием, водой, дождем — с одной стороны, и огнем, особенно небесным, — с другой. Народные предания и поверья отождествляли со Змеем темные грозовые тучи, хранящие одновременно и плодотворную освежающую влагу, и искры огненных молний.

Поражение Змея или прямее — разгром темных туч — обычный исход грозы. В то же время неизменное низвержение Чудо-Юды с небес предопределило его земной удел. Как божество, связанное с оплодотворяющим, проникающим к сердцу земли дождем, он стал властелином подземно-подводного мира. Хозяину подводного царства восточные славяне приносили в жертву (топили) живую лошадь или конский череп. Поэтому в сказке Чудо-Юдо непременно выезжает на битву на добром коне, а в разговоре называет своего любимца «воронье мясо», то есть лакомая для воронья мертвечина.

В божественном пантеоне славянского язычества Чудо-Юде родствен священный Ящер — господин нижнего яруса Вселенной. Эти боги далеко не ровесники. Космогонические мифы о гигантском земноводном, удерживающем на себе твердь земли, проглатывающем вечером заходящее солнце и возвращающем его поутру на другом конце горизонта, пронизаны уже не только поэтическим вдохновением (как древние мифы о борьбе героя со змеем), но и философским стремлением осмыслить Космос как двуединство верхнего и нижнего миров. И если «Чудо-Юдо — самый глубокий архаизм в сказках» (Б. А. Рыбаков), то Ящер — более молодой житель славянского Олимпа.

Количество голов у сказочных Чудо-Юд всегда кратно трем. По три головы разом сносит богатырь ударом боевой палицы. Каждая тройка голов чудища живет независимой жизнью. Все эти особенности «змеиного» организма передает рисунок на фибуле — металлической застежке для ритуального плаща. Общая же в сумме шестерка голов напоминает классический образ меньшого из Чудо-Юд.

Фольклористы давно заметили, что враждебные русскому воину персонажи хранят черты реальных племен и народов, нападавших на Русь. Волшебная богатырская сказка могучее тому подтверждение. К примеру, сказочные повествования о Бабе Яге — повелительнице конного степного войска, жившей не в лесной избушке на курьих ножках, а в вдойной приморской стране «Девичьего царства», где «отрубленные русские головушки торчат на тычинушках», возникли как мифологически расцвеченные предания о «женоуправляемых» сарматах, прозванных так из-за сильных пережитков матриархата у сарматской знати. Для нас примечательно, что изначально Баба Яга величалась богиней, Великой Матерью Богов (В. Я. Пропп), хранительницей матриархальных отношений. Свое демоническое начало она унаследовала от «нового» (патриархального) времени. Перенося на колдунью-старуху привычки свирепых кочевников, древние сказители переселили ее в степь и изображали воительницей, вырезающей ремни из спин русских молодцев.

Нетерпимость к русскому духу и неуемная воинственность другого сказочного персонажа — Кощея Бессмертного — тоже имеет исторические корни. Слово *Кощей* — тюркское, означающее «раб», «пленник»; среди славян оно распространилось не ранее V века, во время их столкновений с тюркскими народами (гунны, болгары, хазары, печенеги). У всех без исключения народов древности состояние рабства (плена) приравнивалось к смерти, и потому в народных сказках поработители-степняки сопоставлялись со славянским повелителем царства мертвых — Кощьего царства.

Что же касается метаморфозы, происшедшей с нашим героем, то вспомним о гигантском каспийском «спруте» — Хазарском ка-

ганате, протянувшем в VIII веке свои щупальца в сторону Европы. На рубеже VIII—IX веков хазары хозяйничали на огромной территории: от Урала до Карпат с востока на запад и от Кавказа почти до верхнего течения Волги с юга на север. Примерно во второй четверти IX века данниками каганата становятся юго-восточные племена Руси.

В конце IX века Хазария с переменным успехом билась с Русью, но дружила с Византией: около 893 года хазары в союзе с греками и мадьярами воевали против болгар и печенегов. В начале X века ситуация переменилась. Победив полки Олега, хазары приказали ему идти на Византию. Эта война, по замыслу итильского «генштаба», должна была не только ослабить обе державы, но и вконец расстроить их налаженную торговлю. Если бы хазарский план осуществился, то каганат завладел бы монополией на сбыт русских товаров на Востоке. Однако правители Хазарии просчитались. Начавшись военным столкновением, поход Олега завершился мирными договорами 907 и 911 годов. Они юридически оформляли права русских купцов в Константинополе и предопределяли тем самым не только увеличение русско-греческой торговли, но и долговременную ориентацию русской внешней политики на дружбу с Византией. Договоры ломали сложившуюся систему диктата Хазарии в юго-восточной Европе. Неудивительно, что вокруг них разгорелся костер политических интриг. И, видимо, не случайно, что подписавшие договор 911 года византийские императоры, соправители Лев VI Мудрый и Александр, а также русский князь Олег умерли уже к середине 913 года.

Киевский воевода «укрепил» свой щит на царьградских вратах, то есть гарантировал защиту византийской столицы. Союзом с греками он восстанавливал против себя хазар и фактически, как бывший их наемник, подписывал себе смертный приговор. Русичи сознавали, что выбор сделан. Оставалось только гадать, когда Хазария подготовит ответный удар. Договор 907 года носил лишь предварительный характер, но именно в это время кудесник предсказывает Олегу смерть. Через четыре года, когда будет оформлен и подписан договор, конь умрет. Это знак, предвещающий скорую гибель князя.

«И плакашися людие вси плачем великим», прощаясь с Олегом. Так записал летописец, и сказка печатью своего долгожительства в памяти поколений заверяет его слова. «Вещего помнит Россия».

Сказки о Буре-богатыре и Иване Быковиче, читаемые со знанием потаенных в них ассоциаций, открывают взгляд простого человека X века на историю своего народа. Отличается ли он от официально-летописного? Несомненно. В сказках отображена отсутствующая в летописи история русско-хазарских отношений в конце IX — первой половине X века. В то же время сказочные портреты киевских князей схожи с летописными. В сравнении с Иваном Быковичем (Игорем) королевич Буря-богатырь (Олег) и прозорливее, и сильнее, и независимее от политических интриг Чудо-Юдовой (Хазарской) братии. Но, конечно, ни о каком умалении Ивана Быковича в сказке нет и речи.

А откуда родом сказочные Рюриковичи? На этот счет установлено, что герой с именами Иван — коровий сын, Иван Быкович встречается преимущественно в русских и очень редко в украинских и белорусских сказках. География сказок об Иване Быковиче вообще ограничена преимущественно северными областями России. Наша интерпретация сказок прекрасно это объясняет. И Олег, и Игорь — князья северные, для киевлян они люди пришлые, а потому память о них не смогла затмить славы южнорусских богатырей доолеговой поры. Сказка о Буре-богатыре все-таки популярнее сказки про Ивана Быковича, что тоже понятно: восточным славянам Вещий Олег запомнился прежде всего как князь-освободитель, а Игорь — как не всегда справедливый сборщик дани.

Но то дела внутренние. Что же до забот Отечества, то оба князя были его доблестными ревнителями. Здесь летопись со сказкой не расходится. И можно утверждать, что богатырские славы об Иване — коровьем сыне и Иване Быковиче стали тем чудесным пламенем, в котором закалялось мужество полков Святослава.

Сказка о Никите Кожемяке — классический пример дополнения древнего мифологического сюжета более поздними историческими подробностями. Уже в древнем славянском эпосе присутствуют сказания о богатырях-кузнецах, кующих гигантский плуг в 40 пудов. Победив Змея, герой запрягает его в волшебный плуг и пропахивает глубокие борозды — «Змиевы валы». В сказке они тянутся от Киева аж до моря Кавстрийского (Каспийского). Валы представляют остатки огромных богатырских застав-крепостей по берегам рек, впадающих в Днепр. Их датировка неясна, но несомненно, что они «верой и правдой» служили древним русичам не один век.

В «Повести временных лет» рассказывается, что обры (авары) впрягали в телеги славянских женщин и заставляли возить себя. Запрягая чудище в соху, Кожемяка как бы отмщает Степному Змею за былые унижения славян.

В отмеченных реалистических вкраплениях проявляется, так сказать, первичный слой исторической окраски мифического сюжета. На его фоне можно увидеть другую, более позднюю роспись, отмеченную временем русско-хазаро-печенежского противостояния. Прежде всего, о прозвище сказочного воина. «Повесть временных лет» под 992 годом упоминает о малолетнем ремесленнике-кожемяке, вышедшем на поединок с богатырем-печенегом и удавившем его. Полное имя героя названо в летописи несколько позднее. В 1001 и 1004 годах Ян Усмошвец, или кожевник (от древнерусского *усма* — кожа и шью), разбил печенегов, пришедших на Русь. Этот легендарный богатырь послужил источником образа Никиты Кожемяки, а тот, в свою очередь, заменил в древнейшем сказочном сюжете волшебного кузнеца.

Беспощадный Змей, объявившийся вблизи Киева, брал с народа «поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее». Не миновала беда и царскую дочь. Пленение славян и продажа их в рабство были традиционным промыслом степняков. Только факт захвата царевны и регулярные грабежи напоминают скорее хазарское иго, нежели налеты печенегов. В отличие от хазар печенеги не завоевывали Киева и не облагали его жителей данью. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении, написанном в 948—952 годах, упоминает о «Киевской крепости, называемой Самбатас». Самбатас — хазарское название, имеющее значение «пограничный го-

род» (Киев находился на тогдашней западной границе Хазарского каганата). В крепость стекались товары, взимаемые хазарами с подвластных им славянских племен. Расшифровка древнекиевской топонимии указывает на несомненное присутствие в Киеве хазар. От времени владычества хазар в Киеве остались отмеченные в «Повести временных лет» (под 945 годом) названия городских урочищ «Козаре» и «Пасынча беседа», то есть шатров для сбора дани. В библиотеке Кембриджского университета хранится так называемое Киевское письмо, написанное на еврейском языке в начале X века. В нем представители еврейско-киевского кагала обращаются к другим иудейским общинам с просьбой об оказании помощи их соплеменнику и единоверцу. Таким образом, Змиевы поборы более естественно связывать с хазаро-иудейским засильем в древнерусской столице.

И уж совсем хорошо знакомым, так похожим на Морского Царя Чудо-Юду, является читателям Змей в финале сказки. «Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили!» — «Землю разделили, — проговорил Никита, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Здесь сразу вспоминается и таможенная служба хазар в устьях рек и в Керченском проливе, и доминирование хазар на Каспийском побережье. Иными словами, Кавстрийский Змей символизирует постоянную хазаро-печенежскую угрозу со стороны Дикого поля.

Сокрушительные поражения, нанесенные хазарам Святославом (в 965—968 гг.), были только вестниками грядущего заката каганата. В конце 70-х годов хазары возвратились в свою столицу Итиль и попытались восстановить былое могущество, обратившись за военной помощью к Хорезму. В 985 году сын Святослава Владимир, как сказано в его житии, написанном хотя бы в некоторой его части еще в XI веке Иаковом Мнихом, «на Козары шед, победи я и дань на них положи». Известно также, что в набегах на Русь хазары иногда объединялись с печенегами. Последнее по времени их нападение на Киев произошло в 1036 году и окончилось для степного воинства плачевно. Все это позволяет заключить, что сказка «Никита Кожемяка» отражает победный период в столкновениях Руси с хазарами и печенегами (965—1036 гг.).

Сказка о Кожемяке венчает богатырскую трилогию о сражениях с морским Змеем. Сказки трилогии являются главами устной летописи народа, русского героического эпоса X века. Вряд ли мы ошибемся, если объявим их уникальными историческими документами той давней эпохи. И что из того, что хранились они в сердцах людей, а не в монастырской библиотеке? Разве стали они оттого менее подлинными?..

В сборнике Афанасьева в цикле «Морской Царь и Василиса Премудрая» приведено восемь сказок. Исходным для них стал сюжет о договоре Царя с путником — за возможность напиться из источника Хозяин воды требует отдать из своего дома то, чего путешественник не знает. Тот соглашается, не догадываясь, что за время отсутствия у него родился сын Иван-царевич. Им в итоге и расплачивается родитель с Царем.

Сказочный сюжет о запродаже незнаемого в родном доме В. Я. Пропп соотносил с обрядом инициации — посвящения или введения в культовые таинства подростков у древних народов. Молодой человек во время обряда подвергался испытанию, включавшему в том числе и жестокие истязания. Мучения, принимаемые юношей, символизировали его временную смерть, а одоление мук и последующее «возрождение» вводило его в круг посвященных, взрослых и готовых к вступлению в брак мужчин. Нечто схожее совершается и в сказке. Заклание родителями своего ребенка Морскому Царю, служба у него, удачный побег и женитьба на Василисе Премудрой — своего рода поэтические декорации таинства посвящения; герой, попавший в запредельное царство, возвращается невредимым назад.

С развитием речных и морских торговых экспедиций славян древний сюжет приобрел новое звучание. Немилосердным таможенником (Морским Царем или Чудо-Юдой) купцам-мореплавателям представлялся правитель тех морей и рек, по которым пролегал их путь. В одном из вариантов сказки Ивана-царевича теперь заменил Иван — купецкий сын (отправляющийся в услужение к Чудо-Юде). Трудно сказать, возникла бы вообще эта сказка о русском купце и морском злодее, не появись в VIII веке под боком у Руси назойливый и агрессивный сосед.

В 913 году за возможность прохода в Каспийское море русичи обязались отдать хазарскому царю половину своей добычи. Это, конечно, было грабительское условие, поскольку воины-славяне шли воевать за хазарские интересы. Но все-таки оно предполагало достаточную награду уцелевшим. На обратном пути, дойдя до устья Волги, русы отослали условленную часть богатств кагану. Однако тот, нарушив уговор, отказался пропустить их домой и позволил своей мусульманской гвардии напасть на русичей. После отчаянного трехдневного сражения славяне были разбиты, потеряв убитыми 30 тысяч человек. Нарушение клятвы всегда считалось святотатством (отсюда тать — вооруженный враг, ночной вор, нарушитель закона). Коварство хазарского правителя выглядело еще более бесстыдным на фоне недавних договоров русских с греками. За подобные преступления, творимые прототипом Чудо-Юды, и прилепилось к последнему богомерзкое прозвище Беззаконный.

«Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света» (Н. В. Гоголь. «Мертвые души»). Применительно к иудейской Хазарии это словцо имело, так сказать, и внутриобщинный смысл. Еще во времена Римской республики (во II в. до н. э.) в иудаизме оформились и противоборствовали две религиозные группировки — саддукеи и фарисеи. Саддукеи (аристократическая земледельческая знать, жрецы) придерживались буквального смысла Моисеева закона. Фарисеи, состоявшие из ремесленников, торговцев, низших служителей культа, наоборот, стремились «усовершенствовать» иудейскую религию толкованием библейских (ветхозаветных) положений. Собранные и отредактированные разъяснения ветхозаветных книг составили Талмуд, святая святых правоверного фарисея. Христианские авторы, занимавшиеся изучением Талмуда, свидетельствуют, что талмудические трактаты неизбежно должны приучать своих последователей к вредным тонкостям, натяжкам, лживости, надувательству, плутовской изворотливости, изощрять их пронырливость и, наконец, убивать в них самое уважение к Моисееву законодательству. Итильские менялы и ростовщики, эти трутни золотоносного человеческого

улья, склонились к извращенному закону (Талмуду), за что и были мечены клеймом позорного прозвища.

И еще одна сказочная особенность. У Чудо-Юды семьдесят семь дочерей. Появление такого числа вряд ли случайно: во-первых, в русских сказках оно встречается исключительно редко, во-вторых, в пяти других сказках у Морского Царя — по двенадцати дочерей, а в одной — только три. И тройка, и дюжина — числа традиционно сказочные. А вот семьдесят семь — магическое число в учении иудаистской каббалы. Так, за, казалось бы, мало что значащим числовым символом угадывается причастность материализовавшегося наяву Чудо-Юды к миру халдейской мистики и талмудических премудростей. Следуя им, итильские фарисеи созидали свой земной рай для избранных. Пережив крушение каганата, они обосновались в других «райских уголках» поднебесной. А в числе этих одно из первых мест в XI веке занимала древнерусская столица.

В сказке о Даниле Бессчастном Чудо-Юдо — мирпый старичок-водяной престранного вида — «без рук, без ног, одна борода седая». Ровно в полночь вылезает он из моря у сырого дуба. Тут-то и поджидает его Данило. Дело у дворянина срочное: надо ему к утру сшить из сорока сороков соболей шубу для князя Владимира, и помочь в том может только дочь Чудо-Юды — Лебедь-птица, красная девица. Правда, она страх как расчетлива. «Возьмешь ли меня за себя? — пытает она дворянина. — В те поры все будет сделано!» Задумался Данило, да деваться некуда. Согласился, а уж красавица не подвела — устроила шубу на диво. Вот поутру Лебедь-птица и наставляет мужа: «Как выйдешь от заутрени... сымай шубу с своих плеч да уряди князя Владимира в тот час, не забывал бы он нас». Все сделал Данило как надо, да оплошал малость — похвалился спьяну женой. А тут еще Алеша Попович, бабий пересмешник, начал врать, что спал с ней. Заспорил Бессчастный с лгуном, и тогда порешили они — кто лжет, того и казнить. Но Алеша-клеветник украл для доказательства цепочку Лебедь-девицы, все ему и поверили. «Ну, Владимир-князь, — говорит Данило Бессчастный, — вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мне домой сходить да с женой проститься». Дома же Лебедь-птица, красная девица советует мужу: «Поди зови к себе в гости и князя с княгинею и всех горожан». Тот послушался ее. «Срядился князь со княгинею в гости и поехал в путь-дорогу со всем храбрым воинством». Едут они и диву даются; что ни река — то полна пивом, медом, вином или крепкой водкой. Перепились солдаты и генералы, а трезвых только четверо и осталось — князь с княгинией, Алеша и Данило. Вошли они в палаты высокие, ждали-ждали хозяйку за накрытым столом, а та вышла на крылечко, молвила словечко: «Вот-де как мужей учат!» — махнула крыльями и улетела. Гости же ее в болоте на кочках остались...

Рассказчик смакует подробности княжеского унижения: «Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались!» Откровенная насмешка сочинителя открывает его симпатии к оппозиции князя (языческому лагерю).

Чудо-Юдова дочка встречается с Данилой во страстную субботу, накануне Пасхи. Оттого так активно искушает человека нечисть в пасхальную неделю, являясь перед ним то одиноким Мефистофелем, то многоглавой бандой Воланда. В традициях дьявольской демократии Лебедь-птица предлагает Даниле заключить договор (в данном случае брачный). Одно из его условий — не распространяться о волшебном даре жены. «Не хвались, что за единую ночь дом построили с тобою», — напоминает Бессчастному красавица. Только удел Данилы — притягивать несчастья. К тому же никто из православных не вступился за него, а сам великий князь поддержал оговор невинной жены. Вот, казалось бы, и объяснение сказки. Но неужели рассказчик вывел героиней «оболганную» христианами нечистую силу? Ведь в конце сказки торжествуют всегда светлые силы Добра и Правды. Из-за неясной развязки В. Я. Пропп, комментируя сказку, даже предположил, что она не закончена. А не разрешит ли эту загадку известная нам параллель Чудо-Юды с иудейской угрозой?

Известно, что в XI веке в Киеве была богатая иудейская община. Она выстроила каменную синагогу, но свою веру среди населения не пропагандировала. «Единственным путем распространения иудаизма был тот, который применялся в Хазарии, — смешанные браки». Православные священники категорически воспрещали их заключение. Статья из Устава князя Ярослава гласит: «Аще кто с бесерменкою (мусульманкою. — *А. А.*) или с жидовкою блуд сотворить, а не лишиться — церкви отлучиться и христьян, а митрополиту 12 гривен». Вот почему задумался христианин Данило, когда богатая и красивая девушка иудейской веры Чудо-Юдова дочь вызвалась выйти за него замуж. Брачный союз оказался под угрозой, когда Алеша Попович украл у Даниловой жены цепочку. Обо всем этом, понятно, в сказке не говорится напрямую, но нельзя отрицать, что сказочный образ Чудо-Юды в X—XII веках ассоциировался со вполне конкретным народом, наводнившим Киев, и для слушателей сказки не нуждался в дополнительной расшифровке.

А кстати, почему князь шествует к дому Данилы «со всем храбрым воинством»: солдатами, офицерами, генералами? За ответом снова обратимся к истории. Киевский князь Святополк Изяславич (1093—1113 гг. — на великом престоле) «из корыстолюбия дал большие льготы жидам, которыми они пользовались в ущерб народу и тем возбудили против себя всеобщее негодование»*. Говоря попросту, евреи установили огромный ростовщический процент («неумеренные росты»). Накануне воцарения Владимира Мономаха в Киеве, во время восстания 1113 года, жители города разграбили дома тысяцкого Путяты, сотских и евреев. Собравшись по этому поводу на совет, князья порешили выселить евреев из Русской земли без конфискации имущества, но и без права возвращения обратно. Сказочный князь служит закону и, узнав о браке Данилы с еврейкой, учиняет следствие о причине тайного присутствия в Киеве иудеев (а это Чудо-Юдо с дочерью). Он самолично отправляется посмотреть на Лебедь-птицу. Однако та обхитрила князя и убежала от его суда, опоив предварительно дружину и бросив неосторожного мужа.

Наконец все встало на свои места: неведомый нам волхв-сказитель аллегорически и затейливо поведал о конфликте христиан и иудеев. Как язычник, он смеется над оскверненным христианским браком, но можно не сомневаться, что, оступись вдруг христианство в своем победном шествии по Руси, уступи инициа-

* Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959. Т. 2, с. 402.

тиву талмудическому братству, и тот же волхв сказками о Буре-богатыре и Иване Быковиче напомнит русским людям про ратные дела полуторавековой давности.

Христианский князь не допускает до себя сказителя-язычника: «Захотелось мне тогда князя со княгиней повидать, да стали со двора пихать». Наверное, это так озлобило рассказчика, что все христиане у него сплошь с червоточинкой: Данило — непутевый пьяница и вообще Бессчастный, Алеша — вор и наветчик, а князь — ни мудр, ни справедлив, да еще, как мальчишка, на Даниле верхом по грязи скачет. А между тем сказочного Владимира современники волхва сопоставляли с Владимиром Мономахом, сидевшим в то время в Киеве (1113—1125), а бабьего пересмешника Алешу Поповича — с богатырем Александром Поповичем, победителем половцев. Взгляд сказочника-язычника на личностные качества героев сказки не совпадает с оценками христиан. Но для нас важнее другое — сочинитель сказки отразил последствия этнических зигзагов истории Европы, предопределивших расцвет Руси в XII веке и духовное руководство православия в ее обустройстве.

Для полноты биографии сказочного змея нам осталось объяснить значение его имени. Оно слагается из двух слов. Первое из них вполне ясно каждому: чудо — сверхъестественное явление, зримая сила Высших сил. А Юдо? Одну из расшифровок предложила Г. В. Макарова, связав это прозвище с гипотетическим (то есть реально не засвидетельствованным, но восстанавливаемым на основе звуковых соответствий и близости значений) корнем индоевропейских языков — uoid — «знать». В такой интерпретации Чудо-Юдо — божество, обладающее тайным знанием. Недаром победить Змея должен вещий Буря-богатырь. Кстати и то, что верный слуга Чудо-Юды — вещий конь Сивка-бурка. В болгарском фольклоре известны юдо-самовилы и юдо-самодивы — вещие мифические девы с длинными косами, живущие в глубоких реках, озерах и водоворотах и обладающие волшебной способностью оборачиваться в прекрасных лебедей. В русских сказках лебединые девы — это дочери Морского Царя Чудо-Юды. Видимо, наиболее древние образы вещих юд те, что содержат в себе зооморфные признаки птиц и змей (девы-лебеди, девы-колпицы, девы-змеи). Один из чудесных образов вещей юды, дошедший до нас, — птица гамаюн (сирин) с прекрасным женским ликом. Обязательный для сказки сюжет обручения вещих дев с героем (Иваном — купецким сыном, Данилой Бессчастным), возможно, предопределило то, что слово «невеста» (не-известная, не-знаемая) происходит от «знать». Не стало ли расширительное толкование имени Юдо путеводной нитью сказочного рассказа?

Другой вариант расшифровки имени неминуемо проистекает из исторической параллели Чудо-Юды с хазарами. В средневековье слово «чудо» иногда употреблялось в значении «чудовище», «исполин», а знакомство с иудейской Хазарией непрерывно рождало ассоциацию Юдо — Иуда. В таком восприятии Чудо-Юдо переводилось как исполин (каганат), принявший воззрения иудаизма. Надо полагать, что этот перевод имени чудища естественно возникал у слушателей сказки в X—XII веках.

Следующие поколения русских людей, сражавшиеся совсем с другими врагами Отечества, смотрели на сказки о Чудо-Юде как на внеисторические приключения храбрых витязей. Немногие летописные обмолвки о хазарах не позволяли восстановить реальную цепь событий, отраженных в этих сказках. Чудо-Юдо принимался за мифического злодея неведомых времен. Однако в нашем веке зло-вещая сила Юды объявилась снова. На сей раз с ней бесстрашно заговорил не Буря-богатырь, а Бова-королевич русской поэзии — Сергей Есенин (стихотворение «Певущий зов»):

Сгинь ты, английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!
Не познать тебе Фавора,
Не расслышать тайный зов!
Отуманенного взора
На устах твоих покров.
Все упрямей, все напрасней
Ловит рот твой темноту.
Нет, не дашь ты правды в яслях
Твоему сказать Христу!

Поэт не отступил от сказочной традиции. Юдо сидит на морях (отсюда сравнение с Британской империей), по-прежнему заправляя международной транзитной торговлей, и, подобно царю Ироду, стремится погубить семена Добра и Света. Но новое нашествие уже нельзя связывать с движением одного выделенного этноса. На Русь навалились всеми Интернационалами (и коммунистическим, и буржуазным, и сионистским), и главным лозунгом на знаменах революционного воинства стала русофобия. Как в старой доброй сказке кривились новоявленные Чудо-Юды, Кощеи и Бабы Яги: «Фу, русским духом пахнет!» Бесовские легионы ратовали за мировую революцию — на одном фланге, за мировую демократию — на другом, но недоступным их сердцу оставалось «наше северное чудо». Вооруженный только любовью к Родине, Сергей Есенин выступил против армии насильников и убийц и восстановил связь тысячелетий. Так же отчаянно за тысячу лет до этого защищал Русь другой русский богатырь — князь Олег. Не забудем же наших сказочно прекрасных витязей, последуем их священному завету постоять за «наше северное чудо» — к такому подвижническому усилию зовут пронизанные дыханием русской истории сказки о Чудо-Юдах.

●

М. С. ГОРБАЧЕВ-ТО — ПОТОМОК МОИСЕЯ!

Как-то в прошлом году в телевизоре мелькнул (видимо, по недосмотру тогдашнего руководителя ТВ Егора Яковлева) кадрик: М. С. Горбачев склонился к пресловутой «стене плача», находящейся в Иерусалиме. А голова нашего бывшего генсека КПСС и лжепрезидента покрыта... чем, как вы думаете? Ермолкой!

В № 9 «Молодой гвардии» в заметке «Наша пылкая благодарность» был задан раввину Московской синагоги А. С. Шаевичу вопрос: может ли, позволительно ли не иудею возлагать на свою голову этот культовый предмет иудейского религиозного обихода? Адольф Соломонович Шаевич этого вопроса, естественно, не услышал.

Об этом случае с ермолкой на попированной лысине М. С. Горбачева в нашей «демократической» печати не появилось, конечно, ни строчки. Скорее всего сионистские хозяева нашего ТВ за этот прокол ныне и наказали Егора Яковлева — хоть ты и наш человек, мол, но зачем М. С. Горбачева-то подставляешь? Получил от нас большое кормовое корыто, так служи, а не лови ртом мух! А раз они туда тебе залетают — вон!

Да-с, любопытный фактик с этой ермолкой.

А вот еще один, подтверждающий давнюю догадку о национальности нашего бывшего президента-предателя.

В Москве с декабря 1990 года выходит русская патриотическая военная газета «Истоки». Время от времени появляется приложение к этой газете под названием «Казачий Спас». Так вот, в одном из последних приложений напечатано следующее:

«...План Барбаросса бледнеет перед планом «Горбоносса», «Эльцинизма» и иже с ними изменников Родины.

Долгое время патриоты были в полном недоумении и возмущались предательством отца перестройки, что он не произнес ни разу в своих болтливых выступлениях слово «русский», попрал интересы своего народа и принципы трудового социализма русских общинников, у которых коллективизм и державность в генах, а потому они и создали, и защитили Великое Государство Россия.

Однако в последнем интервью Яковлеву в присутствии влиятельного американца, уходя с поста Президента СССР и Главнокомандующего Советской Армии, М. Горбачев открыл секрет легкости, с которой он реализовал план разгрома СССР.

Он сказал, что является потомком МОИСЕЯ, а потому не сожалеет о содеянном. Наоборот, гордится вкладом в дело предков, которому они посвятили свои жизни. (Речь идет о многовековой программе сионистов овладения всем миром к 2000 году. См.: Протоколы сионистских мудрецов.) Далее он сказал, что отныне в России будет демократия...

Вот такие откровения потомка ИУДЫ, распинающего на кресте Богоносную Россию с помощью своих подручных-цадиков».

(«Казачий Спас», М., 1992, с. 7.)

Ай да Михаил Сергеевич! А ведь как играл под русского, продираясь в Президенты СССР! И мать-то у него простая русская крестьянка, живет там где-то на Ставропольщине! (Живет, правда, под строжайшей охраной, никто не может даже близко к ее дому подойти. И с чего бы это?) И жена-то у него славянка, под фамилией Титаренко. А не всплывет ли однажды факт, что она тоже чей-нибудь потомок? Например, библейской блудницы Эсфири, которая залезла в постель персидского царя Ксеркса и, всячески ублажив того, получила согласие царя на расправу своих соплеменников над персами, в результате чего иудеями было вырезано 75 000 персов. В честь этого злодеяния иудеи до сих пор ежегодно справляют свой «веселый» весенний праздник Пурим. Не знаю вот только, отмечают ли этот праздник в семье М. С. Горбачева? Судя по всему, должны бы, ведь как-никак — потомок Моисея. И праздновать есть чего. Такую страницу угробил! Это вам не какие-то жалкие 75 000 персов.

В. НИКИФОРОВ

В ФОНД ПОДДЕРЖКИ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Продолжают поступать денежные переводы читателей. Переводы прислали:

Биянов Ю. Т., г. Пермь, Бряиин М. В. г. Москвв, Гигашвили Л. М., г. Петрозаводск, Данилов И. П., г. Мосива, Журавлев Ю. П., г. Игарка, Заварницын А. Д., г. Курган, Зеленцова Н. И., г. Рига, Зыков А. П., г. Красноярси, Ермакова М. М., г. Минск, Иванова Н. Н., г. Когалым, Казаринов В. Е., г. Черемхово Иркутсиой обл., Карпенко В. Г., г. Новосибирсн, Кеншины Юрий и Валерий, г. Смоленск, Коц И. Е., г. Энгельс, Ландышева С. В., г. Горловка, Никулина С. Н., Тверская обл., Панков В. Б. из Пушкчна, Размахина Г. А., г. Москва, Савельев И. А., г. Лузя, Санин А. Т., г. Шахты, Самоходкина Н. Ф., г. С.-Петербург, Семеновв Г. С., г. Москва, Турчанинова Л. Н., г. Киев, Шаралеев Ф. Р., г. Альметьевск, Щербаков А. П., г. Краснодар, Яковенко Я., г. Полтава.

В редакцию журнала «Молодая гвардия»

Я, Курбатова Лидия Петровча, хочу исполнить последнюю волю своего мужа Курбатова Дмитрия Денисовича и передать в фонд поддержки журнала «Молодая гвардия» наши сбережения в размере 3000 рублей.

Курбатова Л. П.

От редакции: Коллектив журнала глубоко скорбит по поводу смерти доброго русского человека и патриота Дмитрия Денисовича Курбатова и выражает Вам, Лидия Петровна, свое глубокое соболезнование.

Спасибо Вам, Лидия Петровна.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В связи с переходом на хозрасчет редакция не имеет возможности вести переписку с корреспондентами журнала в прежнем объеме и информирует своих читателей о том, что наиболее интересные письма будут публиковаться столь же широко, как и ныне, но без предварительного уведомления адресата.

Дискуссионная трибуна открыта для всех без исключения! «МГ» постарается учесть в своей работе самый широкий спектр ваших мнений и предложений! От вашего участия зависит популярность и актуальность «Молодой гвардии»!

Редакция необязательно разделяет точку зрения авторов. Авторы несут ответственность за точность представляемой информации.

Материалы объемом до 2 печатных листов, а также фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

По просьбе меценатов дальнего зарубежья сообщаем валютный счет «МГ»: просим пересылать денежные средства на счет Мосбизнесбанка № 608-205-281 в республиканском национальном банке Нью-Йорка: Нью-Йорк, США, для редакции журнала «Молодая гвардия» на счет 001070245 в Тихвинском отделении Мосбизнесбанка.

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 04.11.92. Подп. в печ. 07.12.92.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 14,07. Уч.-изд. л. 20,5.
Тираж 72 000 экз. Заказ 2124.
Типография акционерного общества «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ЦВ—МЕСТО», производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Уважаемые товарищи! Абонементный бланк, оборотную сторону которого вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. Подписка на второе полугодие 1993 года будет производиться во всех почтовых отделениях и учреждениях «Роспечати» без ограничения. В розничную продажу журнал практически не поступает. Каталожная цена на «Молодую гвардию» на один месяц — 40 руб., на три месяца — 120 руб., на полугодие — 240 рублей.

Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы поддерживаете возрождение Отечества!

Ф СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал **70544**

(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(наименование издания)

Количество комплектов.

на 19___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ______ (почтовый индекс) ______ (адрес)

Кому ______ (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ ______ место ______ литер ______ на ~~газету~~ журнал **70544**

(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(наименование издания)

Стоимость	подписки	___ руб. ___ коп.	Количество комплектов
	переадресовки	___ руб. ___ коп.	

на 19___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ______ (почтовый индекс) ______ (адрес)

Кому ______ (фамилия, инициалы)

ПАТРИОТЫ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Распространяйте и пропагандируйте патриотический журнал «Молодая гвардия»! Создавайте клубы журнала «Молодая гвардия». Добивайтесь открытия на Центральном телевидении постоянных передач устных выпусков журнала «Молодая гвардия».

Патриоты! Организуйте и проводите подписку на журнал «Молодая гвардия» на предприятиях, в организациях, в России и за рубежом.

О ПОДПИСКЕ НА 1993 ГОД

Подписка на второе полугодие 1993 года будет проходить с 1 марта по 30 апреля 1993 года. Каталожная цена на месяц — 40 рублей, на 3 месяца — 120 рублей, на полгода — 240 рублей.

Вниманию читателей из стран СНГ, в которых не проводится подписка на журнал «Молодая гвардия»!

Вы можете подписаться на «МГ» с любого месяца, направляя денежные переводы непосредственно в адрес редакции:

125015, Москва, Новодмитровская, 5а, журнал «Молодая гвардия», ответственному секретарю Кротову Александру Анатольевичу. С учетом пересылки номеров журнала за счет редакции стоимость одного номера 50 руб. (для стран Прибалтики — 1070 руб.). Не забудьте прислать отдельным письмом в адрес редакции квитанцию о переводе и свой точный почтовый адрес. Москвичи могут подписаться на «МГ» непосредственно в редакции по 40 руб. за номер.

Библиотеки из стран СНГ могут осуществить подписку, перечисляя деньги по безналичному расчету на счет ред.: р/с 000608075 в Тихвинском отделении Мосбизнесбанка г. Москвы, МФО 201553 код Д-9 с пометкой: «для журнала «Молодая гвардия», подписка» — и обязательно прислать в адрес редакции копию платежного поручения и свой точный почтовый адрес, указав количество необходимых экземпляров.

На этот же счет читатели журнала могут присылать деньги в фонд помощи журналу.

Редакция уверена, что подписчики «МГ» в 1993 году будут получать журнал ежемесячно.